Цена 50 коп.
Индекс 73407

ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

ISSN 0130-217X

Кубань

Красиодар. Январь 1991.

Январь
1991

Издается с 1945 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ — ОРГАН ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ И КОЛЛЕКТИВА РЕДАКЦИИ

Содержание

ОТВЕРЗИ МИ ДВЕРИ...*

12—14 октября 1990 года в Краснодаре проходил Учредительный съезд Кубанской казачьей Рады. На него прибыли 455 делегатов из 43 районов края и 197 гостей.

Этот день стал днем Возрождения кубанского казачества, оформившегося уже не как фольклорное объединение, а как общественная организация — Кубанская казачья Рада. Были подняты непростые вопросы, связанные с возрождением традиций, обрядов, культуры казачества.

Атаманом Кубанской казачьей Рады единодушно избран доцент КубГУ историк В. П. Громов.

В. Канашкин. Владимир Прокофьевич, разрешите поздравить Вас с избранием атаманом. Съезд был не простым, но Вам кубанские казаки оказали доверие...

В. Громов. Разумеется, для меня это большая честь, но я не старался стать атаманом. Я историк, и мое дело работать в архиве, писать историю. Однако коли мне оказано доверие, то приложу максимум усилий, чтобы оправдать его. Скажу лишь, что работы много, и ответственность великая.

В. Канашкин. Как бы Вы оценили значение съезда? Оправдал ли он надежды кубанских казаков, делегатов съезда?

В. Громов. Главная задача съезда состояла в объединении разрозненных казачьих образований в одну общекубанскую организацию. Необходимость эта осознавалась всеми делегатами. И в результате была создана Кубанская казачья Рада. Если же говорить о значении съезда, то мне представляется, что оно заключается не только в образовании Рады. Теперь кубанские казаки имеют свой центр, который не просто будет направлять работу, но и объединенными усилиями решать проблемы, ставить их перед властями. А для нас сейчас это очень важно. Важно почувствовать, что все мы казаки-братья, что мы едины. А раз так, то мы вместе преодолеем любые трудности.

Наконец, значение съезда проявилось и в том, что он придал новый импульс казачьему возрожденческому движению. Ко мне, в Правление Рады, приезжают казаки, просят помочь в организационной работе. Приходится выезжать в станицы и хутора. И еще съезд придал нашему движению официальный статус. О нас заговорили пресса, телевидение. И хотя далеко не все рассказанное средствами массовой информации близко к правде, но уже положено начало ознакомлению жителей края с целями и задачами нашего движения. Многие ведь так и не понимают до сих пор, что такое казачество в прошлом и что оно представляет собой в настоящее время, а многие так и не понимают трагедию казачества. Да это и не удивительно. Многие годы пресса, пропаганда создавали искаженный образ казачества, трактовали как контрреволюционную силу, изображали казаков как черносотенцев, погромщиков. А у нас ведь так было: раз говорят, пишут,— значит, правда. Значит, так и есть. Поэтому и возрожденческое движение кубанского казачества вызвало, а у некоторых продолжает вызывать, настороженность, недоверие и даже неприятие. Хочу лишь сказать, что казачество Кубани как особая этническая группа населения края с его самобытной культурой имеет право на самовыражение. Когда мы слушаем песни Кубани, сразу узнаем, что это наши — кубанские казаки поют. Хорошо поют куряне, рязанцы, донские казаки, но наши — лучше. И это не от ложного патриотизма, а потому, что это — наше, родное. Причем хочу подчеркнуть, что эти песни вызывают гордость не только кубанских казаков, но и всего славянского населения края. Ведь те, кто прожил на Кубани долгие годы, настолько прониклись народной культурой Кубани, что сами являются ее носителями.

В. Канашкин. Владимир Прокофьевич, Вы затронули вопрос, который интересует многих. Не будет ли представлять собой казачье движение что-то замкнутое, чуждое другим, неказачьим выходцам?

В. Громов. Я уже ответил на этот вопрос, но еще хочу подчеркнуть, что мы объединяем всех, кто разделяет идею возрождения казачества, готов принять в нем участие независимо от происхождения, национальной принадлежности, партийности. А поскольку мы возрождаемся на принципах православия, общечеловеческих ценностей, то необходимым условием является принадлежность к православию. Для нас православие — не дань моде, это часть, а вернее, основа души казачества. Это именно то, что всегда определяло поведение, поступки, мысли, чаяния, культуру казачества. Именно принципы православия являются гарантом того, что возрождающееся казачество не должно стать разрушительной силой, ставшей выше интересов, культурных исторических традиций других народов, населяющих Кубань.

В. Канашкин. Что, на Ваш взгляд, представляет опасность для возрождающегося казачества?

В. Громов. Пока не стану говорить об опасности. Однако отмечу, что нашему движению в конечном счете препятствуют и сами казаки. Мы ведь очень разные. Даже в большей степени разные, нежели наши деды и прадеды. Они были казаками, одухотворенными осознанием времени, исполненными чувством собственного достоинства, братства. Мы же продукты своей эпохи. Многое растеряли, утратили. Создано много казачьих объединений, клубов в Краснодаре, различных по своим целям и задачам. Казалось бы, необходимо объединиться, но мешает честолюбие атаманов. В станицах движение набирает силу потому, что там нет такого разнобоя. В городе многие хотят возглавить общегородскую организацию, не задумываясь, а потянут ли, и чем конкретно они будут заниматься. Все ограничивается разговорами и спорами. Так что мне представляется, эти объединения лучше не объединять. А создать координационный центр. Время же покажет. В станицах еще живы традиции казачества и организации монолитны. Но там свои сложности. Местные власти усматривают в казачьих организациях параллельные структуры власти и поэтому не всегда содействуют казакам. Между тем мы стремимся к сотрудничеству с Советами. Общих проблем много, начиная от культуры и кончая контролем над стихийной эмиграцией в крае. И потом, многие Советы просто привыкли бездействовать, так почему бы их не подтолкнуть к работе в новых условиях. Сколько интересных вопросов ставят казаки, и власти готовы содействовать их реализации, но многое из этого не вписывается в планы Советов. Вот и пускай совместно решаются эти проблемы.

В. Канашкин. Как воспринимается возрожденческое движение казаков среди адыгейского населения края? В печати утверждается, что оно не находит должного понимания.

В. Громов. Уверяю, что это не так. Пишут с целью породить недоверие, напряженность. Среди адыгов возрожденческое движение кубанских казаков находит не только понимание, но и поддержку. Об этом я могу судить по личным впечатлениям, совместной работе Адыгэ хасэ и Оргкомитета. В канун работы съезда мы приняли совместно обращение к населению края. В последнее время мне часто приходится ездить по адыгейским аулам, и я убеждаюсь, что между нашими народами полное взаимопонимание. Мы «сжились» друг с другом. Какой-либо разрыв будет взаимной трагедией. Люди совместно живут на одной земле, вместе работают, делят радости и печали...

Недавно я побывал на 190-летии аула Понежукай. Много было встреч, бесед. Еще раз почувствовал богатство души адыгейского народа. Да и как не почувствовать, если ко мне подходили старики, молодежь, интересовались, расспрашивали. Не могу забыть женщину, старую адыгейку, подошедшую ко мне с глазами, полными слез и радости. Коснувшись рукава черкески, она сказала: «Спасибо, что приехал, сынок, разделить наш праздник». Это была неподдельная радость, я бы сказал — гордость. Вот она — душа простого труженика, сознающего наши кровные связи и общность. Или как забыть, когда всеми уважаемый в ауле эфенди в ответ на мое приветствие сказал: «Здравствуй, брат!»? Мы — разные по возрасту, жизненному опыту и религии, говорили об общих проблемах, задачах. И прекрасно понимали друг друга.

Многие старики просто подходили поприветствовать, высказав тем самым уважение не только мне, как атаману Рады, но и возрождающемуся казачеству. И все подчеркивали: у нас общая

* Данное интервью взято у Атамана Кубанской казачьей Рады В. П. Громова 15 октября 1990 г. сразу после завершения Учредительного съезда.

судьба и делить нам нечего. Мы должны хранить и развивать все доброе, что было и есть у наших народов. Мы возрождаем культурные традиции. Сама поездка членов Правления Рады в Понежукай — тоже традиция. Ведь в прошлом адыги и казаки в праздники были вместе, проводились совместные состязания, скачки...

В. Канашкин. А какие проблемы Вы бы выделили как первостепенные для возрождающегося казачества?

В. Громов. Организационные, конечно же. И наипервейшая — проблема кадров. В движении много серьезных казаков, это атаманы станичных казачьих обществ, районных объединений. Но есть и «приставшие» люди, стремящиеся на идее казачества погреть руки. Есть и экстремисты. А ведь зависит все от того, кто будет возглавлять казачьи организации. Нам хотелось бы, чтобы составы Советов различного уровня пополнились депутатами-казаками.

В. Канашкин. Казачество всегда отличалось патриотизмом, готовностью служить Отечеству. Будет ли Кубанская Рада осуществлять работу по военно-патриотическому воспитанию? И как Вы считаете, возможно ли использовать казаков в качестве составной части Вооруженных Сил страны?

В. Громов. Думаю, что если бы Советская власть проводила с самого начала политику на сохранение и использование богатейшего опыта казачества по охране государственных рубежей, мы бы имели действительно профессиональные пограничные войска, комплектовавшиеся из казаков. Но раз этого не произошло, мы хотели бы возродить не только принципы комплектования воинских частей, но и пограничную службу казаков. Что мы имеет сейчас? Как только наступает призыв в армию, так у нашей молодежи появляется стремление правдами и неправдами уклониться от службы. Этого не было прежде. Ведь служба в армии всегда была для казаков не только долгом, но и делом чести. Правда, мы должны иметь в виду, что тогда казаки служили вместе со своими земляками. Каждый чувствовал поддержку станичника. Служили дружно, не было того чувства одиночества, которое переполняет сейчас каждого новобранца, переступившего порог казармы. Будем просить КГБ и Министерство обороны, чтобы впредь казаков набирали в отдельные части и выделили для службы участки государственной границы.

В. Канашкин. Как Вам представляется проблема землепользования казаков и жителей Кубани в целом?

В. Громов. Считаю, что кубанская земля не должна продаваться. Именно потому Рада выступает за установление традиционного землепользования на Кубани. Ни о какой продаже земли не может быть и речи. Мы, казаки, колхозники, не сможем ее купить. Купят теневики. И тогда жители края окажутся гостями на своей земле. Землей должны распоряжаться местные органы власти. Каждый должен иметь право получить земельный участок, если того желает.

ОБРАЩЕНИЕ
Всекубанского казачьего съезда к жителям Кубани

БРАТЬЯ И СЕСТРЫ! ЗЕМЛЯКИ! КУБАНЦЫ!

Мы, потомки кубанских казаков, собравшись на свой съезд, обращаемся к вам. Начавшееся в народе казачье возрожденческое движение охватывает города и станицы Кубани. Наш съезд стал не только знаменательным событием в общественно-политической жизни края, но и явился важным этапом в стремлении кубанских казаков к объединению и духовному возрождению. Мы хотим сохранить и приумножить то лучшее, чем жили наши предки. Возродит нас казачий дух и неповторимая, единственная в своем роде культура.

Важнейшим итогом работы съезда явилось создание добровольной общественно-патриотической организации — Кубанской казачьей Рады.

Отсутствие достоверной информации о целях и задачах возрожденческого движения кубанского казачества порождает среди жителей Кубани немало различных слухов и ложных вымыслов. О казаках говорят как о черносотенцах, стремящихся к захвату власти, душителях демократии, погромщиках. Все это свидетельствует о том, что часть жителей края все еще находится в плену навязанных стереотипов, весьма далеких от истины.

Между тем деятельность Кубанской казачьей Рады будет осуществляться на православии, веротерпимости, исторически традиционных для казаков принципах доброй воли, уважения к национальным традициям других народов, населяющих Кубань, духовного, военно-патриотического воспитания молодежи, свободного хозяйственного развития.

Возрождающееся кубанское казачество ставит перед собой следующие цели:

всесторонне освещать и пропагандировать историческую правду о казачестве, сделать достоянием народа и прежде всего казачества его заслуги перед Отечеством, славянством, христианством. Добиваться восстановления исторических названий городов, станиц, хуторов, отринув оскорбительные имена лжегероев, причастных к репрессиям против казачества;

возродить народные праздники, обычаи, обряды, культурные традиции, ремесла, промыслы кубанских казаков;

утверждать высокую нравственность, основанную на принципах общечеловеческих ценностей, христианской морали, духовности, исторических традиций казачества;

в лице Кубанской казачьей Рады оказывать влияние на общественную, культурную, экономическую жизнь края правовыми методами на основе Конституции и законов РСФСР;

осуществлять политическую реабилитацию казачества и насильственно депортированных соотечественников. Создать условия для возвращения на Кубань соотечественников из-за рубежа и из других регионов страны. В целях сохранения этнической самобытности и социально-экономической стабильности установить контроль над стихийными миграционными процессами в крае;

активно бороться за экологическое оздоровление края, сохранение его уникальных богатств. Преодолевать пагубные последствия неразумного использования бассейнов Черного и Азовского морей, лесных массивов, пахотных угодий;

требовать предоставления Кубани полной экономической самостоятельности в интересах всестороннего удовлетворения духовных и материальных потребностей населения;

активизировать процесс возрождения малых станиц, хуторов, традиционного уклада жизни казаков, направленного на свободу выбора форм хозяйствования. Добиваться установления традиционного землепользования казаков, других народов, основанного на принципах общинной собственности и направленного на бережное использование земель;

Всекубанский казачий съезд выражает надежду на то, что обращение снимет недоверие к возрождающемуся казачеству, станет объединяющим началом совместных действий жителей Кубани во благо ее экономического и культурного процветания.

Вернем Кубани казачью славу! Слава Кубани!

14 октября 1990 г.

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ
Всекубанского казачьего съезда к краевому Совету народных депутатов

Делегаты Всекубанского казачьего съезда обращаются к вам с настоятельной просьбой рассмотреть на очередной (внеочередной) сессии Краснодарского краевого Совета ситуацию, возникшую в связи с неконституционным повышением статуса Адыгейской автономной области и выходом ее из краевого подчинения. Эти решения Адыгейского областного Совета не учитывают мнения и интересы славянских народов — жителей области. Население бывшего Тульского района, а в подавляющем большинстве оно состоит из представителей славянских народов, отказывается выходить из состава Краснодарского края.

Съезд считает, что решать вопрос о статусе Адыгеи необходимо, исходя не только из интересов наших братьев адыгов, но и учитывая законное право на свою обильно политую потом землю других народов, населяющих наш многонациональный край, в том числе славян, казаков и их потомков. При этом нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что речь идет о районе с полуторавековой казачьей историей, с момента своего основания и до сегодняшнего дня бывшем неотъемлемой частью Краснодарского края.

Делегаты съезда осуждают политику невмешательства Краснодарского краевого Совета в эту проблему и требуют от народных депутатов, руководства края принятия разумных реальных мер. «Не видеть» проблему — не значит, что она самостоятельно разрешится. Не нужно ждать обострения ситуации.

Съезд считает необходимым безотлагательно провести официальную встречу представителей правительства и депутатского корпуса РСФСР, руководства и депутатов Краснодарского края и Адыгеи, представителей Адыгэ хасэ и Кубанской Рады с жителями бывшего Тульского района для выработки конкретного и окончательного решения этой проблемы.

Всекубанский казачий съезд обращает внимание краевого Совета на то, что стихийная миграция (по сути — скрытая колонизация), захлестнувшая Кубань, нарушила этническую самобытность края, ведет к росту преступности, обострению напряженности на межнациональной почве, к дальнейшей дестабилизации ситуации в крае в целом. В связи с переходом к рыночным отношениям, приватизацией собственности это вызывает у жителей края особую тревогу. Местные исполкомы практически бездействуют. В сложившейся ситуации необходимо установить контроль за стихийной миграцией в крае. Предотвратить прописку и продажу жилья без учета общественного мнения жителей станиц, хуторов, казачьих объединений. Критическая ситуация сложилась в Крымском районе, Новороссийске, где мигранты ведут себя вызывающе и безнаказанно. Это, естественно, вызывает справедливое недовольство коренного населения.

Руководству края, на наш взгляд, необходимо проявить инициативу и организовать ряд встреч представителей суверенных союзных республик, причастных к возникшей проблеме, РСФСР, лидеров национальных групп и Кубанской казачьей Рады. Это позволит найти пути решения данного вопроса и определить сроки их реализации.

14 октября 1990 г.

КАЗАКИЯ В НЕПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ

Михаил Меньшиков

Из статьи «Должны победить»

«Должны победить» — под таким заголовком 26 июля (по старому стилю) 1914 года в «Новом времени» вышла статья постоянного сотрудника газеты публициста Михаила Осиповича Меньшикова, о котором «Кубань» поместила материал в сентябрьских номерах за 1989 и 90-й годы. Предлагаем читателям отрывок из нее, посвященный казачеству.

...«Как подумаешь, сколько еще остается сделать...

Побеждает обыкновенно тот, кто кроме долга победы чувствует за собою и право победы, а не было еще момента, когда бы это священное право было более чем теперь на нашей стороне.

«Помогите казакам!» — вот очередные воззвания этих дней в газетах и по улицам Петрограда. Вот призыв, который хочется поддержать от всего сердца. Хотя вся сухопутная армия наша отличалась всегда удивительным героизмом, но казаки, подобно их древним предкам, сумели и в XX веке выделить себя, как особенно лихую, беззаветно-удалую единицу, воюющую с легендарным одушевлением и приемами отдаленных веков. Недаром имя казаков на всем свете окружено ореолом отваги и непобедимости, недаром одно это имя наводит трепет на врагов. Казаки и при современных чудовищных пушках, пулеметах и аэропланах все-таки являются ничем не заменимым средством наносить неожиданные удары, захватывать, окружать, гнать и добивать врага. Эти свойства казацких войск объясняются прежде всего тем, что казаки — особая раса, потомственные качества которой передаются из глубины веков. Точное происхождение казачества неизвестно; но есть даже теория, производящая не казачество от русского народа, а русский народ от казачества. Если есть ученые, серьезно считающие великий скифский народ ближайшим предком славянства, то не надо забывать, что скифы были сплошным казачеством, как это свидетельствуют все источники, начиная с Геродота. Скиф не расставался с конем, что привело к мифу о Кентаврах, борьба с которыми открывает героический период Греции. Кровь этих Кентавров, кажется, до сих пор течет в жилах казачьих войск — столько в ней огня и неостывающего боевого одушевления!

Но эти прирожденные рыцари, эти герои тысячелетий, нуждаются, как и все бойцы, в белье, в теплом платье, в табаке, в немногих, но необходимых вещах, которых казаку иногда негде взять. Казна ему их не дает. Он должен иметь свое. Можно ли не помочь героям? Можно ли отказать им в наступающие рождественские дни в радости получить какой-нибудь подарок, знак благодарного внимания от великой родины?».

М. О. Меньшиков. «Письма к ближним», 1914 г., 4 декабря, стр. 765.— «Должны победить».

Борис Савинков

Из статьи «Вольное казачество»

При царе слово «казак» вызывало недобрые чувства. Казак — значит нагайка. Казак — значит усмиритель. Казак — значит «Боже, царя храни». Была ли заслужена эта репутация?

Да, конечно, при царе казаки «усмиряли». Но ведь и Фанагорийцы и Семеновцы усмиряли тоже, и 9 января 1905 года народная кровь пролилась в Петрограде, потому что стреляли пехотные части. И как было не стрелять? Кто отказывался стрелять, тот сам был расстрелян. Когда при царе меня арестовали жандармы, солдаты Белостокского полка, которые вели меня в крепость, говорили мне — «арестанту»: «Мы знаем, что ты за землю и волю, значит, за правду, значит, за нас. Но если побежишь, будем стрелять, потому что иначе нас расстреляют».

Настал 1917 год. Вспыхнула февральская революция. Если бы не казаки, Протопоповские жандармы бы подавили «бунт». Казаки,— если не ошибаюсь, присоединились к «бунтовщикам» и пошли против Николая II. Сперва казаки, а затем уже гвардии Волынский полк. Русским людям, любящим родину, для которых режим Распутиных, Штюрмеров, становых, губернаторов и жандармов так же ненавистен, как режим Троцких, чрезвычаек, совдепов, цнков, не следует забывать этой великой казачьей службы. «Усмиритель»-казак в феврале 1917 года показал себя истинным сыном народа и верным слугой демократической и свободной России.

Донцы, кубанцы, терцы, оренбуржцы, уральцы, астраханцы, забайкальцы, амурцы первые отозвались на призыв «За Родину и свободу».

«Совет союза казачьих войск», членом которого я состоял и с ведома которого я приписан к станице Пашковской Кубанского войска, первый выступил против большевиков: две донские сотни защищали Временное правительство 25 октября. 30 октября того же 1917 года опять-таки казаки, под начальством генерала Краснова, пытались освободить Петроград от Троцкого и К°. Их усилия разбились в неравном бою под Пулково. С тех пор и по нынешний день казаки ни на минуту не сложили оружия, ни на минуту не отреклись от Родины и не перестали защищать свободу. Вспомните незабвенного атамана Каледина, атаманов Дутова, Семенова, Богаевского и сражающегося ныне на занятой Кубани атамана Павлюка. Сколько славных казачьих имен. Россия их не забудет, как не забудет тех бесчисленных свободолюбивых казаков, которые, защищая свои земли от троцкистского разбоя, легли костьми у Ростова, у Новочеркасска, у Таганрога, у Екатеринодара и на путях к Москве.

В годину небывалого бедствия, смуты, разрухи и потрясения глубочайших основ государственной жизни, когда Россия поколебалась, когда рухнула ее мощь, когда была растоптана ее новорожденная свобода, вольное казачество встало на защиту родины и свободы. «Усмиритель»-казак стал воплощением русского национального духа, любви к Отечеству, готовности пожертвовать для него жизнью. И не только национального духа. Вольный казак воплотил в себе и дух «третьей» России — дух демократии, свободы, равенства и братства. Не казачество покровительствовало помещикам, не казачество заводило генерал-губернаторов. Дон, Кубань, Терек построились на новых началах, на тех, на которых построится вся Россия: земля земледельцу и свобода для всех.

Будущий историк отметит, что казачество, именно оно, было в наше тяжкое время тем устойчивым элементом, который не разрушал, а строил и, строя, не стремился к возврату старого уже и навеки отжившего, а к созданию нового — новой, третьей демократической, казачьей и крестьянской России. Он отметит, что если казачество не было достаточно многочисленным, чтобы своими силами выстроить эту Россию, то оно, поистине, не жалело жертв в той борьбе не на жизнь, а на смерть, которую вчера нам, русским, сегодня полякам, а завтра всей Европе предстоит вести с троцкизмом — «со зверем из бездны».

Из сб. за Родину и Свободу. — Варшава, 1920.

Из Открытого письма генералу Врангелю

Господин Генерал!

Ко мне явились казаки-кубанцы... Они мне высказали то, что давно тревожило мою мысль, что тревожит мысль всех русских людей, любящих родину и твердо верующих в ее возрождение.

Мы, русские патриоты без различия партий, видим в Вас носителя русского национального флага. Мы желаем Вам и Вашей доблестной армии полного успеха в святом деле освобождения родины... Мы с напряжением внимания следим за Вашим продвижением вперед, радуемся Вашим победам и гордимся славою Вашего оружия. Каждый из нас готов всемерно содействовать Вам и положить свои силы на служение родной земле.

Мы верим, что Вы не пойдете по дороге ген. Деникина. Мы верим, что Вы учли ошибки прошлого и проникли в самую сущность событий, происходящих ныне не только в России, но и во всем мире. Старого не вернешь. Его и нельзя пытаться вернуть. Царя не восстановишь. Его нельзя пытаться восстановить. Россия построится как великая казачья и крестьянская демократия через Учредительное Собрание, или она не построится вовсе. Мы верим, что Вы пытаетесь воссоздать Россию не царскую, не помещичью, не чиновничью, а Россию «третью», ту Россию, где все будут равны перед законом, где будет порядок, где каждый казак и каждый крестьянин будет иметь свою землю, будет мирно трудиться на ней и мирно обогащаться, ту Россию, которая не будет ни теснить, ни насиловать никого...

Окровавленные годы международной войны оставили тяжелый след. Честный и доблестный генерал Деникин не понял, однако, что такое свобода. Он

воевал с Грузией и Украиной, он восстановил против себя и Польшу, и Финляндию, и Латвию, и Эстонию и, главное, он восстановил против себя крестьян, то есть самое Россию. Коленопреклоненные, с пением «Христос Воскресе» встречали крестьяне его добровольцев, и он доходил до Орла — почти до ворот Москвы. Как провожали его? За ним шли помещики, становые, исправники, губернаторы контрразведки, бесчисленные тылы, за ним шло старое, истлевшее, неспособное возродить Россию. Не большевики одолели его, не в бою проиграл он святое дело, не самоотверженные бойцы виновны в его поражении. Его одолели расстрелы и грабежи, в его поражении виновны «Осваги» и те несчастные люди, которые не уразумели до сих пор, что красноармейцы такие же русские люди, как и добровольцы, что красноармейский офицер — человек, вынужденный подчиняться большевистскому комиссару, но не идущий своей охотой, что красноармейский солдат не ведает, что творит, и скован пулеметной дисциплиной. Генерала Деникина погубили безумцы, которые вместо прощения несли с собою беспощадную месть, ибо на мести не выстроишь ничего.

Мы верим, я верю, и явившиеся ко мне казаки верят так же, как и я, что Вы, генерал, увидели эти гнилые язвы, что Вы уврачуете их, что Вы поняли, что такое свобода, что Вы сумеете заслужить любовь и доверие казаков и крестьян, что для Вас Россия не пространство на географической карте, а родная, исстрадавшаяся, замученная, поруганная и жаждущая освобождения мать. Мы верим, что Ваша армия даст России и землю, и волю, и мир. Да укрепится эта наша горячая вера.

Борис Савинков. Из сб. «За Родину и Свободу».— Варшава, 1920.

Кубанцы и самостийность

Так называемое «самостийное» движение среди казачества принято рассматривать почти как государственное преступление. Так его рассматривали и Колчак, и Деникин. Так его рассматривают Авксентьев, Керенский, Милюков.

Люди, которые торжественно заявили и заявляют, что они борются за свободу, когда речь идет не только о свободе нашей, великороссов, но и свободе остальных народов, входивших в состав бывшей Российской империи, и в частности, и может быть, в особенности о свободе казачьей, не колеблясь ни на мгновение отрицают эту свободу.

Чем объяснить это вопиющее противоречие? Я спрашиваю: почему москвич имеет право на управление своей родиной, страною, а кубанец или донец лишен этого права? Я спрашиваю: почему москвич, имея право на управление своей родной страной, посягает еще на управление Кубанью и Доном? И я спрашиваю: почему кубанец или донец обязаны умереть за Москву?

Мне скажут: нет донцов, нет кубанцев, нет терцев, есть только русские люди. Казаки — те же великороссы, но отселившиеся на окраины государства. Да, конечно, казаки такие же православные, говорящие на русском языке, русские люди, или и великороссы (не забудем, однако, что на Кубани есть немало казаков-украинцев). Но ведь у казачества свой особый уклад, свои особые нравы, своя история, свои законы. Но ведь казачество не покушается на Москву и не отрекается от Москвы. Но ведь казачество желает только одного — чтобы мы, великороссы, не вмешивались в его, казачьи, дела и не насиловали его, казачьей, воли. Я не сомневаюсь, что независимые Дон, Терек, Кубань найдут приемлемый, достойный и их, и Москвы, и выгодный для нас всех способ сожительства с свободной Великороссией. Но способ этот должен быть утвержден не принудительно, не вооруженной рукой, а добровольным и добросовестным соглашением.

Казаки были готовы грудью защитить родные станицы. На Дону, на Маныче, на Кубани легли тысячи и тысячи казаков в борьбе против коммунистической власти. Но Деникину слышался перезвон московских колоколов, и казаки пошли на Москву, и усеяли своими трупами путь до Орла, и вернулись в Новороссийск к «пароходным дымам». Разумно ли поступил Деникин? Как знать. Может быть, кубанцы, терцы, донцы отстояли бы свои казачьи земли, если бы не поход на Москву. И, может быть, не было бы ныне горя казачьего, того тяжкого горя, которое ходит по белу свету, мыкаясь по Турции, Болгарии, Германии, Сербии, Польше в то время, когда заливаются слезами родные станицы.

Принуждением не выстроится Россия. Пулеметами воедино не соберется. Когда в Москве падет враждебная народу власть, когда в Москве не будет ни Троцких, ни Романовых, ни жандармов, ни чрезвычаек, ни генерал-губернаторов, ни комиссаров, когда в Москве будет мир и свобода,— независимое казачество само потянет руку, положит первый камень государственному строительству новой «третьей» России, народной, крестьянской, казачьей...

Из сб. «Статьи по национальному вопросу».— Варшава, 1921.

Александр Поздняков

Александр Петрович Поздняков родился в 1951 году на Тамбовщине. Полковник юстиции. В марте 1990 года принят в члены Союза писателей СССР. Автор двух сборников: «Строгая гармония» и «Молния ударила в живое», изданных в Москве «Современником» и «Молодой гвардией».

Александр Поздняков — один из постоянных авторов «Кубани», нашим читателям он хорошо знаком по публикациям поэмы «Тяжелый рок», стихотворений «Площадь Пушкина», «Гимн «Демократического Союза» и др.

Сегодня мы публикуем новые стихи поэта из сборника, готовящегося к изданию в «Советском писателе».

НОВЫЕ СТИХИ

Тамбовский волк

Знал я песню одну
Про родную страну.
Больно песня берет за живое.
До утра не засну —
Прислонившись к окну,
На луну молодую завою.

Боже правый, спаси.
На веселой Руси
Так всегда начиналась потеха...
Где-то грянул обрез,
И березовый лес
Отозвался расквитнстым эхом.

Ты не бойся меня —
В сердце нету огня,
Я навеки забыл о свободе.
Я живу не тужу,
Новой власти служу
На железобетонном заводе.

Только в розовых снах
Я в родимых лесах —
Там, где зреет трава-подорожник,
Там, где ворон кружит,
Где мой прадед лежит.
Он расстрелян тобой как заложник.

Если глянуть назад,
Кем ты был, демократ?
На тебе еще кровь не отмыта...
Я стерплю, я снесу,
Коль в бетонном лесу
Ты пропишешь меня по лимиту.

Левый марш — твой удел
(Кто там правой посмел?!)
Загляните в любую обитель —
Комиссар, бюрократ,
А теперь демократ —
Ты всегда и везде победитель.

Пропиши, а не то,
Извиваясь винтом,
Распахнется родимая зона —
И развязка близка,
В сердце злая тоска.
Ты не знаешь лесного закона.

Чьи карманы толстей
И чье брюхо пустей,
Чьи шальней голубые глаза...
На десятку крестей
Подворотних страстей
Два бубновых ложатся туза.

Тут за правду и нож,
Но ты грудь обнажи.
Пусть всю правду расскажет наколка —
Про досаду и стыд,
И как совесть хрустит
На клыках у тамбовского волка.

Победил, так владей,
Но, как прежде, не смей
Доводить до греха, до досады.
Не за ради утех —
За досаду и грех
Перерезать могу твое стадо.

Пусть я гол как сокол
Среди брошенных сел,
Будет бой мой с тобою неравный —
Я от бабки ушел,
Я от дедки ушел,
От тебя-то уйду и подавно.

Ты не бойся меня —
В сердце нету огня,
Я навеки забыл о свободе.
Я живу не тужу
На железобетонном заводе.

В неотмытой крови
Наслаждайся, живи,
Но, тараща глаза свои рачьи,—
Коль смутив тишину,
Волк завыл на луну,—
Ты при нем не скули по-собачьи.

Не читайте газет

Демократическая партия России... партия правящая
Н. Травкин

Не читайте газет,
Говорят, они пачкают руки.
Я совсем неспроста
Вспомнил странный, жеманный совет,
Этот дамский каприз
Повторяю: ни в веселье, ни в скуке,
Ни пастух, ни поэт
Никогда не читайте газет.

Помню я, как пробил
По мозгам первый час перестройки,
Помню ветер над нами —
Весенний, веселый и злой,
Как поднялся народ,
Заскрипев на заржавленной койке,
Как «Да здравствует» лозунг
Поспешно сменил на «Долой».

Как мы шли в Лужники,
Как нам рукоплескала столица.
Я готов удавиться
Тогда был за несколько строк.
Руки — крылья мои
Распахнулись шуршащей страницей,
Вместо сердца рычал
Не мотор, в журнал «Огонек».

Перестройка шагала
Все дальше, и дальше, и выше.
На заржавленной койке
Заснул я спокоен и рад.
Но увидел во сне,
Как Иванушка во поле вышел —
Ухмыляется гад
И пускает стрелу наугад.

Я тот сон позабыл —
Велики были мысли о воле:
На проклятую землю
Небесный опустится рай.
Разбросав семена,
Мы засеяли русское поле.
Только глазом моргнул —
Вышло время собрать урожай.

Мы расправили грудь,
Твоего ожидая примера.
Но вчера на току —
Провалиться на месте! — как встарь,
Я увидел солдат
Во главе с молодым офицером.
С ними рядом застойный
Райкомовский был секретарь.

Ну а где же был ты,
Наша боль, наша новая совесть,
Что в подметных речах
Был так ловок, находчив и смел?
Все пространство страниц
Заняла бесконечная повесть
О разбитых очках
В Цедеэл.

Я полжизни отдал,
Чтоб народным ты стал депутатом.
Я с плакатом стоял,
Я народ за тебя умолял,
А с народом, как встарь,
На току офицер да солдаты.
А тебя в этот час
Я в народе напрасно искал.

Всей душой бунтаря,
Всей своею судьбою опальной
Я поверил тебе,
А в ответ был все тот же обман.
Я свободной газете,
Как прежде, когда-то центральной,
Предпочту самый пошлый
И самый бульварный роман.
Не читайте газет,
Не шуршите продажной страницей.
Все слышней, все страшней
Гулкий голос народной молвы.
Не читайте газет,
На полях пропадает пшеница,
Осыпается рожь, депутаты...
Увы.

Цыганщина

Ромалэ, эх ромалэ,
Нам с тобой сам черт не страшен.
Мы не пашем на земле,
Мы поем на ней да пляшем.

Весть летит по проводам:
Мы теперь Россией правим —
Всем цыганским лошадям
Золотые зубы вставим.

Пропадай все трын-трава.
Нам не страшно — спозаранок
За кибиткой кочевой
Мы уйдем в толпу цыганок.

И пока нам черт не брат,
Не зевайте, вороные...
Государь наш — конокрад,
Значит табор вся Россия.

Русофобия

«Ты приползла к моим ногам,
Прикрой свой срам, Россия, сука...
Я русофоб, пускай я хам,
Но пробил час моим богам
Казнить тебя позорной мукой.

Не знать вовек родной земли...
На свете нет больнее раны.
Пять тысяч лет я брел в пыли,
Покуда в северной дали
Ты все скрывалась за туманом.

Меня пленил простор полей,
Влекла твоя дурная жила.
И я решился — сжился с ней,

А ты беспечностью своей
Народ мой напрочь разложила.

Уж лучше б меч или костер,
Сапог испанский или дыба.
Народ мой ловок и хитер,
Он дыбу знает с давних пор,
Извлечь мы выгоду могли бы.

Я мысль тебе подал тайком,
А ты державною рукою
Произвела ее в партком...
Лишь только тот, кто не знаком
Еще с Иваном-Дураком,
Не знает, что это такое.

Но я теперь узнал сполна.
Признаться, было б не до смеха,
Ведь ты была еще сильна,
Но третья хлынула волна —
И, слава Богу, я уехал.

Я долго ждал, я наблюдал
Твой идиотский бег на месте.
А покидая пьедестал,
Ведь я тебя предупреждал,
Что не избегнешь нашей мести.

О, как ошиблись мы тогда,
Сойдясь в одной с тобою драме,
Когда мы просто, без стыда
Все эти села, города
Купить могли бы с потрохами.

Зачем мы перли на рожон?
К чему теперь я стал свободен?
Ведь я купился, как пижон,—
Я русским духом зражен
И ни на что теперь не годен.

Ушло былое ремесло,
Стал водку пить, ругаться матом.

А ты все делаешь назло,
Тебя на Запад занесло.
И, значит, близок час расплаты.

Ты приползла к моим ногам,
Прикрой свой срам, Россия, сука...
Я русофоб, пускай я хам,
Но пробил час моим богам
Предать твой храм позорным мукам».

* * *

Ю. Селезневу

Дорожная пыль покрывает былье,
Там русская тройка промчалась.
И в скачке утратила имя свое...
Печалью на сердце осталась.

И криком души: «Ничего не сбылось».
Вновь темная тень над могилой...
Но сердце не даром вдруг разорвалось
С такою неслыханной силой.

Быть эхом народа — великая честь,
Но в час, когда он не разбужен,
Иное призванье высокое есть —
Тут колокол Родине нужен.

«Война мировая уже началась...»
Сбылось предсказанье пророка.
Оборвана самая главная связь,
И гибнут герои до срока...

Отчизне в душе непреклонной хранит
Надежду свою на спасенье.
Умолкнувший колокол вновь зазвонит,
Наступит ее воскресенье.

Слепого безверья мучительный груз
Свободная сбросит стихия.
И будет могучим Советский Союз,
Коль будет Великой Россия!

КОНТИНЕНТ СОЛОНЕВИЧА

Как следовало ожидать, слово этого писателя дойдет до нас непременно. Как и следовало ожидать, дойдет оно до нас фактически в последнюю очередь: после «реабилитации» всех «Бердяев Булгаковичей», всех стихотворцев, всех «запретных» в разное время критиков большевистского режима. В этом — своя закономерность.

Как водится у любой власти, сознающей свою незаконность, и в то же время желающей, с одной стороны, мимикрировать, украшаясь псевдоистинами псевдоавторитетов, с другой стороны, ставящей на повестку дня демонстрацию «нового мышления» (то есть фиктивного отречения от прошлых преступлений и насилий), она, власть такая, слой за слоем «открывает» полуправду, которая хуже лжи. Но толщина и количество этих слоев рассчитаны, благо у ее авгуров-демиургов вся полнота фактической и пропагандной информации находится в полном распоряжении. Так вот, Иван Лукьянович Солоневич — это тот автор, который «не предусмотрен» дирижерами мнимой гласности, прячущимися за личиной доброжелательства к России, к русскому народу, к русской истории. Он — выше или вне многомерного и глубоко продуманного обмана. Потому и при жизни, и после смерти имя его было окружено заговором молчания и в СССР, и на Западе.

Однако глубина той ямищи, в которую затолкал нас всемирными усилиями проделанный над нами эксперимент, обязывает нас с беспощадной мужественностью во что бы то ни стало воссоздать единственно спасительный для России комплекс идей, представлений, череду духовных и светских авторитетов, которые соответствуют не мифу, сколь угодно прельстительному, не утопии, сколь угодно цветистой, а реальности, в которой обязаны мы сберечь, возродив, и русскую идею, и себя — остатки русского народа.

Та же, кажущаяся бездонной, глубина духовного кризиса, в которую нас затолкали, только и может быть преодолена при совершенно свободном от интеллигентских предрассудков анализе причин этого кризиса и путей выхода из него. Поэтому такой взгляд на вещи не может не казаться нашему искаженному, изуродованному сознанию оригинальным до «этнографичности». Нам кажется странным и даже диким, бесконечно далеким то, что всего лишь восемьдесят — сто лет назад, в пору молодости уже наших бабушек-прабабушек, было жизнью, и жизнью блистательно полной: Россия конца прошлого — начала нынешнего века. Слава и сила России обнаружили такую могучую потенцию в тот момент, когда, казалось бы, держава была на пределе своего могущества, что «мировая закулиса», по выражению выдающегося философа XX века Ивана Ильина, принуждена была мобилизовать все самое подлое, что выработало хваленое «Просвещение», собрать в единый котел доллары, марки, франки и фунты стерлингов на погибель великой России, добротолюбием своим «грозящей» заполонить весь мир, светом своим загнать в угол корыстолюбивую и множащую корысть тьму. Все разбилось бы о русского колосса, если бы в нем самом не развилась к тому времени смертельная болезнь, называемая безверным интернационализмом или чиновным космополитизмом. Болезнь эта, как вирус, разъедала верхние слои государственного аппарата и интеллигенции, которые и явились главным источником революционного безумия, главными критиками самодержавия, главными палачами русского народа. Дело не меняет своей сути от того, что «грязная работа» была переадресована одураченному и распаленному пропагандой люмпену, клиническому неудачнику в личной жизни, разного рода бездельниками и завистниками как отечественного, так и закордонного происхождения. Но «пусть озлобленные и маловеры ругаются над Россией, как над страной без будущего, без чести и самосознания, мы знаем, мы помним, Она б ы л а, Великая Россия, И она б у д е т» (Георгий Федотов).

Мы знаем, мы уверены. В 1990-х. Но еще труднее было знать это в 30-х — 40-х, когда Солоневич писал свои основные работы.

Есть книги, которые, не будучи изданными в нашей поруганной стране, не дают покоя. Его обретаешь, когда ясное и мудрое слово, хранившееся втуне, доходит до тех, ради кого и добывалось: до русских людей, не утративших совесть и чувство национального достоинства. К таким книгам относятся книги И. Л. Солоневича. В первую очередь «Народная монархия» и «Россия в концлагере».

Но пора сказать подробнее об авторе.

Иван Лукьянович родился 14 ноября 1891 года в крестьянской семье. С 15 лет стал самостоятельно работать, продолжая учиться. Обладая изрядными физическими данными, он стал известным в России спортсменом. Говорят, однажды даже положил на лопатки знаменитого Поддубного. Как пишет его американский издатель П. Ваулин, «можно сказать, что он вышел из народа. Но лучше сказать иначе. Иван Лукьянович никуда из народа не вышел, он так и остался в народе». Был он и спортсменом-профес-

сионалом, и журналистом, вхож был в разные высокие инстанции, как и прочие интеллигенты его времени. Однако крестьянский корень, и свой лично, и России в целом, он сознавал всегда — без ненужной патетики, но твердо: крестьянство — соль земли, создатель русской истории, и русской земли устроитель и украшатель, и самодержавия первейшая опора и хранитель.

Когда судьба забросит Ивана Лукьяновича вместе с сыном и братом в советский концлагерь, главным, что причинит ему глубокую боль, будет картина планомерного и тотального изведения крестьянства.

Февраль 1917 года Солоневич встретил без иллюзий — об этом свидетельствует его работа, название которой говорит само за себя —«Великая фальшивка февраля». Вторым актом распланированной катастрофы был Октябрь,— здесь уже не было иллюзий, но было спокойно-скорбное предвидение всего последующего. Одних, имевших возможность, это предвидение выбросило из рухнувшей России, другие, как родной брат Ивана Лукьяновича, сражались и погибли в рядах белых армий, состоявших в основном из рабочих и крестьян, но преданных своими русскими руководителями или западными расчетливыми покровителями. Солоневич остался, стараясь своей работой — организацией физкультурного движения — укрепить физически истощенный, измотанный, мучимый кровавым небывалым режимом родной народ. Как пишет Вазулин, «ненависть его против коммунизма так же полна и совершенна, как и его любовь к России». В 1920 году Солоневич попадает в лапы одесской «чрезвычайки», но как специалисту, «нужному советской власти», ему удается избежать участи восьмидесяти украинских парней и девушек, захваченных во время религиозного праздника прямо в свитках и сарафанах и без суда расстрелянных...

Решение покинуть страну было твердым. Подготовка велась капитально, всей семьей. Следуют две неудачные попытки. Во время второй ради троих Солоневичей чекисты числом человек в сорок закупили вагон и в качестве «попутчиков» сначала опоили, а затем не без труда скрутили троих здоровяков. Дальнейшее подробно изложено Иваном Лукьяновичем и его братом Борисом. «Россия в концлагере» — книга, написанная в 1935 году, задолго до солженицынских, но книга, непревзойденная никем из послелагерных беллетристов,— по твердости являемого духа, ясности мысли, весомости обобщений.

Почти чудом Солоневичи оказываются в Финляндии. Затем они живут в Германии, где на Ивана Лукьяновича колонизаторы его родины совершают три покушения. Дома — три смертных приговора, вне дома — три покушения, одно из которых закончилось гибелью его супруги Тамары Владимировны и его секретаря. В Германии Солоневич пытается по мере сил противодействовать антирусской пропаганде, направленной на подготовку вторжения, пытается образумить самоуверенный тевтонский апломб по отношению к «рабской русской душе», подчеркивает, что образ России и русского человека, созданный русской классической литературой, не имеет ничего общего с действительностью. Однако совершается то, что свершилось. Германия нападает на все еще не забывшую себя — исконную Россию и терпит поражение. Солоневич переселяется в Аргентину.

Вся эта история в ее онтологическом значении рассказана в «Народной монархии», труде поистине классическом, достойном того, чтобы стать настольной книгой каждого, кто желает знать правду о своем Отечестве. Державный и в то же время поистине народный взгляд и стиль изложения, пронзительная ясность выводов, жизнеустроительная гордость за свою родину,— все это придает «Народной монархии» вневременное, непреходящее значение. Приходилось видеть заеденных апатией, угнетенных безверной раздвоенностью сознания людей, достаточно молодых и в принципе дееспособных, которые после прочтения этой книги как бы возрождались духовно, осознавали, что живы, сильны, что родом не из «Октября», а из тысячелетней созидательной и в высшей степени жертвенной истории. У них загорались глаза, чесались по живому делу руки, они без сожаления расставались со всей многослойной мишурой, выталкивали тромбы, лукаво вбитые в самые жизнетворные сосуды так называемой советской пропагандой. Они переставали стыдиться себя тем искусственным поработительным стыдом, который усердно культивировался орденом меченосцев, поработившим Великую Россию при помощи и содействии якобы противостоящего и якобы демократического Запада, по-клопиному насосавшегося русской крови и русской силушки.

В Буэнос-Айресе Иван Лукьянович основывает издательство «Наша страна» с одноименной газетой, только в 1990 году ставшей известной русским читателям по публикации «Программы для России» в «Литературном Иркутске». Это издательство по искренности и решимости к лишенным конъюнктуры поискам истины является, пожалуй, лучшим русским издательством Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США). Лишенное (во всяком случае, при жизни Ивана Лукьяновича) иллюзий относительно либерализма-социализма во всех его видах вплоть до солидаризма, оно вызывает уважение уже своей стойкостью и бескомпромиссностью. Известно, что подобные издания в современном мире, не говоря уж об условиях «перестройки», обречены на шельмование, перманентные финансовые трудности, наконец, на тотальное замалчивание в силу того, что они не лукавят ни под каким соусом, не состоят ни под тайным, ни под тем более явным покровительством «мировой закулисы». Общую же линию газеты «Наша страна» сам И. Л. Солоневич определил как «столыпинскую»: «борьба с революцией и реакцией во имя России и монархии».

Не исключено, что сама закоренелость идеологических штампов, как положительных, так и отрицательных, станет непреодолимым препятствием для нормального, хотя бы спокойного восприятия работ Солоневича. Что ж, тем хуже для «нервничающих», многие из которых вольно или невольно и усугубляют расширение кризиса, «инстинктивно» возмущаясь добросовестным воспоминаниям о Вере, Царе и Отечестве, о Церкви, Семье и частной собственности. Никто, в сущности, и не надеется на то, что сегодняшний разрушитель, «правый» консерватор-большевик или «левый» радикал, кои по сути — родные братья — р-революционеры,— никто не надеется, что он станет вдруг на путь трезвения, умного делания, созидания, братолюбия и возделывания исторической России. Слишком велико давление таких абсурдно-абстрактных построений, как «рай на земле», «республика», «граница между союзными республиками», «союзное правительство», «парламентская демократия» или таких зловеще-пропагандных лжей, как «монархия — зловещий смрад», «тюрьма народов», «русский — значит держиморда», «империя — это зло», «руководящая роль партии» (не обязательно коммунистической, может, и в новой окраске — антикоммунистической). Но если мы хотим выжить, причем выжить не «идейно», а вполне биологически, мы обязаны продрать духовные очи, воспрять от дурманящего, наркотического, смертного сна, в коем пребываем. И для этого надо вместе с маузерами гражданской войны задвинуть в дальний ящик свою «идеологическую» раздражительность. Умение выслушать и оценить пусть даже непривычное — необходимейшее условие выживания на данном крутом вираже отечественной истории.

Настала пора интеллигенции, не стыдящейся считать себя русской, искупать страшные свои грехи, копившиеся двести с лишним лет, грехи построения абстракций-утопий, неизбежно оплачиваемых кровью миллионов тружеников-созидателей. И здесь уместно вспомнить слова ушедшего еще в 1953 году Ивана Лукьяновича Солоневича, белорусского крестьянина-интеллигента: «Сколько было выдумано всяких мировоззренческих, мистических, философских и потусторонних небылиц! И какая от всего этого получилась путаница в терминах, понятиях и мозгах! Думаю, что ликвидация всего этого является основной, насущнейшей задачей русской мысли, вопросом жизни и смерти интеллигенции... И я, интеллигент, ощущаю всем нутром своим: я должен делать то, что нужно и что полезно русскому рабочему и русскому мужику. Больше я не должен делать ничего. Остальное меня не касается, остальное от лукавого».

Думается, что подобная памятка не помешала бы ни нашим академикам, польза от которых из года в год видится все более под вопросом, ни народным депутатам СССР, отнявшим без пользы изрядное количество миллионов человекочасов, ни журналистско-издательской братии, возомнившей себя носителем власти и вождителем народов, ни изнывающим от безделья администраторам, которые развлекают себя периодическим увеличением себе же незаработанной платы за счет все еще молчащего народа. Молчащего, потому что взвизги «демократов», манифестационные массовые гуляния и звериный, пещерный и уже кровавый нацизм «националов» — это не «глас народа», а произведение все той же бесстыжей шайки «интеллигентов», патентованных паразитов, ростовщиков духа.

Солоневич здесь — отличное оружие вразумления. К тому, о чем он пишет, мы придем, миновав и кашпировских, и кришнаитов, и популистов — халифов на час, чьи имена и запоминать-то не стоит.

Игорь ДЬЯКОВ

Иван Солоневич

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ОБЪЯСНЕНИЙ

ВОПРОС ОБ ОЧЕВИДЦАХ

Я отдаю себе совершенно ясный отчет в том, насколько трудна и ответственна всякая тема, касающаяся советской России. Трудность этой темы осложняется необычайной противоречивостью всякого рода «свидетельских показаний» и еще большей противоречивостью тех выводов, которые делаются на основании этих показаний.

Свидетелям, вышедшим из советской России, читающая публика вправе несколько не доверять, подозревая их, и не без некоторого психологического основания, в чрезмерном сгущении красок. Свидетели, наезжающие в Россию извне, при самом честном своем желании технически не в состоянии видеть ничего существенного, не говоря уже о том, что подавляющее большинство из них ищет в советских наблюдениях не проверки, а только подтверждения своих прежних взглядов. А ищущий, конечно, находит.

Помимо этого, значительная часть иностранных наблюдателей пытается — и не безуспешно — найти положительные стороны сурового коммунистического опыта, оплаченного и оплачиваемого не за их счет. Цена отдельных достижений власти — а эти достижения, конечно, есть — их не интересует: не они платят эту цену. Для них этот опыт более или менее бесплатен. Вивисекция производится не над их живым телом. Почему же не воспользоваться ее результатами?

Полученный таким образом «фактический материал» подвергается затем дальнейшей обработке в зависимости от насущных и уже сформировавшихся потребностей отдельных политических группировок. В качестве окончательного продукта всего этого «производственного процесса» получаются картины или обрывки картин, имеющие очень мало общего с «исходным продуктом» — советской реальностью: должное получает подавляющий перевес над «сущим».

Факт моего бегства из СССР в некоторой степени предопределяет тон и моих «свидетельских показаний». Но если читатель примет во внимание то обстоятельство, что и в концлагерь-то я попал именно за попытку бегства из СССР, то этот тон получает несколько иное, не слишком банальное объяснение: не лагерные, а общероссийские переживания толкнули меня за границу.

Мы трое, т. е. я, мой брат и сын, предпочли совсем всерьез рискнуть своими жизнями, чем продолжать свое существование в социалистической стране. Мы пошли на этот риск без всякого непосредственного давления извне. Я в материальном отношении был устроен значительно лучше, чем подавляющее большинство квалифицированной русской интеллигенции, и даже мой брат, во время наших первых попыток бегства еще отбывающий после Соловков свою «административную ссылку», поддерживал уровень, скажем, русского рабочего. Настоятельно прошу читателя учитывать относительность этих масштабов: уровень жизни советского инженера намного ниже уровня жизни финляндского рабочего, а русский рабочий вообще ведет существование полуголодное.

Следовательно, тон моих очерков вовсе не определяется ощущени-

ем какой-то особой, личной обиды. Революция не отняла у меня никаких капиталов — ни движимых, ни недвижимых — по той простой причине, что капиталов этих у меня не было. Я даже не могу питать никаких специальных и личных претензий к ГПУ: мы были посажены в концлагерь не за здорово живешь, как попадает, вероятно, процентов восемьдесят лагерников, а за весьма конкретное «преступление», и преступление с точки зрения советской власти особо предосудительное: попытку оставить социалистический рай. Полгода спустя после нашего ареста был издан закон от 7 июня 1934 года, карающий побег за границу смертной казнью. Даже и советски настроенный читатель должен, мне кажется, понять, что не очень велики сладости этого рая, если выходы из него приходится охранять суровее, чем выходы из любой тюрьмы.

Диапазон моих переживаний в советской России определяется тем, что я прожил в ней 17 лет, и за эти годы с блокнотом и без блокнота, с фотоаппаратом и без фотоаппарата я исколесил ее всю. То, что я пережил в течение этих советских лет и то, что я видел на пространствах советских территорий, определило для меня невозможность оставаться в России. Мои личные переживания, как потребителя хлеба, мяса и пиджаков, не играли в этом отношении решительно никакой роли. Чем именно определились эти переживания, будет видно из моих очерков; в двух строчках этого сказать нельзя.

ДВЕ СИЛЫ

Если попытаться предварительно и, так сказать, эскизно определить тот процесс, который сейчас совершается в России, то можно сказать приблизительно следующее.

Процесс идет чрезвычайно противоречивый и сложный. Властью создан аппарат принуждения такой мощности, какого история еще не видала. Этому принуждению противостоит сопротивление почти такой же мощности. Две чудовищные силы сцепились друг с другом в обхватку, в беспримерную по своей напряженности и трагичности борьбу. Власть задыхается от непосильности задач; страна задыхается от непосильности гнета.

Власть ставит своей целью мировую революцию. Ввиду того, что надежды на близкое достижение этой цели рухнули, страна должна быть превращена в моральный, политический и военный плацдарм, который сохранил бы до удобного момента революционные кадры, революционный опыт и революционную армию.

Люди же, составляющие эту «страну», становиться на службу мировой революции не хотят и не хотят отдавать своего достояния и своих жизней. Власть сильнее «людей», но «людей» больше. Водораздел между властью и «людьми» проведен с такой резкостью, с какой это обычно бывает только в эпохи иноземного завоевания. Борьба принимает формы средневековой жестокости.

Ни на Невском, ни на Кузнецком мосту ни этой борьбы, ни этих жестокостей не видать. Здесь — территория, уже прочно завоеванная властью. Борьба идет на фабриках и заводах, в степях Украины и Средней Азии, в горах Кавказа, в лесах Сибири и Севера. Она стала гораздо более жестокой, чем она была даже в годы военного коммунизма — отсюда чудовищные цифры «лагерного населения» и не прекращающееся голодное вымирание страны.

Но на завоеванных территориях столиц, крупнейших промышленных центров, железнодорожных магистралей достигнут относительный внешний порядок: «враг» или вытеснен, или уничтожен. Террор в городах, резонирующий по всему миру, стал ненужен и даже вреден. Он перешел в низы, в массы, от буржуазии и интеллигенции — к рабочим и крестьянам, от кабинетов — к сохе и станку. И для постороннего наблюдателя он стал почти незаметен.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ

Тема о концлагерях в советской России уже достаточно использована. Но она была использована преимущественно как тема «ужасов» и как тема личных переживаний людей, попавших в концлагерь более или менее безвинно. Меня концлагерь интересует не как территория «ужасов», не как место страданий и гибели миллионных масс, в том числе и не как фон моих личных переживаний, каковы бы они ни были. Я не пишу сентиментального романа и не собираюсь вызвать в читателе чувства симпатии или сожаления. Дело не в сожалении, а в понимании.

И вот именно здесь, в концлагере, легче и проще всего понять основное содержание и основные «правила» той борьбы, которая ведется на пространстве всей социалистической республики.

Я хочу предупредить читателя: ничем существенным лагерь от «воли» не отличается. В лагере если и хуже, чем на воле, то очень уж не на много — конечно, для основных масс лагерников, рабочих и крестьян. Все, что происходит в лагере, происходит и на воле. И наоборот. Но только в лагере все это нагляднее, проще, четче. Нет той рекламы, нет тех «идеологических надстроек», подставной и показной общественности, белых перчаток и оглядки на иностранного наблюдателя, какие существуют на воле. В лагере основы советской власти представлены с четкостью алгебраической формулы.

История моего лагерного бытия и побега если не доказывает, то во всяком случае, показывает, что эту формулу я понимал правильно. Подставив в нее вместо отвлеченных алгебраических величин живых и конкретных носителей советской власти в лагере, живые и конкретные взаимоотношения власти и населения, я получил нужное мне решение, обеспечившее в исключительно трудных объективных условиях успех нашего, очень сложного технически, побега.

Возможно, что некоторые страницы моих очерков покажутся читателю циничными... Конечно, я очень далек от мысли изображать из себя невинного агнца; в той жестокой ежедневной борьбе за жизнь, которая идет по всей России, таких агнцев вообще не осталось, они вымерли. Но я прошу не забывать, что дело шло совершенно реально о жизни и смерти, и не только моей.

В той борьбе не на жизнь, а на смерть, о которой я только что говорил, нельзя представлять себе дело так, что вот, с одной стороны, беспощадные палачи, а с другой — только безответные жертвы. Нельзя же думать, что за годы этой борьбы у страны не выработалось миллионов способов и открытого сопротивления, и «применения к местности», и всякого рода изворотов, не всегда одобряемых евангельской моралью. И не нужно представлять себе страдание непременно в ореоле святости. Я буду рисовать советскую жизнь в меру моих способностей такою, какою я ее видел. Если некоторые страницы этой книги читателю не понравятся — это не моя вина.

ИМПЕРИЯ ГУЛАГА

Эпоха коллективизации довела количество лагерей и лагерного населения до неслыханных цифр. Именно в связи с этим лагерь перестал быть местом заключения и истребления нескольких десятков тысяч контрреволюционеров, каким были Соловки, и превратился в гигантское предприятие по эксплуатации даровой рабочей силы, находящейся в ведении Главного Управления Лагерями ГПУ — ГУЛАГа. Границы между лагерем и волей стираются все больше и больше. В лагере идет процесс относительного раскрепощения лагерников; на воле идет процесс абсолютного закрепощения масс. Лагерь вовсе не является изнанкой, неким Unterwelt'ом воли, а просто отдельным и даже не очень своеобразным куском советской жизни. Если мы представим себе лагерь несколько менее голодный, лучше одетый и менее интенсивно расстреливаемый, чем сейчас, то это и будет куском будущей России, при условии ее дальней-

шей «мирной эволюции». Я беру слово «мирная» в кавычки, ибо этот худой мир намного хуже основательной войны... А сегодняшняя Россия пока очень немногим лучше сегодняшнего концлагеря.

Лагерь, в который мы попали — Беломорско-Балтийский Комбинат (ББК) — это целое королевство с территорией от Петрозаводска до Мурманска, с собственными лесоразработками, каменоломнями, фабриками, заводами, железнодорожными ветками и даже с собственными верфями и пароходством. В нем девять отделений: мурманское, туломское, кемское, сорокское, сегежское, сосновецкое, водораздельное, повенецкое и медгорское. В каждом таком отделении — от пяти до двадцати семи лагерных пунктов (лагпункты) с населением от пятисот человек до двадцати пяти тысяч. Большинство лагпунктов имеют еще свои «командировки» — всякого рода мелкие предприятия, разбросанные на территории лагпункта.

На ст. Медвежья Гора (Медгора) находится управление лагерем — оно же и фактическое правительство так называемой «Карельской республики»; лагерь поглотил республику, захватил ее территорию и — по известному приказу Сталина об организации Балтийско-Беломорского Комбината — узурпировал все хозяйственные и административные функции правительства. Этому правительству осталось только «представительство», побегушки по приказам Медгоры, да роль декорации национальной автономии Карелии.

В июне 1934 года «лагерное население» ББК исчислялось в 286 тысяч человек, хотя лагерь находился уже в состоянии некоторого упадка: работы по сооружению Беломорско-Балтийского канала были уже закончены, и огромное число заключенных — я не знаю точно, какое именно — было отправлено на БАМ (Байкало-Амурская магистраль). В начале марта того же года мне пришлось работать в плановом отделе Свирского лагеря — это один из сравнительно мелких лагерей; в нем тогда было 78.000 «населения».

Некоторое время я работал в учетно-распределительной части (УРЧ) ББК и в этой работе сталкивался со всякого рода переброскми из лагеря в лагерь. Это дало мне возможность с очень грубой приблизительностью определить число заключенных всех лагерей СССР. Я при этом подсчете исходил, с одной стороны, из точно мне известных цифр «лагерного населения» Свирьлага и ББК, а с другой — из, так сказать, «относительных величин» остальных более или менее мне известных лагерей. Некоторые из них больше ББК (БАМ, Сиблаг, Дмитлаг); большинство — меньше. Есть совсем уж неопределенное количество мелких и мельчайших лагерей — в отдельных совхозах, даже в городах. Так, например, в Москве и Петербурге стройки домов ГПУ и стадионов «Динамо» производились силами местных лагерников. Есть десятка два лагерей средней величины — так между ББК и Свирьлагом. Я не думаю, чтобы общее число всех заключенных в этих лагерях было меньше пяти миллионов человек. Вероятно, несколько больше. Но, конечно, ни о какой точности подсчета не может быть и речи. Больше того, я знаю системы низового подсчета в самом лагере и поэтому сильно сомневаюсь, чтобы само ГПУ знало о числе лагерников с точностью хотя бы до сотен тысяч.

Здесь идет речь о лагерниках в строгом смысле этого слова. Помимо них существуют всякие другие более или менее заключенные слои населения. Так, например, в ББК в период моего пребывания там находилось 28000 семейств так называемых «спецпереселенцев» — это крестьяне Воронежской губернии, высланные в Карелию целыми селами на поселение и под надзор ББК. Они находились в гораздо более худшем положении, чем лагерники, ибо они были с семьями, и пайка им не давали. Далее следует категория административно-ссыльных, высылаемых в индивидуальном порядке; это вариант двоеиной ссылки, только без всякого обеспечения со стороны государства — живи, чем хочешь. Дальше — «вольноссыльные» крестьяне, высылаемые обычно целыми селами на всякого рода «неудобоусвояемые земли», но не находящиеся под непосредственным ведением ГПУ.

О количестве всех этих категорий, не говоря уже о количестве заключенных в тюрмах, я не имею никакого, даже приблизительного, представления. Надо иметь в виду, что все эти заключенные и полузаключенные люди — все это цвет нации, в особенности крестьяне. Думаю, что не меньше одной десятой части взрослого мужского населения страны находится или в лагерях, или где-то около них.

Это, конечно, не европейские масштабы. Системы советских ссылок как-то напоминают новгородский «вывод» при Грозном, а еще более — ассирийские методы и масштабы.

«Ассирийцы,— пишет Каутский,— додумались до системы, которая обещала их завоеваниям большую прочность: там, где они наталкивались на упорное сопротивление или повторные восстания, они парализовали силы побежденного народа таким путем, что отымали у него голову, то есть отымали у него господствующие классы — самые знатные, образованные и боеспособные элементы, и отсылали их в отдаленную местность, где они, оторванные от своей подпочвы, были совершенно бессильны. Оставшиеся на родине крестьяне и мелкие ремесленники представляли плохо связанную массу, не способную оказать какое-нибудь сопротивление завоевателям».

Советская власть повсюду «наталкивалась на упорное сопротивление и повторные восстания» и имеет все основания опасаться в случае внешних осложнений такого подъема «сопротивления и восстаний», какого еще не видала даже и многострадальная русская земля. Отсюда — и ассирийские методы и ассирийские масштабы. Все более или менее хозяйственно устойчивое, способное мало-мальски самостоятельно мыслить, короче говоря, все то, что оказывает хоть малейшее сопротивление всеобщему нивелированию, подвергается «выводу», искоренению, изгнанию.

Как видите, эти цифры очень далеки и от «мирной» эволюции, и от «ликвидации террора». Боюсь, что во всякого рода эволюционных теориях русская эмиграция слишком увлеклась тенденцией видеть чаемое как бы сущим. В России об этих теориях не слышно абсолютно ничего, и для нас — всех троих — эти теории эмиграции явились полнейшей неожиданностью, как снег на голову.

При нэпе власть использовала инстинкт собственности и, использовав, послала на Соловки и на расстрел десятки и сотни тысяч своих временных нэповских «помощников». Первая пятилетка использовала инстинкт строительства и привела страну к голоду, еще не бывалому даже в истории социалистического рая. Сейчас власть пытается использовать национальный инстинкт для того, чтобы в момент военных испытаний обеспечить, по крайней мере, свой тыл. История всяких помощников, попутчиков, сменовеховцев и прочих, использованных до последнего волоса и потом выкинутых на расстрел, могла бы заполнить целые томы. В эмиграции и за границей об этой истории позволительно время от времени забывать; неэмиграция и незаграница платила своими шкурами за тенденции видеть «чаемое как бы сущим». Профессору Устрялову, сильно промахнувшемуся на своих нэповских пророчествах, решительно ничего не стоит в тиши харбинского кабинета сменить свои вехи еще один раз (или далеко не один раз) и состряпать свое пророчество. В России люди, ошибающиеся в своей оценке и поверившие власти, платили за свои ошибки жизнью. И поэтому человек, который в России стал бы всерьез говорить об эволюции власти, стал бы просто поднят на смех.

Но как бы ни оценивать шансы «мирной эволюции», мирного врастания социализма в кулака (можно утверждать, что издали виднее), один факт остается для меня вне всякого сомнения. Об этом мельком говорил краском Тренин в «Последних Новостях»: страна ждет войны для восстания. Ни о какой защите «социалистического отечества» со стороны народных масс не может быть и речи. Наоборот, с кем бы ни велась война и какими бы последствиями ни грозил военный разгром, все штыки и все вилы, которые только могут быть воткнуты в спину красной армии, будут воткнуты обязательно. Каждый мужик знает это точно так же, как это знает и каждый коммунист! Каждый мужик знает, что при первых же выстрелах войны он в первую голову будет резать своего ближайшего председателя сельсовета, председателя колхоза и т. д., и эти последние совершенно ясно знают, что в первые же дни войны они будут зарезаны.

Я не могу сказать, чтобы вопросы отношения масс к религии, монархии, республике и пр. были для меня совершенно ясны. Но вопрос об отношении к войне выпирает с такой очевидностью, что тут не может быть никаких ошибок. Я не считаю это особенно розовой перспективой, но особенно розовых перспектив вообще не видать. Достаточно хорошо зная русскую действительность, я довольно ясно представляю себе, что будет делаться в России на второй день после объявления войны: военный коммунизм покажется детским спектаклем. Некоторые репетиции этого спектакля я видел уже в Киргизии, на Северном Кавказе и в Чечне. Коммунизм это знает совершенно точно, и вот почему он пытается ухватиться за ту соломинку доверия, которая, как ему кажется, в массах еще осталась. Можно еще один, совсем лишний раз, обмануть людей, сидящих в Париже или в Харбине, но нельзя еще один раз (который, о Господи!) обмануть людей, сидящих в концлагере или в колхозе. Для них сейчас хуже, чем на советской родине, все равно не будет нигде.

Учитывая этот факт, большевизм строит свои военные планы с большим расчетом на восстания — и у себя, и у противника. Или, как говорил мне один из военных главкомов, вопрос стоит так: «Где раньше вспыхнут массовые восстания — у нас или у противника. Они раньше всего вспыхнут в тылу отступающей стороны. Поэтому мы должны наступать, и поэтому мы будем наступать».

К чему может привести это наступление, я не знаю. Но возможно, что в результате его мировая революция может стать, так сказать, актуальным вопросом. И тогда господам Устрялову, Блюму, Бернарду Шоу и многим другим, покровительственно поглаживающим большевистского пса или пытающимся в порядке торговых договоров урвать из его шерсти клочок долларов, придется пересматривать свои вехи уже не в кабинетах, а в Соловках и ББКах, где их пересматривают много, очень много людей, уверовавших в эволюцию, сидя не в Харбине, а в России.

В этом, все же не вполне исключенном случае, неудобоусвояемые просторы российских отдаленных мест будут несомненно любезно предоставлены в распоряжение соответствующих братских ревкомов для поселения там многих, ныне благополучно верующих людей — откуда же взять эти просторы, как не на Российском севере?

И для этого случая мои очерки могут сослужить службу путеводителя и самоучителя.

БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКИЙ КОМБИНАТ — ББК

ОДИНОЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

В камере мокро и темно. Каждое утро я тряпкой стираю струйки воды со стен и лужицы с полу. К полудню пол снова в лужах.

Около семи часов утра мне в окошечко двери просовывают фунт черного малосъедобного хлеба — это мой дневной паек — и кружку кипятку. В полдень — блюдечко ячкаши, вечером — тарелку жидкости, долженствующей изображать щи, и тоже блюдечко каши.

По камере можно гулять из угла в угол, выходит четыре шага туда и четыре обратно. На прогулку меня не пускают, книг и газет не дают, всякое сообщение с внешним миром отрезано. Нас арестовали весьма конспиративно, и никто не знает и не может знать, где мы, собственно, находимся. Мы — то есть я, мой брат Борис и сын Юра. Но они где-то по другим одиночкам.

Я по неделям не вижу даже тюремного надзирателя. Только чья-то рука просовывается с едой и чей-то глаз каждые 10—15 минут загля-

дывает в волчок. Обладатель глаза ходит неслышно, как привидение, и мертвая тишина покрытых войлоком тюремных коридоров нарушается только редким лязгом дверей, звоном ключей и изредка каким-нибудь диким и скоро заглушаемым криком. Только один раз я явственно разобрал содержание этого крика:

— Товарищи, братишки, на убой ведут...

Ну, что же. В какую-то не очень прекрасную ночь вот точно так же поведут и меня. Все объективные основания для этого «убоя» есть. Мой расчет заключается, в частности, в том, чтобы не дать довести себя до этого «убоя». Когда-то, еще до голодовок социалистического рая, у меня была огромная физическая сила. Кое-что осталось и теперь. Каждый день, несмотря на голодовку, я все-таки занимаюсь гимнастикой, неизменно вспоминая при этом андреевского студента из «Рассказа о семи повешенных». Я надеюсь, что у меня еще хватит силы, чтобы кое-кому из людей, которые вот так ночью войдут ко мне с револьверами в руках, переломать кости и быть пристреленным без обычных убойных обрядностей. Все-таки это проще.

Но, может быть, захватят сонного и врасплох, как захватили в вагоне. И тогда придется пройти весь этот скорбный путь, исхоженный уже столькими тысячами ног, со скрученными на спине руками, все ниже и ниже, в таинственный подвал ГПУ... И с падающим сердцем ждать последнего — уже неслышного — толчка в затылок.

Ну, что ж... Не уютно, но я не первый и не последний. Еще неуютнее мысль, что по этому пути придется пройти и Борису. В его биографии — Соловки, и у него совсем уж мало шансов на жизнь. Но он чудовищно силен физически и едва ли даст довести себя до убоя.

А как с Юрой? Ему еще нет 18-ти. Может быть, пощадят, а может быть, и нет. И когда в воображении всплывает его высокая и стройная юношеская фигура, его кудрявая голова... В Киеве, на Садовой, 5, после ухода большевиков я видел человеческие головы, простреленные из нагана на близком расстоянии.

Когда я представляю себе Юру, плетущегося по этому скорбному пути и его голову... Нет, об этом нельзя думать. От этого становится тесно и холодно в груди и мутится в голове. Тогда хочется сделать что-нибудь решительное и ни с чем не сообразное.

Но не думать тоже нельзя. Бесконечно тянутся бессонные тюремные ночи, неслышно заглядывает в волчок чей-то почти невидимый глаз. Тускло светит с середины потолка электрическая лампочка. Со стен несет сыростью. О чем думать в такие ночи?

О будущем думать нечего. Где-то там, в таинственных глубинах Шпалерки, уже, может быть, лежит клочок бумажки, на котором черным по белому написана моя судьба, судьба брата и сына, и об этой судьбе думать нечего, потому что она неизвестна, потому что в ней изменить я уже ничего не могу.

Говорят, что в памяти умирающего проходит вся его жизнь. Так и у меня. Мысль все настойчивее возвращается к прошлому, к тому, что за все эти революционные годы было перечувствовано, передумано, сделано, точно на какой-то суровой, аскетической исповеди перед самим собой; исповеди тем более суровой, что именно я, как «старший в роде», как организатор, а в некоторой степени и инициатор побега, был ответственен не только за свою собственную жизнь. И вот, я допустил техническую ошибку.

БЫЛО ЛИ ЭТО ОШИБКОЙ?

Да, техническая ошибка, конечно, была. Именно в результате ее мы очутились здесь. Но не было ли чего-нибудь более глубокого, не было ли принципиальной ошибки в нашем решении бежать из России? Неужели же нельзя было остаться, жить так, как живут миллионы, пройти вместе со своей страной весь ее трагический путь в неизвестность? Действительно ли не было никакого житья, никакого просвета?

Внешнего толчка, в сущности, не было вовсе. Внешне наша семья жила в последние годы спокойной и обеспеченной жизнью, более спокойной и более обеспеченной, чем жизнь подавляющего большинства квалифицированной интеллигенции. Правда, Борис прошел многое, в том числе и Соловки, но и он, даже будучи ссыльным, устраивался как-то лучше, чем устраивались другие.

Я вспоминаю страшные московские зимы 1928—1930 годов, когда Москва — конечно, рядовая, неофициальная Москва — вымерзала от холода и вымирала от голода. Я жил под Москвой в 20 верстах, в Салтыковке, где живут многострадальные «зимогоры», для которых в Москве не нашлось жилплощади. Мне нужно было ездить в Москву на службу, ибо моей профессией была литературная работа в области спорта и туризма. Москва внушала мне острое отвращение своей переполненностью, сутолокой, клопами, грязью. В Салтыковке у меня была своя робинзоновская мансарда, достаточно просторная и почти полностью изолированная от жилищных дрязг, подслушивания, грудных ребят за стеной и вечных примусов в коридоре; без вечной борьбы за ухваченный кусочек жилплощади, без управдомовской слежки и прочих московских ароматов. В Салтыковке, кроме того, можно было, хотя бы частично, отгораживаться от холода и голода.

Летом мы собирали грибы и ловили рыбу. Осенью и зимой корчевали пни (хворост был давно подобран под метелку). Конечно, всего этого было мало, тем более, что время от времени в Москве наступали моменты, когда ничего мало-мальски съедобного, иначе как по карточкам, нельзя было достать ни за какие деньги, по крайней мере, легальным путем.

Поэтому приходилось прибегать иногда к весьма сложным и почти всегда не весьма легальным комбинациям. Так, одну из самых голодных зим мы пропитались картошкой и икрой, не какой-нибудь грибной икрой, которая по цене около трешки за кило предлагается «кооперированным трудящимся» и которой даже эти трудящиеся есть не могут, а настоящей, живительной черной икрой, зернистой и паюсной. Хлеба, впрочем, не было...

Факт пропитания икрой в течение целой зимы целого советского семейства мог бы, конечно, служить иллюстрацией «беспримерного в истории подъема благосостояния масс», но по существу дело обстояло прозаичнее.

В старом Елисеевском магазине на Тверской обосновался «Инснаб», из которого бесхлебное советское правительство снабжало своих иностранцев, приглашенных по договорам иностранных специалистов.

Впрочем, это был период, когда и для иностранцев уже немного оставалось. Каждый из них получал персональную заборную книжку, в которой было проставлено, сколько продуктов он может получить в месяц. Количество это колебалось в зависимости от производственной и политической ценности данного иностранца, но в среднем было очень невелико. Особенно ограничена была выдача продуктов первой необходимости — картофеля, хлеба, сахару и пр. И наоборот, икра, семга, балык, вина и пр. отпускались без ограничения. Цены же на все эти продукты первой и не первой необходимости были раз в 10—20 ниже рыночных.

Русских в магазин не пускали вовсе. У меня же было сногсшибательное английское пальто и «неопалимая» сигара, специально для особых случаев сохранявшаяся.

И вот, я в этом густо иностранном пальто и с сигарой в зубах важно шествую мимо чекиста из паршивеньких, охраняющего этот съестной рай от голодных советских глаз. В первые визиты чекист еще пытался спросить у меня пропуск, я величественно запускал руку в карман и, ничего оттуда видимого не вынимая, проплывал мимо. В магазине все уже было просто. Конечно, хорошо бы купить и простого хлеба, картошка даже и при икре все же надоедает, но хлеб строго нормирован, и без книжки

нельзя купить ни фунта. Ну, что ж. Если нет хлеба, будем жрать честную пролетарскую икру.

Икра здесь стоила 22 рубля кило. Я не думаю, чтобы Рокфеллер поглощал ее в таких количествах, в каких ее поглощала советская Салтыковка. Но к икре нужен был еще и картофель.

С картофелем делалось так. Мое образцово-показательное пальто оставлялось дома, я надевал свою видавшую самые живописные виды советскую хламиду и устремлялся в подворотни где-нибудь у Земляного Вала. Там мирно и с подозрительно честным взглядом прохаживались подмосковные крестьянки. Я посмотрю на нее, она посмотрит на меня. Потом я пройдусь еще раз и спрошу ее таинственным шепотом:

— Картошка есть?

— Какая тут картошка...— но глаза «спекулянтки» уже ощупывают меня. Ощупав меня взглядом и убедившись в моей добропорядочности, «спекулянтка» задает какой-нибудь довольно бессмысленный вопрос:

— А вам картошки надо?

Потом мы идем куда-нибудь в подворотню, на задворки, где на какой-нибудь куче тряпья сидит мальчуган или девчонка, а под тряпьем — заветный, со сколькими трудностями и риском привезенный в Москву мешочек с картошкой. За картошку я плачу 5—6 рублей кило.

Хлеба же не было потому, что мои неоднократные попытки использовать все блага пресловутой карточной системы кончались позорным провалом: я бегал, хлопотал, доставал из разных мест разные удостоверения, торчал в потной и вшивой очереди в карточном бюро, получал карточки и потом ругался с женой, по экономически-хозяйственной инициативе которой затевалась вся эта волынка.

Я вспоминаю газетные заметки о том, с каким «энтузиазмом» приветствовал пролетариат эту самую карточную систему в России; «энтузиазм» извлекался из самых, казалось бы, безнадежных источников. Но карточная система организована была действительно остроумно.

Мы все трое — на советской работе, и все трое имеем карточки. Но моя карточка прикреплена к распределителю у Земляного Вала, карточка жены — к распределителю на Тверской и карточка сына — где-то у Разгуляя. Это — раз. Второе. По карточке, кроме хлеба, получаю еще и сахар по 800 г. в месяц. Талоны на остальные продукты имеют чисто отвлеченное значение и никого ни к чему не обязывают.

Так вот попробуйте на московских трамваях объехать все эти три кооператива, постоять в очереди у каждого из них и по меньшей мере в одном из трех получить ответ, что хлеб уже весь вышел, будет к вечеру или завтра. Говорят, что сахару нет. На днях будет. Эта операция повторяется раза три-четыре, пока в один прекрасный день вам говорят:

— Ну, что ж вы вчера не брали? Вчера сахар у нас был.

— А когда будет в следующий раз?

— Да все равно эти карточки уже аннулированы. Надо было вчера брать.

Я не помню случая, чтобы моих нервов и моего характера хватало больше, чем на неделю такой волокиты.

После вот этаких поездок приезжаешь домой в состоянии ярости и бешенства. Хочется по дороге набить морду какому-нибудь милиционеру, который приблизительно в такой же степени, как и я, виноват в том раздувшемся на одну шестую часть земного шара кабаке, или устроить вооруженное восстание.

Я с треском рвал карточки и шел в какой-нибудь «Инснаб».

О МОРАЛИ

Я не питаю никаких иллюзий насчет того, что комбинация с «Инснабом» и другие в этом же роде, имя им — легион, не были жульничеством. Не хочу вскармливать на этих иллюзиях и читателя.

Некоторым оправданием для меня может служить то обстоятельство,

что в советской России так делали и делают все, начиная с государства. Государство за мою более или менее полноценную работу дает мне бумажку, на которой написано, что цена ей рубль и даже, что этот рубль обменивается на золото. Реальная же цена этой бумажки — немногим больше копейки, несмотря на ежедневный курсовой отчет «Известий», в котором эта бумажка упорно фигурирует в качестве самого всамделишного полноценного рубля. В течение 17 лет государство, если и не всегда грабит меня, то уж обжуливает систематически, изо дня в день. Рабочего оно обжуливает больше, чем меня, а мужика больше, чем рабочего. Я пропитываюсь «Инснабом» и не голодаю, рабочий ворует на заводе и все же голодает, мужик таскается по ночам по своему собственному полю с ножиком или ножницами в руках, стрижет колосья и совсем уж мрет с голоду. Мужик, ежели он попадется, рискует или расстрелом, или минимум «при смягчающих вину обстоятельствах» — десятью годами концлагеря (закон от 7 августа 32 г.). Рабочий рискует тремя-пятью годами концлагеря или минимум — исключением из профсоюза. Я рискую минимум одним неприятным разговором и максимум несколькими неприятными разговорами, ибо никакой «широкой общественно-политической кампании» мои хождения в «Инснаб» не предусматривали.

Легкомысленный иностранец может упрекнуть и меня, и рабочего, и мужика в том, что, «обжуливая государство», мы сами создаем свой собственный голод. Но и я, и рабочий, и мужик отдаем себе совершенно ясный отчет в том, что государство — это отнюдь не мы, государство — это мировая революция. И что каждый украденный у нас рубль, день работы, сноп хлеба пойдут в эту самую бездонную прорву мировой революции: на китайскую красную армию, на английскую забастовку, на германских коммунистов, на откорм коминтерновской шпаны; пойдут на военные заводы пятилетки, которая строится все же в расчете на войну за мировую революцию, пойдут на укрепление того же дикого партийно-политического кабака, от которого стоном стонем все мы.

Нет, государство — это не я, и не мужик, и не рабочий. Государство для нас — это совершенно внешняя сила, насильственно поставившая нас на службу совершенно чуждым нам целям. И мы от этой службы изворачиваемся, как можем.

ТЕОРИЯ ВСЕОБЩЕГО НАДУВАТЕЛЬСТВА

Служба же эта заключается в том, чтобы мы возможно меньше ели и возможно больше работали во имя тех же бездонных универсально революционных аппетитов. Во-первых, не евши, мы вообще работать толком не можем — одни потому, что сил нет, другие потому, что голова занята поисками пропитания. Во-вторых, партийно-бюрократический кабак, нацеленный на мировую революцию, создает условия, при которых толком работать совсем уж нельзя. Рабочий выпускает брак, ибо вся система построена так, что брак является его почти единственным продуктом; о том, как работает мужик, видно по неизбывному советскому голоду. Но тема о советских заводах и советских полях далеко выходит за рамки этих очерков. Что же касается лично меня, то я поставлен в такие условия, что не жульничать я никак не могу.

Я работаю в области спорта, и меня заставляют разрабатывать и восхвалять проект гигантского стадиона в Москве. Я знаю, что для рабочей и прочей молодежи нет элементарнейших спортивных площадок, что люди у лыжных станций стоят в очереди часами, что стадион этот имеет единственное значение — пустить пыль в глаза иностранцев, обжулить иностранную публику размахом советской физической культуры. Это делается для мировой революции. Я против стадиона, но я не могу ни протестовать, ни уклониться от него.

Я пишу очерки о Дагестане. Из этих очерков цензура выбрасывает самые отдаленные намеки на тот весьма существенный факт, что весь плоскостной Дагестан вымирает от малярии, что вербовочные организации вербуют туда людей — кубанцев и украинцев — приблизительно

на верную смерть. Конечно, я не пишу о том, что золота, которое тоннами идет на революцию во всем мире и на социалистический кабак в одной стране, не хватило бы на покупку нескольких килограммов хинина для Дагестана. И по моим очеркам выходит, что на Шипке все замечательно спокойно и живописно. Люди едут, приезжают с малярией и говорят мне вещи, от которых надо бы краснеть.

Я еду в Киргизию и вижу там неслыханное разорение киргизского скотоводства, неописуемый даже для советской России кабак животноводческих совхозов, концентрационные лагеря на реке Чу, цыганские таборы оборванных и голодных кулацких семейств, выселенных сюда из Украины. Я чудом уношу свои ноги от киргизского восстания, а киргизы зарезали бы меня, как барана, и имели бы весьма веские основания для этой операции: я русский и из Москвы.

И обо всем этом я не могу писать ни слова. А не писать — тоже нельзя. Это значит — поставить крест на всякие попытки литературной борьбы и, следовательно, на всякие возможности заглянуть в глубь страны и собственными глазами увидеть, что там делается. И я вру.

Я вру, когда работаю переводчиком с иностранцами. Я вру, когда выступаю с докладами о пользе физической культуры, ибо в мои тезисы обязательно вставляются разговоры о том, как буржуазия запрещает рабочим заниматься спортом.

Это все вещи похуже пяти килограммов икры из иностранного распределителя. Были вещи и еще похуже. Когда сын болел тифом и мне нужен был керосин, а керосина в городе не было, я воровал этот керосин в военном кооперативе, в котором служил в качестве инструктора. Из-за двух литров керосина, спрятанных под пальто, я рисковал расстрелом (военный кооператив). Я рисковал своей головой, но в такой же степени я готов был свернуть каждую голову, ставшую на дороге к этому керосину. И вот, крадучись с этими двумя литрами, торчавшими у меня из-под пальто, я сталкиваюсь нос к носу с часовым. Он понял, что у меня керосин и что этого керосина трогать не следует. А что бы было, если бы он этого не понял?

У меня до революции не было ни фабрик, ни заводов, ни имений, ни капитала. Я не потерял ничего такого, что можно было бы вернуть, как, допустим, в случае переворота можно было бы вернуть дом. Но я потерял 17 лет жизни, которые безвозвратно и бессмысленно были ухлопаны в этот сумасшедший дом советских принудительных работ во имя мировой революции; в жульничество, которое диктовалось то голодом, то чрезвычайкой, то профсоюзом — а профсоюз иногда не многим лучше чрезвычайки. И, конечно, даже этими семнадцатью годами я еще дешево отделался. Десятки миллионов заплатили всеми годами своей жизни, всей своей жизнью.

Временами появлялась надежда, что на российских просторах, удобренных миллионами трупов, обогащенных годами нечеловеческого труда и нечеловеческой плюшкинской экономии, взойдут, наконец, ростки какой-то человеческой жизни. Эти надежды появлялись до тех пор, пока я не понял с предельной ясностью: все это для мировой революции, а не для страны.

Семнадцать лет накапливалось великое отвращение. И оно росло по мере того, как рос и совершенствовался аппарат давления. Он уже не работал, как паровой молот, дробящими и слышными на весь мир ударами. Он работал, как гидравлический пресс, сжимая неслышно и сжимая на каждом шагу, постепенно охватывая этим давлением абсолютно все стороны жизни.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ОШИБКА

Долгое время над нашими попытками побега висело нечто вроде фатума, рока, невезенья — называйте, как хотите. Первая попытка была сделана осенью 1932 года. Все было подготовлено очень неплохо, включая и разведку местности. Я предварительно поехал в Карелию, вооруженный соответствующими документами, и выяснил там приблизительно все, что мне нужно было. Но благодаря некоторым чисто семейным обстоятельствам мы не смогли выехать раньше конца сентября — время для Карелии совсем не подходящее, и перед нами встал вопрос: не лучше ли отложить все это предприятие до следующего года?

Я справился в московском бюро погоды. Из его сводок явствовало, что весь август и сентябрь в Карелии стояла исключительно сухая погода, не было ни одного дождя. Следовательно, угроза со стороны карельских болот отпадала, и мы двинулись.

Московское бюро погоды оказалось, как и следовало полагать, советским бюро погоды. В августе и сентябре в Карелии шли непрерывные дожди. Болота оказались совершенно непроходимыми. Мы четверо суток вязли и тонули в них и с великим трудом и риском выбрались обратно. Побег был отложен на июнь 1933 года.

8 июня 1933 года рано утром моя belle-soeur Ирина поехала в Москву получать уже заказанные билеты. Но Юра, проснувшись, заявил, что у него какие-то боли в животе. Борис ощупал Юру, и оказалось что-то похожее на аппендицит. Борис поехал в Москву «отменять билеты», я вызвал еще двух врачей и к полудню все сомнения рассеялись: аппендицит. Везти сына в Москву на операцию по жутким подмосковным ухабам я не рискнул. Предстояло выждать конца припадка и потом делать операцию. Но во всяком случае побег был сорван второй раз. Вся подготовка, такая сложная и такая опасная — продовольствие, документы, оружие и пр. — была сорвана. Психологически это был жестокий удар, совершенно непредвиденный и неожиданный удар, свалившийся, так сказать, совсем непосредственно от судьбы.

Побег был отложен на начало сентября — ближайший срок поправки Юры после операции.

Настроение было подавленное. Трудно было идти на такой огромный риск, имея позади две так хорошо подготовленные и все же сорвавшиеся попытки. Трудно было потому, что откуда-то из-под сознания бесформенной, но давящей тенью выползало смутное предчувствие, суеверный страх перед новым ударом, ударом, неизвестно с какой стороны.

Наша основная группа — я, сын, брат и жена брата — были тесно спаянной семьей, в которой каждый друг в друге был уверен. Все были крепкими, хорошо тренированными людьми, и каждый мог положиться на каждого. Пятый участник группы был более или менее случаен: старый бухгалтер Степанов (фамилия вымышлена), у которого за границей в одном из лимитрофов осталась вся его семья и все его родные, а здесь, в СССР, потеряв жену, он остался один. Во всей организации побега он играл чисто пассивную роль, так сказать роль багажа. В его честности мы были уверены так же, как и в его робости.

Но кроме этих пяти непосредственных участников побега, о проекте знал еще один человек — и вот именно с этой стороны пришел удар.

В Петрограде жил мой очень старый приятель Иосиф Антонович. И у него была жена г-жа Е, женщина из очень известной и очень богатой польской семьи, чрезвычайно энергичная, самовлюбленная и неумная. Такими бывают большинство женщин, считающих себя великими дипломатками.

За три недели до нашего отъезда в моей салтыковской голубятне, как снег на голову, появляется г-жа Е. в сопровождении мистера Бабенко. Мистера Бабенко я знал по Питеру — в квартире Антоновича он безвылазно пьянствовал три года подряд.

Я был удивлен этим неожиданным визитом, и я был еще более удивлен, когда г-жа Е. стала просить меня захватить с собой и ее, и не только ее, но и мистера Бабенко, который, дескать, является ее женихом или мужем или почти мужем — кто там разберет при советской простоте нравов.

Это еще не был удар, но это была уже опасность. При нашем нервном состоянии, взвинченном двумя годами подготовки, двумя годами не-

удач, эта опасность сразу приняла форму реальной угрозы. Какое право имела г-жа Е. посвящать мистера Бабенко в наш проект без всякой санкции с нашей стороны? А что Бабенко был посвящен, это стало ясно, несмотря на все отпирательства г-жи Е.

В субъективной лояльности г-жи Е. мы не сомневались. Но кто такой Бабенко? Если он сексот, мы все равно никуда не уедем и никуда не уйдем. Если он не сексот, он будет нам очень полезен: бывший артиллерийский офицер, человек с прекрасным знанием и прекрасной ориентировкой в лесу. А в Карелии, с ее магнитными аномалиями и ненадежностью работы компаса, ориентировка в странах света могла иметь огромное значение. Его охотничьи и лесные навыки мы проверили, но в его артиллерийском прошлом оказалась некоторая неясность.

Зашел разговор об оружии, и Бабенко сказал, что он в свое время много тренировался на фронте в стрельбе из нагана, и что на пятьсот шагов он довольно уверенно попадал в цель величиной с человека.

Этот «наган» подействовал на меня, как удар обухом. На пятьсот шагов наган вообще не может дать прицельного боя, и этого обстоятельства бывший артиллерийский офицер не мог не знать. В стройной биографии Ннколая Артемьевича Бабенко образовалась дыра, и в эту дыру хлынули все наши подозрения.

Но что нам было делать? Если Бабенко сексот, то все равно мы уже «под стеклышком», все равно где-то здесь же в Салтыковке, по каким-то окнам и углам, торчат ненавистные нам агенты ГПУ, все равно каждый наш шаг уже под контролем.

С другой стороны, какой смысл Бабенко выдавать нас? У г-жи Е. в Польше весьма солидное имение, Бабенко — жених г-жи Е., и это имение во всяком случае привлекательнее тех двадцати советских сребреников, которые Бабенко, может быть, получит, а, может быть, и не получит за предательство.

Это было очень тяжелое время неоформленных подозрений и давящих предчувствий. В сущности, с очень большим риском и с огромными усилиями мы еще имели возможность обойти ГПУ: ночью уйти из дому в лес и пробираться к границе, но уже персидской, а не финской, и уже без документов и почти без денег.

Но... мы поехали. У меня было ощущение, то — что я еду в какой-то похоронной процессии, а покойники — это все мы.

В Питере нас должен был встретить Бабенко и присоединиться к нам. Поездка г-жи Е. отпала, так как у нее появилась возможность легального выезда через Интурист. Впоследствии уже здесь, за границей, я узнал, что к этому времени г-жа Е. была арестована. Бабенко встретил нас и очень быстро и ловко устроил нам плац-пересадочные билеты до ст. Шуйская Мурманской ж. д.

Я не думаю, чтобы кто-либо из нас находился вполне в здравом уме и твердой памяти. Я как-то вяло отметил в уме и «оставил без последствий» тот факт, что вагон, на который Бабенко достал плацкарты, был последним в хвосте поезда, что какими-то странными были номера плацкарт — вразбивку: 3, 6, 8 и т. д., что главный кондуктор без всякой к этому надобности заставил нас сесть «согласно взятым плацкартам», хотя мы договорились с пассажирами о перемене мест. Да и пассажиры были странноваты.

Вечером мы все собрались в одном купе. Бабенко разливал чай, и после чаю я, уже давно страдавший бессонницей, заснул как-то странно быстро, точно в омут провалился.

Я сейчас не помню, как именно я это почувствовал. Помню только, что я резко рванулся, отбросил какого-то человека к противоположной стенке купе, человек глухо стукнулся головой об стенку, что кто-то повис на моей руке, что кто-то обхватил мои колени, какие-то руки сзади судорожно вцепились мне в горло, а прямо в лицо уставились три или четыре револьверных дула.

Я понял, что все кончено. Точно какая-то черная молния вспыхнула светом и осветила все: и Бабенко с его странной теорией баллистики, и

странные номера плацкарт, и тех 36 пассажиров, которые в личинах инженеров, рыбников, бухгалтеров, железнодорожников, едущих в Мурманск, в Кемь, в Петрозаводск, составляли, кроме нас, все население вагона.

Вагон был наполнен шумом борьбы, тревожными криками чекистов, истерическим визгом Степушки, чьим-то раздирающим душу стоном... Вот почтенный «инженер» тычет мне в лицо кольтом, кольт дрожит в его руках, «инженер» приглушенно, но тоже истерически кричит:

— Руки вверх! Руки вверх, говорю я вам! — Приказание явно бессмысленное, ибо в мои руки вцепилось человека по три на каждую и на мои запястья уже надета «восьмерка» — наручники, тесно сковывающие одну руку с другой. Какой-то вчерашний «бухгалтер» держит меня за ноги, вцепившись зубами в мою штанину. Человек, которого я отбросил к стене, судорожно вытаскивает из кармана что-то блестящее. Словно все купе ощетинилось стволами наганов, кольтов, браунингов.

...Мы едем в Питер в том же самом вагоне, что и выехали. Нас просто отцепили от поезда и прицепили к другому. Вероятно, вне вагона никто ничего не заметил.

Я сижу у окна. Руки распухли от наручников, кольца которых оказались слишком узкими для моих запястий. В купе, ни на секунду не спуская с меня глаз, посменно дежурят чекисты — по три человека на дежурство. Они изысканно вежливы со мной. Некоторые знают меня лично. Для охоты на столь «крупного зверя», как мы с братом, ГПУ, по-видимому, мобилизовало половину тяжелоатлетической секции ленинградского Динамо. Хотели взять нас живьем и, по возможности, неслышно.

Сделано, что и говорить, чисто, хотя и не без лишних затрат. Но что для ГПУ значат затраты? Не только отдельный «салон-вагон», и целый поезд могли для нас подставить.

На полке лежит уже ненужное ружье. У нас были две двустволки, берданка, малокалиберная винтовка и у Ирины — маленький браунинг, который Юра контрабандой привез из-за границы. В лесу, с его радиусом видимости в 40—50 метров, это было очень серьезным оружием в руках людей, которые бьются за свою жизнь. Но здесь, в вагоне, мы не успели за него даже и схватиться. Грустно, но уже все равно. Жребий был брошен, и игра проиграна вчистую.

В вагоне распоряжается тот самый толстый «инженер», который тыкал мне кольтом в физиономию. Зовут его Добротиным. Он разрешает мне под очень усиленным конвоем пойти в уборную, и, проходя через вагон, я обмениваюсь деланной улыбкой с Борисом, с Юрой. Все они, кроме Ирины, тоже в наручниках. Жалобно смотрит на меня Степушка. Он считал, что на предательство со стороны Бабенко один шанс на сто. Вот этот шанс и выпал.

Здесь же, и тоже в наручниках, сидит Бабенко с угнетенной невинностью в бегающих глазах. Господи, кому при такой дешевой мизансцене нужен такой дешевый маскарад!

Поздно вечером во внутреннем дворе ленинградского ГПУ Добротин долго ковыряется ключом в моих наручниках и никак не может раскрыть их. Руки мои превратились в подушки.

Потом мы прощаемся с очень плохо деланным спокойствием. Жму руку Бобу. Ирочка целует меня в лоб. Юра старается не смотреть на меня, жмет мне руку и говорит:

— Ну, что ж, Ватик. До свиданья... В четвертом измерении.

Это его любимая и весьма утешительная теория о метампсихозе в четвертом измерении; но голос его не выдает уверенности в этой теории.

Ничего, Юрчинька. Бог даст — в третьем встретимся.

Стоит совсем пришибленный Степушка — он едва соображает сейчас. Вокруг нас плотным кольцом выстроились все 36 захвативших нас чекистов, хотя между нами и волей — циклопические железобетонные стены тюрьмы ГПУ, тюрьмы новой стройки. Это, кажется, единственное, что советская власть строит прочно в расчете на долгое, очень долгое время.

Я подымаюсь по каким-то узким бетонным лестницам. Потом целый лабиринт коридоров.

Двухчасовой обыск. Одиночка. Четыре шага вперед, четыре шага назад. Бессонные ночи. Лязг тюремных дверей... И ожидание.

ДОПРОСЫ

В коридорах тюрьмы собачий холод и образцовая чистота. Надзиратель идет сзади меня и командует: налево... вниз... направо... Полы устланы половиками. В циклопических стенах — глубокие ниши, ведущие в камеры. Это — корпус одиночек.

Вдали, из-за угла коридора появляется фигура какого-то заключенного. Ведущий его надзиратель что-то командует, и заключенный исчезает в нише. Я только мельком вижу безмерно исхудавшее обросшее лицо. Мой надзиратель командует:

— Проходите и не оглядывайтесь в сторону.

Я все-таки искоса оглядываюсь. Человек стоит лицом к двери, и надзиратель заслоняет его от моих взоров. Но это незнакомая фигура.

Меня вводят в кабинет следователя, и я, к своему изумлению, вижу Добротина, восседающего за огромным министерским письменным столом.

Теперь его руки не дрожат; на круглом, хорошо откормленном лице — спокойная и даже доброжелательная улыбка.

Я понимаю, что у Добротина есть все основания быть довольным. Это он провел всю операцию, пусть несколько театрально, но втихомолку и с успехом. Это он поймал вооруженную группу. Это у него на руках какое ни на есть, а все же настоящее дело, а ведь не каждый день, да, пожалуй, и не каждый месяц ГПУ, даже ленинградскому, удается из чудовищных куч всякой провокации, липы, халтуры, инсценировок, доносов, «романов» и прочей трагической чепухи извлечь хотя бы одно «жемчужное зерно» настоящей контрреволюции да еще и вооруженной.

Лицо Добротина лоснится, когда он приподымается, протягивает мне руку и говорит:

— Садитесь, пожалуйста, Иван Лукьянович!

Я сажусь и всматриваюсь в это лицо, как хотите, а все-таки победителя. Добротин протягивает мне папиросу, и я закуриваю. Я не курил уже две недели, и от папиросы чуть-чуть кружится голова.

— Чаю хотите?

Я, конечно, хочу и чаю. Через несколько минут приносят чай, настоящий чай, какого «на воле» нет, с лимоном и с сахаром.

— Ну-с, Иван Лукьянович, начинает Добротин.— вы, конечно, прекрасно понимаете, что нам все, решительно все известно. Единственно правильная для вас политика — это карты на стол.

Я понимаю, что какие тут карты на стол, когда все карты и без того уже в руках Добротина. Если он не окончательный дурак — то помимо бабенковских показаний у него есть показания г-жи Е. и, что еще хуже, показания Степушки. А что именно Степушка с переполоху мог наворотить — этого наперед и хитрый человек не придумает.

Чай и папиросы уже почти совсем успокоили мою нервную систему. Я почти спокоен. Я могу спокойно наблюдать за Добротиным, расшифровывать его интонации и строить какие-то планы самозащиты, весьма эфемерные планы, впрочем.

— Я должен вас предупредить, Иван Лукьянович, что вашему существованию непосредственной опасности не угрожаю. В особенности, если вы последуете моему совету. Мы не мясники. Мы не расстреливаем преступников гораздо более опасных, чем вы. Вот,— тут Добротин сделал широкий жест по направлению к окну. Там, за окном, во внутреннем дворе ГПУ, еще достраивались новые корпуса тюрьмы.— Вот, тут работают люди, которые были приговорены даже к расстрелу, и тут они своим трудом очищают себя от прежних преступлений перед советской властью. Наша задача — не карать, а исправлять.

Я сижу в мягком кресле, курю папиросу и думаю о том, что это дипломатическое вступление решительно ничего хорошего не предвещает.

Добротин меня обхаживает. А это может означать только одно: на базе бесспорной и известной ГПУ и без меня фактической стороны нашего дела Добротин хочет создать какую-то «надстройку», раздуть дело, запутать в него кого-то еще. Кого именно, я еще не знаю.

— Вы, как разумный человек, понимаете, что ход вашего дела зависит прежде всего от вас самих. Следовательно, от вас зависят и судьбы ваших родных — вашего сына, брата... Поверьте мне, что я не только следователь, но и человек. Это, конечно, не значит, что вообще следователи не люди... Но ваш сын еще так молод.

Ну-ну, думаю я. Не ГПУ, а какая-то воскресная проповедь.

— Скажите, пожалуйста, товарищ Добротин, вот вы говорите, что не считаете нас опасными преступниками. К чему же тогда такой, скажем, расточительный способ ареста? Отдельный вагон, почти четыре десятка вооруженных людей...

— Ну, знаете, вы не опасны с точки зрения советской власти. Но вы могли быть очень опасны с точки зрения безопасности нашего оперативного персонала. Поверьте, о ваших атлетических достижениях мы знаем очень хорошо. И так ваш брат сломал руку одному из наших работников.

— Что это? Отягчающий момент?

— Э, нет. Пустяки. Но если бы наших работников было бы меньше, он переломал бы кости им всем. Пришлось бы стрелять... Отчаянный парень ваш брат.

— Неудивительно. Вы его лет восемь по тюрьмам таскаете за здорово живешь.

— Во-первых, не за здорово живешь. А во-вторых, конечно, с нашей точки зрения, ваш брат едва ли поддается исправлению. О его судьбе вы должны подумать особенно серьезно. Мне будет очень трудно добиться для него... более мягкой меры наказания. Особенно, если вы не поможете.

Добротин кидает на меня взгляд в упор, как бы ставя этим взглядом точку над каким-то невысказанным «и». Я понимаю, в переводе на общепонятный язык это значит: или вы подпишете все, что вам будет приказано, или...

Я еще не знаю, что именно мне будет приказано. По всей вероятности, я этого не подпишу... И тогда?

— Мне кажется, товарищ Добротин, что все дело совершенно ясно, и мне только остается письменно подтвердить то, что вы и так знаете.

— А откуда вам известно, что именно мы знаем?

— Помилуйте, у вас есть Степанов, г-жа Е., «вещественные доказательства», и, наконец, у вас есть товарищ Бабенко.

При имени Бабенко Добротин слегка улыбается.

— Ну, у Бабенко есть еще и своя история — по линии вредительства в Рыбпроме.

— Ага, так это он так заглаживает вредительство?

— Послушайте,— дипломатически намекает Добротин,— следствие веду я, а не вы.

— Я понимаю. Впрочем, для меня дело так же ясно, как и для вас.

— Мне не все ясно. Как, например, вы достали оружие и документы.

Я объясняю. Я, Юра, Степанов — члены союза охотников, следовательно, имели право держать охотничьи гладкоствольные ружья. Свою малокалиберную винтовку Борис спер в осоавиахимовском тире. Браунинг Юра привез из-за границы. Документы все совершенно легальны, официальны и получены таким же легальным и официальным путем там-то и там-то.

Добротин явственно разочарован. Он ждал чего-то более сложного, откуда можно было бы вытянуть каких-нибудь соучастников, разыскать какие-нибудь «нити» и вообще развести всякую пинкертоновщину. Он знает, что получить даже самую прозаическую гладкоствольную берданку — в СССР очень трудная вещь и далеко не всякому удается. Я рассказываю, как мы с сыном участвовали в разных экспедициях — в Среднюю

Азию, в Дагестан, Чечню и т. д., и что под этим соусом я вполне легальным путем получил оружие. Добротин пытается выудить хоть какие-нибудь противоречия из моего рассказа, я пытаюсь выудить из Добротина хотя бы приблизительный остов тех «показаний», какие мне будут предложены. Мы оба терпим полное фиаско.

— Вот, что я вам предложу,— говорит, наконец, Добротин.— Я отдам распоряжение доставить в вашу камеру бумагу и прочее, и вы сами изложите все показания, не скрывая решительно ничего.

Добротин опять принимает вид рубахи-парня, и я решаюсь воспользоваться этим моментом.

— Не можете ли вы вместе с бумагой приказать мне доставить хоть часть того продовольствия, которое у пас было отобрано?

Голодал я в одиночестве, и не без вожделения в сердце своем вспоминал о тех запасах сала, сахару, сухарей, которые мы взяли с собой и которые сейчас жрали какие-то чекисты.

— Знаете, Иван Лукьянович, это будет трудно. Администрация тюрьмы не подчинена следственным властям. Кроме того, ваши запасы, вероятно, уже съедены... Знаете ли, скоропортящиеся продукты.

— Ну, скоропортящиеся мы и сами могли бы съесть.

— Да... Вашему сыну я предлагал кое-что,— врал Добротин.— Постараюсь и вам. Вообще я готов идти вам навстречу и в смысле режима, и в смысле питания... Надеюсь, что и вы...

— Ну, конечно. И в ваших, и в моих интересах покончить со всей этой канителью возможно скорее, чем бы она ни кончилась.

Добротин понимает мой намек.

— Уверяю вас, Иван Лукьянович, что ничем особенно страшным она кончиться не может... Ну, пока до свидания.

Я подымаюсь со своего кресла и вижу: рядом с креслом Добротина из письменного стола выдвинута доска, и на доске — крупнокалиберный кольт со взведенным курком. Добротин был готов к менее великосветскому финалу нашей беседы.

СТЕПУШКИН РОМАН

Вежливость — качество, приятное даже в палаче. Конечно, очень утешительно, что мне не тыкали в нос наганом, не инсценировали расстрела. Но, во-первых, это до поры до времени, во-вторых, допрос не дал решительно ничего нового. Весь разговор совсем впустую. Никаким обещаниям Добротина я, конечно, не верю, как не верю и его крокодиловым вздыханиям по поводу Юриной молодости. Юру, впрочем, вероятно, посадят в концлагерь. Но что из того? За смерть отца и дяди он ведь будет мстить — он не из таких мальчиков. Значит, тот же расстрел, только немного позже. Степушка, вероятно, отделается дешевле всех. У него одного не было никакого оружия, он не принимал никакого участия в подготовке побега. Это старый, затрушенный и вполне аполитичный гроссбух.

Я наскоро пишу свои показания и жду очередного вызова, чтобы узнать, где кончится следствие, как таковое, и где начнутся попытки выжать из меня «роман».

Мои показания забирает коридорный надзиратель и относит Добротину. Дня через три меня вызывают на допрос. Добротин встречает меня так же вежливо, как и в первый раз, но лицо его выражает разочарование.

— Должен вам сказать, Иван Лукьянович, что ваша писанина никуда не годится. Это все мы и без вас знаем. Ваша попытка побега нас очень мало интересует. Нас интересует ваш шпионаж.

Добротин бросает это слово, как какой-то метательный снаряд, который должен сбить меня с ног и выбить из моего очень относительного, конечно, равновесия. Но я остаюсь равнодушным.

— Основы вашей «работы» нам достаточно полно известны. Иван Лукьянович, было бы даже, так сказать... неумно эту работу отрицать. Но целый ряд отдельных нитей нам неясен. Вы должны нам помочь их выяснить.

— К сожалению, ни насчет основ, ни насчет нитей ничем вам помочь не могу.

— Вы, значит, собираетесь отрицать вашу «работу»?

— Самым категорическим образом. И преимущественно потому, что такой работы и в природе не существовало.

— Позвольте, Иван Лукьянович, у нас есть наши агентурные данные, у нас есть копии с вашей переписки. У нас есть показания Степанова, который во всем сознался...

Степушка наворотил. Наворотил совершенно жуткой чепухи, запутав в ней и людей, которых он знал. Он перепугался так, что стремительность его «показаний» прорвала все преграды элементарной логики, подхватила за собой Добротина, и Добротин в этой чепухе утоп.

Что он утоп, мне стало ясно после первых же минут допроса. Его «агентурные данные» не стоили двух копеек, слежка за мной, как оказалось, была, но ничего путного и выслеживать не было; переписка моя, как оказалось, перлюстрировалась вся, но и из нее Добротин ухитрился выкопать только факты, разбивавшие его собственную или, вернее, Степушкину теорию. Оставалась одна эта теория, или, точнее, остов «романа», который я должен был облечь плотью и кровью, закрепить всю эту чепуху своей подписью, и тогда на руках у Добротина оказалось бы настоящее дело, на котором, может быть, можно было бы сделать карьеру.

Я до сих пор не знаю, как именно конструировался остов этого романа. Мне кажется, что Степушкин переполох вступил в соцсоревнование с добротинским рвением, и из обоих и в отдельности не слишком хитрых источников получился совсем уж противоестественный ублюдок. В одну нелепую кучу были свалены и Юрины товарищи по футболу, и та английская семья, которая приезжала ко мне в Салтыковку на week end, и несколько знакомых журналистов, и мои поездки по России, и все, что хотите. Здесь не было никакой логической или хронологической увязки. Каждая «улика» вопиюще противоречила другой, и ничего не стоило доказать всю полную логическую бессмыслицу этого «романа».

Но что было бы, если бы я ее доказывал?

В данном виде это было варево, несъедобное даже для неприхотливого желудка ГПУ.

И я очень просто говорю Добротину, что я — по его же словам — человек разумный, и что именно поэтому я не верю ни в его обещания, ни в его угрозы, что вся эта пинкертоновщина со шпионами — несусветный вздор, и что вообще никаких показаний на эту тему я подписывать не буду; что можно было перепугать Степанова и поймать его на какую-нибудь очень дешевую удочку, но что меня на такую удочку никак не поймать.

Добротин как-то сразу осекся, его лицо на один миг перекашивается яростью, и из-под лоснящейся поверхности хорошо откормленного и благодушно-корректного, если хотите, даже европеизированного «следователя» мелькает оскал чекистских челюстей.

— Ах, вы так...

— Я так.

Мы несколько секунд смотрим друг на друга в упор.

— Ну, мы вас заставим сознаться.

— Очень мало вероятно.

По лицу Добротина видна, так сказать, борьба стилей. Он сбился со своего европейского стиля и почему-то не рискует перейти к обычному чекистскому. То ли ему не приказано, то ли он побаивается. За три недели тюремной голодовки я не очень уж ослаб физически и терять мне было нечего. Разговор заканчивается совсем уж глупо.

— Вот, видите,— раздраженно говорит Добротин.— А я для вас даже выхлопотал сухарей из вашего запаса.

— Что же вы думали купить сухарями мои показания?

— Ничего я не думал покупать. Забирайте ваши сухари. Можете идти в камеру.

Продолжение следует

3 Заказ 1048

Сергей Хохлов

С. Н. Хохлов родился в 1927 году на Смоленщине. В 1936 году вместе с семьей переехал на Кубань.

Первый поэтический сборник — «Весенняя зорька» опубликован Краснодарским книжным издательством в 1957 году. Окончательно определило поэтическую судьбу Хохлова IV Всесоюзное совещание молодых писателей в 1963 году, по рекомендации которого он был принят в члены Союза писателей СССР.

Сергей Хохлов — автор ряда поэтических сборников, изданных в Краснодаре и Москве.

В 1990 году поэт возглавил Краснодарскую писательскую организацию.

Затерянное войско

В степь умчались коней косяки,
В небе желтая пыли полоска...
Где, Кубань, твои казаки,
Золотое российское войско?

Мое войско сейчас далеко,
А земля — без предела.
Может, храброе, полегло,
Но какое вам дело?

Вдоль дорог росяница кипит,
Свет луны в ней растаял.
Только гул многих тысяч копыт
Вдалеке нарастает.

Моя ворона

Сидит моя ворона на суку,
Коварная и мудрая ворона.
Ты еще только ногу за ворота,
Она уж перья чистит на суку.
И за тобой,
крылами вороша,
Она следит.
И выследит в итоге.
Ты вышел, улыбаешься дороге,
И жизни песнь слагаешь не спеша.
Тебе такая вольность не простится!
Недаром на осиновом суку
Глядит холодным взглядом в высоту,
От черных дум
чернеющая птица.

Древнерусские колокола

На кремнистых дорогах великой страны
Затерялась людская мольба.
Как меня обманули далекие сны,
Как меня обманула судьба!
Широка твоя доля, российский цыган,
Ни двора у тебя, ни кола.
Лишь гудят в вышине, разрывая обман,
Древнерусские колокола.
Что мне было намечено Богом Христом —
Принимаю как царский венец.
Весь прошел обнесенный колючкой
простор
Непутевый российский певец...
Посреди мироздания усталый стою...
Столько в жизни загублено дней!
Но пою! даже если и плачу — пою!
О любви — о России моей!
Широка твоя доля, российский цыган,
Ни двора у тебя, ни кола.
Лишь гудят в вышине, разрывая обман,
Древнерусские колокола.

Обманутый народ

Россию все гуртом губили,
Угрюмо, зло,
и в этом суть.
Да-да, тот самый сук рубили,
И ладно,
если б только сук!
Теперь взираем с расстоянья
На путь свой,
плотно сжавши рот.
Ах, россияне, россияне,
Кругом обманутый народ.

Ольга Валькова

СЛАВЯНСК-ГОРОД

Жаркий август пятьдесят первого года. Впервые в жизни я ехала на юг, к морю.

Занялася заря расписная,
Выхожу за околицу я —
С добрым утром, сторонка родная,
Дорогая отчизна моя...

Песня звенела и гналась за поездом. А поезд стучал в это время через донецкие степи. Я вышла в тамбур и ждала: скоро Славянск.

В Славянске жила моя мама. Это было очень давно, когда ей, как мне сейчас, исполнилось девятнадцать лет. Были у нее пунцовые щеки, коса ниже колен, белое платье с кружевными прошвами. Цвели белые сады.

Нет, это было еще раньше, когда она ходила в синюю гимназию. В Славянске было три гимназии: синяя, коричневая и зеленая. Так их называли по цвету платьев, которые носили девочки-гимназистки. Рукава у платьев — с буфами, воротнички стоячие, к ним пришивалось кружево. И еще было два фартука — черный и белый. Белый — для праздников. И ленты в косу — белые, синие, коричневые или зеленые.

Здесь, в Славянске, у них бывали вечеринки, и мама играла с тетей Надей на рояле в четыре руки.

Здесь бабушка на Пасху пекла много высоких куличей, коптила окорока, еще раньше сеяла зеленую траву, чтобы на нее класть крашеные яйца — так получалось красиво. И все они — мама, тетя Надя и дядя Константин в праздничную ночь не ложились спать, а ходили в церковь и потом гуляли.

Здесь однажды мама и ее подруга Валя Гелева сидели на крыльце собора...

— И вдруг идет крестный ход. Мы вскочили.

— Почему вскочили?

— Потому что полагается крестный ход стоя встречать. А у меня на коленях была коробка пудры. И она покатилась прямо под ноги священнику.

Я, с замиранием сердца:

— И он ее поднял и взял себе?

— Что ты, глупенькая, он ее даже не заметил.

— Наступил на нее?

— Не знаю. Ведь за священником шло много народу, с хоругвями, со свечами.

В Славянске так много было яблок, что ими кормили даже телят. И не счесть, сколько было вишен. А дома — белые, их делали из глины, а не из бревен, и белили снаружи.

В нашем — мамином — доме в Славянске было пять комнат. Был рояль, велосипед, чижик, коты, щенки, гуси, цыплята, вышитые полотенца, работник Степан, рябая работница Глаша, базар, сараи, солома, возы — много чего было.

В Славянске жил мой дедушка — Федор Парфеньевич. В Славянске он и умер в сорок девятом году, очень тяжело, от гангрены обеих ног. Он пережил здесь оккупацию. А таким людям, которые перенесли оккупацию, много приходилось терпеть. Их нигде не брали на работу. А если и брали, то потом увольняли в первую очередь, когда подходило сокращение. Им трудно было жить. Мама шила по ночам, и деньги за работу переводила дедушке. Последние годы он жил в Славянске с Екатериной Яковлевной. Во время оккупации они сожгли на дрова мамин беккеровский рояль.

В Славянске поезд стоит двадцать минут, и я выхожу на платформу. Оранжевым блеском сверкают рельсы. Еще и еще рельсы. Вдали — белый вокзал, рядом с ним — белая церковь. Это — Славянск-вокзал, а есть еще Славянск-курорт и Славянск-город.

Меня встречает робкая невысокая женщина — Екатерина Яковлевна. Это наша первая с нею встреча. Я привезла ей гостинцев из Москвы, от мамы: большую коробку, в которой сливочное масло, рис, колбаса, тушенка. Еще — красивого ситца на платье. В Славянске не как в Москве, ничего этого нет.

Она очень долго благодарит меня и хвалит за что-то. Поясняет: у нее совсем маленькая пенсия.

— Все уходит на дрова. Самое трудное у нас достать дрова, Олечка. Ты приезжай ко мне будущим летом, сходим на могилку к дедушке. Вишни дешевые будут. Я тебя варениками с вишнями накормлю. Девочки летом уезжают...

Она держит зимой студенток какого-то техникума. Они живут с ней в одной комнате и платят за это. И все дрова, дрова, и не хватает денег. Екатерина Яковлевна раньше работала учительницей начальных классов. Конечно, какая же это пенсия?

Я обещаю приехать На следующий год непременно остановлюсь в Славянске, схожу на могилу дедушки, где все так хорошо устроено и высится крест, покрашенный серебрянкой.

Поезд вздрагивает, и железная дрожь пробегает по вагонам от начала к концу. Стоя на площадке, я машу рукой: до скорой встречи! До скорой!

Мне было тогда девятнадцать лет, коса ниже пояса и белое платье с отделкой в голубой горошек. Оставался позади белый город.

Случалось мне потом ездить на юг. Но, может быть, поезда шли другим путем или проходили ночью, только я никогда больше не была в Славянске.

Тек к маме робкий ручеек писем. Мама всегда откликалась и письмами, и гостинцами. Иногда вдруг кто-то неожиданно стучался к нам в воскресенье:

— Не передадите ли чего Екатерине Яковлевне? Я из командировки завтра в Славянск возвращаюсь, свезла бы.

Это она мамин адрес давала. И отправлялось в Славянск что-нибудь, что только можно было послать от скудости нашей.

Я никогда больше не была в Славянске. Шла моя совсем отдельная, совсем другая, долгая — или недолгая?— жизнь. Шла жизнь. Умерла бабушка. Умерла мама.

Умерла моя мама.

А письма из Славянска пришли. От Екатерины Яковлевны. У нее ведь не было больше родственников. Письма ее были очень короткие:

«Ваше письмо я получила, спасибо. Я пишу плохо, потому что у меня дрожат руки. Просить кого-то очень трудно. За все надо платить, здесь за все платится.

Буду писать сама, без просьб. Болезнь моя старческая — склероз. Врачи мало обращают внимания, нас здесь много. Не печальтесь, как-нибудь доживем. Много приходится нервничать.

Надеюсь получить подкрепление. Это большое дело для меня. Я покупаю яблоки, они полезные».

«Не было конверта, поэтому запаздываю с ответом. Спасибо, что помните обо мне. Я болею, кругом злые люди.

У нас весны нет, все время холодно. Люди золотые! Я пишу плохо. Болят ноги.»

«Спешу сообщить, что письмо получила. Не болейте: мне страшно. Я очень беспокоюсь, когда от вас нет писем.»

«Извини, что долго не писала. Я пишу плохо, потому что у меня дрожат руки. Трудно находить человека, чтобы сбросил письмо. Добрый человек твой муж».

«Деньги я получила. Спасибо большое. Болею — скоро, вероятно, моя смерть».

«Спасибо, деньги получила восемнадцатого августа. Болею. Целую всех»

Она умерла в середине сентября в доме престарелых. Или — как он назывался официально в адресе — в доме-интернате. Умерла тихо и мужественно, без стонов и слез. А когда ее несли умирать в другой корпус — в том, где она жила, умирать не полагалось — торопливые сестры милосердия забрали ее личные вещи: пригодятся. Последние личные вещи, те, что еще делали ее здесь отдельным от всех человеком.

И теперь в горячих донецких степях есть могила. Безымянная? К этой могиле никто уже не придет. Не было у нее родственников. По-прежнему будут мимо стучать поезда, идущие к морю.

Белые сады, белый вокзал, белая церковь.

Славянск-город.

«...Дорогая отчизна моя».

Роман Самарин

«Крупный ученый, внимательный, талантливый педагог, известный советский литературовед., Сфера научных интересов необычайно велика, обширная эрудиция, столь впечатляющая всех, кто имел возможность непосредственно общаться с ученым, позволяла ему свободно ориентироваться в многовековом литературном процессе западноевропейских, американского и славянского народов...»

Так писал о Романе Михайловиче Самарине профессор МГУ, один из его учеников.

Немногие, даже очень близкие Роману Михайловичу, люди знали, что он писал стихи. И, может быть, именно в стихах выразилась его самая большая любовь — любовь к Родине, к России, к ее истории Он был ранен этой любовью: «...выпьем за то, что называется Россией — такая, знаешь, милая и странная страна» (1942).

Нина КОЛОДОЧКИНА

* * *

...казак с серьгою в темном ухе...
В. Хлебников

Ты, выкорчеванное начисто,
ты, изведенное под корень,
былое русское казачество —
незаживающее горе.
И память о тебе всезнайками
заплевана теперь по брови —
корят казачьими нагайками,
не помнят о казачьей крови...
Да, пусть тебе землею плачено,
и пусть гордилось ты по праву —
но сколько же тебя истрачено
за триста лет российской славы!
Побеги Дуба Запорожского,
ветвилось Ты, с врагами споря,
от моря теплого волошского
до желтого лихого моря.
Каймило степь станицей Русскою,
песками шло, текло рекою,
Яицкое и Оренбургское,
Донское, Волжское, Терское,
Сибирское и Черноморское,
Кубанское и Семиречье
По всем границам барсом порскало,
звенело дерзкой русской речью,
цвело лампасом, шашкой лязгало,
папаху набекрень носило —
Амурское и Забайкальское,
и сколько вас еще там было.
Тот шел в Тебя, кому ни в пахари,
ни в толстосумы, ни в юроды —
за то и жаловали плахами
тебя паны и воеводы.
Кто песню пропоет печальную
о гибели хмельной и зряшной,
в столетья книгу поминальную
кто занесет твой жребий страшный?
И вам, потомки, не припомнится ль
при споре с Братом Желтолицым
ты, Богом посланная конница,
которая не возвратится?

Болшево, март 1961 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ВСЛУХ

ЭССЕ

Котлы кипят кипучие.
Ножи точат булатные.
Хотят меня зарезать.

При всем том, что разделяло нас, этот красивый мальчик мне понятен и близок. Правда, я был много младше. Но я носил такую же матроску, и я думал, что он тоже любит оловянных солдатиков, хотя, вероятно, их у него еще больше, чем у меня и они еще красивее. Это светлое мальчишеское лицо глядит на меня очень давно — оно всплыло где-то на самом пороге мира, среди других счастливых лиц — его сестры, его красивая мать, его нарядный отец, всегда в мундире.

Он долго сопровождал меня в детские годы. Я видел его в сшитой по росту солдатской шинели и в мундире лейб-атаманского полка, рядом с отцом: тот был тоже то в шинели и папахе, то в казачьей парадной форме, в шапке с высоким длинным белым султаном сбоку. Эта форма не шла к его усталому, незначительному, но симпатичному лицу. Я знал, что этот мальчик со своим отцом на фронте, я завидовал мальчику.

Потом он исчез из моих мыслей. После большого перерыва я вдруг опять увидел его в матроске: его вырезали из семейной фотографии и укрепили в пачке снимков, среди лиц, уже не имевших к нему никакого отношения, так как он к тому времени был мертв и не успел войти в свои права, тоже отмененные. Я не сразу его узнал. Только постепенно, медленно, черта за чертой, восстановилось сходство, и в груди у меня тепло шевельнулось чувство старого знакомства с ним.

Пришло время, когда я читал переписку его родителей, тусклую, обыденную и потому особенно страшную, так как она велась накануне конца мира. Из писем его отца, посланных домой с фронта — тогда, видимо, он и снимался — то в шинели, то в лейб-атаманском мундире,— я узнал, что мальчик вел себя молодцом, не капризничал, ездил с отцом на смотры, принимал парады... Что-то он делал в штабном салон-вагоне, носившемся по фронтам и те последние годы? Наверное, было ему скучно и не по себе. Все же в том, что несчастный его отец пожелал взять сына с собой в этот путь без цели, было что-то глубоко меня поразившее. Его кузены, все старше его, тоже принимали участие в войне — но как! Один служил в пехоте; другие командовали большими скопищами людей, коней, машин, хотя и не прославились при том. А он, бледный, больной, серьезный, стоял рядом с отцом и смотрел, держа руку у козырька, как мимо него текли бесконечные колонны в землистых шинелях, поворачивая к нему безглазые орущие лица. И, наверное, многие, проходившие мимо на тех последних смотрах, не без волнения видели его фигурку подле сутулой фигуры отца.

Он интересен уже потому, что был последним в этой семье, при которой его Родина стала мировой державой и приготовилась к прыжку в неизвестное. Отпрыск скандинавских и немецких властителей.

Ах, и звнесло же его в наши метели и сугробы, этого мальчика в матроске!— тот, кто его заслонил в последнюю минуту и умер вместе с ним — пестун с подстриженными солдатскими усами,— воздал ему тем по заслугам от чужого и страшного племени, володеть которым ему не пришлось, но чьи пришлось разделить судьбы.

Мне сказали, что этот красивый мальчик сильно болен и может каждую минуту умереть, и никакие доктора его не спасут от таинственной болезни: у него не свертывалась кровь, и каждая царапина может сказаться смертельной раной. Я-то хорошо знал, что такое царапина или разбитое колено, и это было очень страшно — разбил колено или поцарапал палец, и вот уже смерть. Незримое бдение смерти где-то за спиной этого славного мальчика сделало его еще более привлекательным. Мне было жалко его той особой жалостью, которой только умеют жалеть дети. Взрослым, как бы они не жалели детей, эта жалость уже непонятна и недоступна.

Николай Зиновьев

Николай Зиновьев — молодой кубанский литератор, из поколения «тридцатилетних». Его стихи уже знакомы читателям нашего журнала и давно замечены ими. Сегодня мы представляем новую поэтическую подборку Николая Зиновьева, рабочего из Кореновска.

Благовест

Когда так небо бирюзово
И так медвяны облака,
Я словно слышу эхо зова
Издалека и свысока.

Чей голос то меня тревожит?
Откуда он, такой родной?
Не может быть... Или быть может,
То тихий зов душн самой?

Сквозь мрак, рожденный злобным словом,
Сквозь корысть, лесть и ложь, и месть,
Она своим негромким зовом
Благую весть мне шлет: «Я есть...»

* * *

На нашей улице есть дом,
Всегда закрыты ставни в нем.
От всех нас страшно далеки,
Живут в том доме старики.

Он худ и сед. Она, как тень.
Им в муку ночь и в тягость день;

Их сын остался на войне,
В чужой, далекой стороне

В песках его затерян след...
А старикам по сорок лет.

Памяти деда

Стрижи в неволе не живут...
Тогда я этого не знал,
И там, где грунт сейчас берут,
Стрижа-подранка подобрал.

Зажав пичугу в кулачок,
Я тотчас к дому поспешил
И, видя: рана — пустячок,
Я птицу в клетку посадил.

Я думал: что ж, денек, другой
И я скажу стрижу «лети!»,
И в небо он уйдет дугой,
Глотая мошек по пути.

...А утром дед сказал: «Баран».
Уж он-то, верно, знал давно,
Что умирают и от ран,
Которых видеть не дано.

На чердаке

Я дверь, как печальную книгу, открою;
Здесь время уже никуда не спешит
И сумрак не тает, он, будто иглою
Лучом из оконца к стропилам пришит.

Вот старая прялка в густой паутине,
Как серая птица, попавшая в сеть.
Вот птицы, которым не петь, на картине,
Которой уже никогда не висеть.

Вот тихо коробится жесть керогаза,
Стреляя чешуйками краски, а то
Блестит в полумраке булавкой от сглаза
Покойного деда пальто...

* * *

Любил я это время суток,
Благословенные часы!..
Давясь зевотою, из будок
На дверь поглядывали псы;

Из дома выходил хозяин
И зябко кутался в тулуп...
О, незабвенный дух окраин!..
О, снега скрип!.. О, дым из труб!..

Домишки ветхие. Сугробы.
Окошки, все до одного,
Глядят без зависти, без злобы...
О, время детства моего!..

* * *

России не было без вдов.
Россия — это вдовы, вдовы
Мужей, пропавших без следов,
По воле «берий» и «ежовых»;

Вмиг с плеч слетала голова
Того, кто видел жизнь без глянца...
Россия и теперь вдова
«Афганца»...

Потерянный рай

Я был в раю, в веках воспетом...
Все были там, до одного.
Да, да, но многие об этом
Уже не помнят ничего.

В пылу страстей, в житейском пекле,
Под гнетом суетных тревог,
Те дни завяли и поблекли,
Как в книгу вложенный цветок.

В те дни мы были не лукавы,
Небесным ангелам сродни.
Цветы шептались с нами, травы...
Где вы, ответьте мне, те дни?!

* * *

Когда поет казачий хор,
Глаза закрою я и вижу
Ветряк, соломенную крышу
И в сини тающий простор.

И нет в душе моей разлада,
Хоть грусть, как жернов, тяжела.
Душе навек уже не надо
Того, чем час назад жила.

Она теперь сама как песня,
Ей тесно в зале, и она
Уходит с песней в поднебесье
Чиста, могуча и вольна.

Она плывет под небесами
У птиц и солнца на виду,
А я с закрытыми глазами
Сижу в семнадцатом ряду.

И никому вокруг не видно
Какая у меня душа.
Решат, что пьян. Мне не обидно;
Ведь тем-то жизнь и хороша...

Предлагаемое читателям исследование Г. Марченко «Карл Маркс...» снискало известность по зарубежным изданиям и самиздатовским перепечаткам. Интерес к нему заключается в том, что автор, сам называющий себя сионистом, пытается дать идеологические обоснования различным направлениям в сионизме, в частности, так называемому «сатанинскому». Как видно из исследования, автор хорошо посвящен в различные тайны сионистских течений. Кроме того, по одной из версий он, возможно, является родственником небезызвестной Голды Мэир — задолго до того, как возглавить правительство Израиля, живя в Одессе, она также носила фамилию Марченко.

Не разделяя взглядов автора исследования, редакция, тем не менее, решила опубликовать материал с некоторыми сокращениями — пусть оценку ему дадут сами читатели.

Георгий Марченко

КАРЛ МАРКС...

До того, как Маркс стал экономистом и прославленным коммунистом, он отдал дань гуманизму. Сегодня треть мира стала марксистской. В том или ином виде марксизм признается многими и в капиталистических странах. Находятся христиане — и подчас духовные лица, занимающие высокое положение — которые убеждены, что если Христос и сказал много верного о Царствии Небесном, правильный ответ на то, как помочь голодным, обездоленным и угнетенным здесь, на земле, следует искать именно у Маркса.

Маркс, говорят нам, был глубоко человечен. Им владела одна идея: как помочь угнетенным массам. Он считал, что угнетает их — капитализм. Как только эта прогнившая система будет уничтожена, после переходного периода диктатуры пролетариата возникнет общество, в котором каждый (на коллективных предприятиях) будет трудиться по способностям и получать по потребностям. Не будет больше ни государства, подавляющего личность, ни войн, ни революций,— одно только всемирное братство народов на все времена.

Чтобы добиться такого счастья, мало просто уничтожить капитализм. Маркс писал: «Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях. Критика религии есть, следовательно, в зародыше критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия». («К критике гегелевской философии права». Введение.) [1]

Маркс был против религии, так как религия мешает полному воплощению коммунистических идеалов, а чем он видел единственный ответ на все мировые проблемы.

Так объясняют свою позицию марксисты. Есть и духовные лица, которые придерживаются таких же взглядов. Пастор Острайхер (Великобритания) сказал в одной из своих проповедей следующее:

«Коммунизм, в каких бы формах, дурных или хороших, он сегодня не выражался, по своему происхождению является движением за освобождение человека человеком. С социологической точки зрения Церковь в прошлом, как и сейчас в значительной мере, находилась на стороне эксплуататоров. Карл Маркс, теории которого всего лишь слегка приоткрывают ту жажду справедливости и братства, корни которой мы находим у еврейских пророков, ненавидел религию, поскольку ею пользовались как инструментом для сохранения навечно такого положения, при котором дети были рабами и умирали от работы, чтобы кто-то у нас в Англии становился богаче. Сто лет назад не были пустой болтовней слова «религия — опиум для народа»... Мы, члены Тела Христова, смиренно покаявшись, должны признать, что находимся в глубоком долгу перед каждым коммунистом».[2]

Я сам — христианин, я люблю людей и желаю им блага. Я принял бы без колебания анархизм, коммунизм или фашизм, если бы они действительно заботились о счастье человечества. Я потратил немало времени и усилий, изучая мысли Маркса, и мне удалось обнаружить некоторые поразительные вещи, которыми я хочу поделиться с читателем.

Марксизм производит впечатление на умы людей, потому что пользуется успехом, но успех этот ровно ничего не дока-

зывает. Ведь и знахари преуспевают. Успех в той же степени может сопутствовать заблуждению, как и истине. Неудача подчас драгоценна, так как может открыть нам путь к глубине истины. Поэтому мы будем анализировать некоторые произведения Маркса независимо от того, имели они успех или нет.

В ранней юности Маркс был христианином. Первая из известных нам работ Маркса называется «Единение верующих со Христом по Евангелию от Иоанна, гл. 15, 1—14, его сущность, безусловная необходимость и оказанное им влияние». Мы находим в ней следующие прекрасные слова: «Сочетание с Христом состоит в самом тесном и живом общении с Ним, в том, что мы всегда имеем Его перед глазами и в сердце своем, и, проникнутые величайшей любовью к Нему, обращаем в то же самое время сердца наши к нашим братьям, которых Он теснее связал с нами, за которых Он также принес Себя в жертву». [3]

Итак, Марксу было известно, каким образом люди могут братски возлюбить друг друга. Это и есть христианство.

Он продолжает: «Таким образом, сочетание со Христом внутренне возвышает, утешает в страданиях, успокаивает и дает сердце, открытое человеческой любви, всему великому, благородному не из-за честолюбия, не из стремления к славе, а только ради Христа». [4]

Приблизительно в то же самое время он пишет в своем сочинении «Размышления юноши при выборе профессии»: «Сама религия учит нас, что тот Идеал, к которому все стремятся, пожертвовал Собой для человечества, и кто осмелится отрицать подобные изречения? Если мы избрали профессию, в которой больше всего можем работать для человечества, то мы не согнемся под тяжестью ее, потому что это — жертвы для всех». [5]

Никакое обращение и отпадение не меняет человека на сто процентов. Иногда при таком перевороте мышления прежние верования или неверие продолжают оставаться в человеке, нестертыми в его уме, но лишь отодвинутыми в подсознание.

Застарелый «комплекс Христа» (если можно так сказать) проявляется в сочинениях Маркса долгое время и после того, как он стал воинствующим борцом против религии. Даже в таком сложном произведении по политэкономии как «Капитал», в котором размышлениям о религии уделено мало внимания, уже вполне атеистически настроенный Маркс писал, совершенно вне связи с контекстом: «Христианство с его культом абстрактного человека, особенно в своем буржуазном развитии — протестантизме, деизме и т. п.— является наиболее адекватной формой религии». [6]

Не будем забывать, что Маркс некогда был верующим христианином.

Когда он окончил гимназию, в его характеристике под рубрикой «Религиозные познания» было записано: «Его знания христианского вероучения и нравоучения довольно ясны и обоснованы, и он до известной степени знает историю христианской Церкви». [7]

Вскоре после получения этого аттестата в его жизни происходит нечто таинственное. Еще задолго до того, как Моисей Гесс в 1841 году привел его к социалистическим убеждениям, Маркс стал глубоко и страстно антирелигиозным человеком. Этот образ стал проявляться в нем еще в его студенческие годы. В одном из своих стихотворений он писал: «Я жажду отомстить Тому, Кто правит свыше». Значит, он был убежден, что Правящий свыше существует. Он спорил с Ним, хотя Бог не причинил ему никакого зла. Маркс был из сравнительно состоятельной семьи. В детстве он не голодал, а в студенческие годы ему жилось гораздо лучше, чем многим его товарищам. Чем же была вызвана эта лютая ненависть к Богу?

Личные мотивы нам неизвестны. Не был ли Маркс в этом вызывающем заявлении всего лишь рупором кого-то другого? В том возрасте, когда любой нормальный юноша увлечен прекрасными мечтами о делании добра другим и подготовкой к избранной профессии, у него вырываются такие строки (в стихотворении «Заклинание впавшего в отчаяние»):

Так бог вырвал из меня все мое
В проклятии и мучении судьбы.
Все миры его невозвратимо исчезли!
Мне не осталось ничего, кроме
мести!

Я высоко воздвигну мой престол.
Холодной и ужасной
будет его вершина.
Основание его — суеверная дрожь,
Церемониймейстер —
самая черная агония.
Кто посмотрит здоровым взором,
Отвернется,
смертельно побледнев и онемев.
Схваченный слепой
и холодной смертностью,
Да приготовит его радость
себе могилу.

Слова «я воздвигну себе престол» и признание, что от сидящего на престоле будут исходить только страх и агония, напоминают мне гордую похвальбу Люцифера: «Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой» (Исайя, 14, 13).

Зачем Марксу понадобился такой престол? Ответ находим в малоизвестной драме, написанной Марксом также в его студенческие годы. Драма называется «Оуланем». Для объяснения этого названия необходимо некоторое отступление.

Существует церковь сатанистов. Одним из ее ритуалов является «Черная месса», которую жрец совершает в полночь. Бурые свечи вставлены в опрокинутые подсвечники. Жрец — в богато разукрашенных ризах, одетых наизнанку. Все, что предписано молитвенником, он читает от конца к началу. Святые имена Бога, Иисуса, Марии — читаются наоборот. Распятие вешается вниз головой или попирается ногами. Тело обнаженной женщины служит алтарем. Освященная облатка, украденная

в какой-нибудь церкви, снабжена надписью «сатана» и употребляется для издевательского «причастия». Во время «Черной мессы» сжигается Библия. Все присутствующие обещают совершить все семь смертных грехов, перечисленных в католическом катехизисе, и никогда не делать никаких добрых дел. Затем следует оргия.

Поклонение дьяволу очень старо. Во Второзаконии мы читаем, что евреи «приносили жертвы бесам» (32, 17). Позже царь Израиля Иеровоам поставил у себя «жрецов к высотам и к козлам и к тельцам, которых он сделал» (2 Пар. 11, 15).

Характерно, что «Оуланем» — это искажение священного имени, анаграмма «Эммануила» — библейского имени Иисуса, означающего по-еврейски «С нами Бог». Подобные искажения имен считаются весьма эффективными в черной магии.

Понять драму «Оуланем» можно, лишь познакомившись со странным признанием Маркса, которое он сделал в стихотворении «Скрипач»:

Адские испарения поднимаются
и наполняют мозг,
Пока не сойду с ума
и мое сердце в корне не переменится.
Видишь этот меч?
Князь тьмы
Продал его мне.

Эти строки приобретают особое значение, если знать, что в ритуалах высшего посвящения в сатанинский культ кандидату продается заколдованный меч, гарантирующий ему успех. Он платит за него, подписывая кровью, взятой из его вен, договор, по которому его душа будет принадлежать сатане после его смерти.

А теперь я процитирую драму «Оуланем»:

Ибо он отбивает время
и дает знамения.
Все смелее и смелее
я играю танец смерти.
И они тоже: Оуланем, Оуланем.
Это имя звучит, как смерть.
Звучит,
пока не замрет в жалких корчах.
Стой! Теперь я понял.
Оно поднимается из моей души
Ясное, как воздух,
прочное, как мои кости...
И все же тебя,
персонифицированное человечество.
Силою моих могучих рук
я могу схватить и раздавить
с яростной силой
В то время как
бездна зияет передо мной и тобой
в темноте,
Ты провалишься в нее,
и я последую за тобой,
Смеясь и шепча тебе на ухо:
«Спускайся со мною, друг!»

Священное Писание, которое Маркс изучал в гимназии и довольно хорошо знал в зрелые годы, говорит, что дьявол был «низвергнут Ангелом в бездну» (Откр. 20, 3). Маркс хочет увлечь все человечество в эту бездну, уготованную для дьявола и ангелов его.

Кто говорит устами Маркса в этой драме? Разумно ли ожидать от молодого человека, чтобы он мечтал о том, как человечество провалится в бездну («тьму внешнюю», как ее именует Библия), и как он сам, смеясь, последует за теми, кого вовлек в неверие? Нигде в мире не культивируется подобный идеал, кроме как в ритуалах посвящения в высшие степени «церкви» сатанистов.

Для Оуланема подходит время смерти. Вот его слова:

Погиб, погиб. Мое время истекло.
Часы остановились,
ничтожное строение рухнуло.
Скоро я прижму вечность к моей
груди и диким воплем
Изреку проклятие всему
человечеству.

Маркс любил повторять слова Мефистофеля из «Фауста» Гете: «все существующее достойно уничтожения». Все, включая пролетариат и товарищей по борьбе. Маркс цитирует эти слова в «18-м брюмера Луи Бонапарта». Сталин действовал согласно с этими словами и уничтожил даже свою собственную семью.

Члены секты сатанистов — не материалисты. Они верят в загробную жизнь. Оуланем, личность, устами коей говорит Маркс, не отрицает существования загробной жизни. Он признает ее, но только как жизнь, исполненную ненависти в высшей степени. Следует отметить, что «вечность» для демонов означает «мучения». Поэтому бесы упрекали Иисуса: «И вот, они закричали: что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? Пришел Ты сюда прежде времени мучить нас» (Мф. 8, 29).

Ха, вечность, эта наша вечная боль,
Неописуемая, неизмеримая смерть!
Отвратительная, искусственно
зачатая,
Чтобы презирать нас —
Нас, которые сами,
как часовой механизм
Слепо механичны,
созданы для того, чтобы быть
Глупыми календарями
времени и пространства.
Не имеющими никакой цели.
Кроме случайного появления
для уничтожения...

Мы начинаем понимать, что произошло с молодым Марксом. У него были христианские убеждения, но он не воплощал их в жизнь. Переписка его с отцом свидетельствует о трате им крупных денежных сумм на развлечения и непрерывных ссорах из-за этого с родителями. В таком положении он, возможно, и попал в сети крайне засекреченной секты сатанистов, и прошел ритуал посвящения. Сатана, которого его почитатели видят в галлюцинациях во время оргий, говорит их устами, и потому-то и Маркс — всего лишь рупор сатаны, когда он провозглашает: «Я хочу отомстить Тому, Кто свыше».

Обратимся к концу драмы «Оуланем»:

Ха! Колесуемый на огненном колесе,
Я должен весело плясать
в круге вечности:
Если бы вне ее было бы что-нибудь

Я прыгнул бы туда,
хотя бы разрушив при этом мир,
Нагроможденный между ею и мною!
Он должен быть разрушен
с проклятиями
Я сдавлю руками его упрямое
бытие
И, обнимая меня,
он должен безмолвно угаснуть
И затем — вниз,
погрузиться в ничто.
Совершенно исчезнуть
не быть,— это была бы жизнь...

В драме «Ouланем» Маркс фактически делает то же, что и дьявол: он предает все человечество проклятию.

«Оуланем», вероятно, единственная драма в мире, в которой все действующие лица уверены в своей порочности и щеголяют ею, как на празднике. В этой драме нет белого и черного, в ней нет Клавдия и Офелии, Яго и Дездемоны. В ней все черно, и все обнаруживает черты характера Мефистофеля. Все участники ее демоничны, порочны и обречены на гибель. [10]

Когда Маркс писал это, преждевременно созревшему гению было 18 лет. Программа его жизни уже вполне установилась. Здесь не было и речи о служении человечеству, пролетариату или социализму. Он хотел разрушать мир, хотел воздвигнуть себе престол, основанием которого были бы человеческие содрогания.

И на этой стадии формирования взглядов Маркса обращают на себя внимание некоторые загадочные места в переписке его с отцом. Так, сын пишет: «Завеса спала, моя святая святых была опустошена, необходимо было поместить туда новых богов». [11] Это было написано 10 ноября 1837 года юношей, который до этого исповедывал христианство. Он заявлял, что Христос живет в его сердце. И вдруг это стало не так. Какие же новые боги заняли место Христа?

Отец отвечал (10 февраля 1838 года): «Я не настаивал на объяснении таинственного дела, хотя оно кажется весьма сомнительным». Что это было за таинственное дело? До сих пор ни один биограф не смог объяснить эти загадочные слова.

Вернер Блумберг в своей книге «Портрет Маркса» цитирует письмо отца Маркса сыну от 2 марта 1837 года: «Твои успехи и надежда увидеть когда-то твое имя прославленным, а также твое земное благоденствие — все это не единственные желания моего сердца. Это иллюзии, которые я питал долгое время, но могу заверить тебя, что осуществление их не сделало бы меня счастливым. Только если сердце твое останется чистым и человечным, и если никакой демон не будет в состоянии ожесточить его,— только тогда я буду счастлив»

Что заставило отца неожиданно выразить опасения о демоническом влиянии на сына-юношу, который до того исповедывал христианство? Не были ли причиной стихи, полученные им от сына к своему 55 дню рождения?

Следующая цитата взята из эпиграммы Маркса на Гегеля:

Все слова, которые учу,
смешались в дьявольскую смесь,
Так что каждый может думать,
что ему заблагорассудится.

В своем стихотворении «Бедная девочка» он писал:

Я утратил небо,
И прекрасно знаю это.
Моя душа, некогда верная Богу,
Предопределена теперь для ада.

Комментарии излишни.

Маркс начал с честолюбивых амбиций в искусстве. Его стихи и драмы важны для раскрытия его внутреннего мира, но, не обладая литературными достоинствами, они остались непризнанными. Неудачи в живописи и архитектуре дали нам Гитлера, в драматургии — Геббельса, в философии — Розенберга. Маркс бросил поэзию ради революционной карьеры, во имя Сатаны, выступив против общества, которое не оценило его поэзию. Возможно, это было одним из мотивов его бунта против вся и всех. Презрение к нему, как к еврею, могло быть еще одним побуждением к этому.

Два года спустя после высказанного отцом опасения молодой Маркс написал в 1839 году диссертацию: «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». В предисловии к ней он полностью относит к себе признание эсхиловского Прометея: «По правде, всех богов я ненавижу». [12] Это он подкрепляет словами, что он — против всех богов на земле и на небе, не признающих человеческое самосознание за высшее божество.

Маркс был заклятым врагом всех богов, человеком, купившим меч у князя тьмы ценою своей души. Он объявил своей целью увлечь все человечество в бездну и со смехом последовать за ним туда.

Действительно ли Маркс купил меч у сатаны?

Его дочь Элеонора написала книгу под названием «Мавр и генерал — воспоминания о Марксе и Энгельсе». Она сообщает, что Маркс рассказывал ей и ее сестре много историй, когда они были еще детьми. Одна, которая ей больше всего нравилась, была о некоем Гансе Рекле. «Эта история длилась много месяцев и никогда не кончалась. Ганс Рекле был волшебником, у которого был игрушечный магазин и куча долгов. И, хотя он и был волшебником, он постоянно нуждался в деньгах. Поэтому, вопреки своему желанию, он вынужден был продать все свои прекрасные вещи, одну за другой, дьяволу... Некоторые похождения были столь ужасны, что у нас волосы поднимались дыбом на голове». [13]

Нормально ли это, чтобы отец рассказывал своим маленьким детям столь ужасные истории о продаже самых дорогих сердцу вещей сатане? Роберт Пейн в своей книге «Маркс» тоже подробно рассказывает, со слов Элеоноры, о том, как несчастный волшебник Рекле неохотно продавал свои игрушки, удерживая их до последней минуты. «Но, поскольку у него был договор с дьяволом, он не мог избежать этого».

Биограф Маркса комментирует: «Едва ли можно сомневаться в том, что эти бесконечные истории были автобиографическими... У него был демонический взгляд на мир, и он обладал демонической злобой. Порой казалось, что он отдавал себе отчет в том, что совершает работу дьявола».

Когда Маркс заканчивал «Оуланем» и другие свои ранние произведения, в которых он признается, что заключил пакт с сатаной, он и не думал о социализме. Он даже боролся с ним. Он был редактором немецкого журнала «Рейнская газета», который «не признавал даже теоретической ценности за коммунистическими идеями в их нынешнем виде и тем более возможности их практического проведения в жизнь». «Попытки масс воплотить коммунистические идеи в жизнь, как только они станут опасными, могут быть остановлены пушками»,— писалось в этом журнале.

В те годы Маркс познакомился с Моисеем Гессом — человеком, сыгравшим самую важную роль в его жизни, помогшим ему принять социалистический идеал.

В письме к Б. Ауэрбаху (1841 год) М. Гесс характеризует Маркса как «величайшего, быть может, единственного теперь философа...» «Доктор Маркс, так называется мой кумир,— пишет он,— еще совсем молодой человек (самое большее около 24-х лет); он нанесет окончательный удар средневековой религии и философии». [14] Значит, первая цель — удар по религии, а не социализм.

Георг Юнг, другой друг Маркса тех лет, формулирует еще яснее в письме к Арнольду Руге (18 октября 1841 года): «Маркс непременно прогонит Бога с небес... Маркс называет христианскую религию самой безнравственной из всех религий». [15] Стоит ли удивляться этому — ведь Маркс верил, что первые христиане убивали людей и ели их мясо.

Выходит, таковыми были ожидания тех, кто посвящал Маркса в глубины сатанизма.

Совсем неверно, будто Маркс преследовал идеалы помощи человечеству, а религия якобы была препятствием на пути осуществления этих идеалов — отчего он и занял антирелигиозную позицию. Напротив, Маркс ненавидел всех богов и не терпел упоминаний о Боге. Социализм был всего лишь приманкой, чтобы привлечь пролетариат и интеллигенцию к воплощению дьявольского идеала.

Когда советская власть уже в ранние годы провозгласила: «Прогоним капиталистов с земли, а Бога с неба», она просто выполняла заветы Маркса.

Ранее я упомянул об извращении имен как одной из особенностей черной магии. Инверсии такого типа насквозь пронизывали весь образ мышления Маркса, он пользовался ими повсюду. На книгу Прудона «Философия нищеты» он ответил книгой «Нищета философии». Он писал: «Мы должны применить вместо оружия критики критику оружия» и т. п.

Задумывались ли вы когда-нибудь над прической Маркса? В то время мужчины обычно имели бороды, но не такие, как у него, и не носили длинные волосы. Эта манера Маркса характерна для учеников Джоаны Соуткотт — сатанинской жрицы, которая считала, что она находится в связи с демоном Силох. [16]

Любопытно, что спустя почти 60 лет после ее смерти, в 1814 году, «к группе последователей Соуткотт в Чатам примкнул солдат Джеймс Уайт, который после окончания службы в Индии принял на себя местное руководство группой для дальнейшего развития учения Джоаны... с коммунистической окраской». [17]

Маркс немного говорил на людях о метафизике, но мы можем собрать сведения о его взглядах от тех, с кем он общался. Одним из его соучастников в Первом Интернационале был Михаил Бакунин, русский анархист, который писал, что дьявол — первый вольнодумец и спаситель мира; он освобождает Адама и ставит печать человечности и свободы на его челе, сделав его непослушным. [18]

Бакунин не только восхваляет Люцифера. У него есть конкретная программа революции, но не такая, которая может освободить бедных от угнетения. Он писал: «В этой революции нам придется разбудить дьявола в людях, чтобы возбудить самые низкие страсти». [19]

Карл Маркс основал Первый Интернационал вместе с Бакуниным, который придерживался этой странной программы.

Бакунин писал, что Прудон, другой крупный социалистический мыслитель и в то время друг Маркса, также «почитает сатану». [20] Это Гесс познакомил Маркса с Прудоном, у которого была такая же характерная прическа, как и у всех сатанистов 19-го века.

В своем произведении «О правосудии в революции и церкви» Прудон заявляет, что Бог — прототип несправедливости. «Мы овладеваем знанием несмотря на Него, мы овладеваем обществом помимо Его. Каждый шаг вперед — это победа, которой мы одолеваем Божество». Прудон восклицает: «Бог — это глупость и трусость. Бог — это лицемерие и фальшь. Бог — это тирания и нищета. Бог — это зло. Везде, где человек склоняется пред алтарем, человечество — рабы царей и попов — осуждено. Я клянусь, Бог, подняв к небу руку, что Ты ни что иное, как палач моего разума, жезл моей совести. Бог, в сущности, против культуры, против свободы, против человека...» Прудон потому объявляет Бога злом, что человек — Его творение — насквозь порочен. Подобные мысли не оригинальны. Они составляют обычное содержание проповедей в культе сатаны.

Позднее Маркс поссорился с Прудоном и написал книгу в опровержение его «Философии нищеты», из которой взяты выше-

приведенные цитаты. Но Маркс полемизировал только с менее важными экономическими взглядами. Он ничего не имел против демонического бунта Прудона.

Здесь крайне важно специально подчеркнуть, что Маркс и его соратники, будучи против Бога, не были атеистами,— в том смысле, как называют себя современные марксисты. То есть, отрекаясь от Бога открыто, они ненавидели Того, в существовании Которого не сомневались. Брошен вызов не Его существованию, а Его верховной власти.

Когда в 1871 году в Париже вспыхнула коммунистическая революция, коммунар Флоренс заявил: «Наш враг — это Бог. Ненависть к Богу — начало мудрости».

Маркс высоко оценивал коммунаров, которые открыто преследовали эту цель. Но что это имеет общего со справедливым распределением благ или с лучшими общественными учреждениями? Последнее — только внешние признаки, скрывающие истинную цель: полное искоренение Бога и поклонение Ему. Сегодня мы видим свидетельства этого в таких странах, как красный Китай, Албания и Северная Корея, где до последнего времени были закрыты все церкви, мечети и пагоды.

На эту тему Маркс написал очень интересные стихи. С художественной точки зрения они не очень высоки, но мысли, в них выраженные, заслуживают внимания. В стихотворениях Маркса «Заклинания впавшего в отчаяние» и «Человеческая гордость» высшее, о чем молится человек — собственное величие. Если ему суждено погибнуть в силу собственного величия, это будет космической катастрофой, но он умрет, как богоподобное существо, оплакиваемое бесами.

Баллада Маркса «Скрипач» заключает в себе жалобы певца на Бога, Который не понимает и не признает его искусство. Оно исходит из темной бездны ада, «действует демонически на умы и околдовывает сердце, и его танец — это танец смерти». Певец вынимает свой меч и вонзает его в душу поэта.

Искусство, вышедшее из темной бездны ада и действующее демонически на ум... Вспоминаются слова американского революционера Джерри Рубина в его книге «Делай!»: «Мы смешали молодость, музыку, секс, наркотики и дух бунтарства с предательством, и такое сочетание трудно одолеть».

Другое стихотворение Маркса, в котором он открыто признается, что его цель не улучшение, реформирование или революционное преобразование мира, а просто разрушение и радость, которую он получит от этого разрушения, содержит следующие строки:

С презреньем я швырну мою
перчатку
Прямо в лицо миру.
И увижу падение пигмея-гиганта.
Которое не охладит мою ненависть
Тогда богоподобный и победоносный
я буду бродить
По руинам мира.
И вливая в мои слова могучую силу.
Я почувствую себя равным Творцу

Маркс принял сатанизм после внутренней борьбы. Стихи были окончены, когда он был серьезно болен, и являются результатом бури в его душе. Он пишет в это время о своей «досаде на то, что он вынужден делать идола из того мнения, которое он презирает. Ему дурно».[21]

Главная причина обращения Маркса к коммунизму ясно видна из цитированного уже письма его друга Георга Юнга к А. Руге. Не освобождение пролетариата было этой причиной и не желание утвердить лучший общественный порядок. Юнг пишет: «Если Маркс, Бруно Бауэр и Фейербах соединятся, чтобы основать богословско-политический журнал, Богу лучше окружить Себя всеми Своими ангелами и начать оплакивать Себя, потому что эта троица непременно прогонит Его с неба...»[22]

У всех активных сатанистов — беспорядочная личная жизнь. Маркс не составляет исключения. Арнольд Кюнцли в своей книге «Маркс — психография» пишет, что он был виновником самоубийства двух своих дочерей и одного зятя. Трое детей умерли от недоедания. Дочь Лаура, жена социалиста Лафарга, тоже похоронила троих своих детей, а потом вместе с мужем покончила жизнь самоубийством. Другая дочь, Элеонора, решила со своим мужем сделать то же самое, но тот отказался в последнюю минуту, а она умерла. Семьи сатанистов находятся под проклятием.[25]

Маркс не чувствовал себя обязанным работать для материального обеспечения семьи, хотя легко мог бы делать это уже с помощью одного только превосходного знания языков. Он жил подачками Энгельса. У него был незаконнорожденный ребенок от служанки. Позднее он приписал этого ребенка Энгельсу, который согласился участвовать в этой комедии. Он много пил. Рязанов, бывший директор Института Маркса-Энгельса в Москве, признает этот факт в своей книге на немецком языке «Карл Маркс как мыслитель, человек и революционер».[23]

Поскольку мы упомянули Энгельса, скажем несколько слов и о нем. Энгельс вырос в набожной семье и в юности писал прекрасные духовные стихи Мы не знаем обстоятельств, при которых он потерял веру, но после своего знакомства с Марксом он писал о нем следующее:

Кто это несется следом
с диким неистовством?
Черный малый из Трира
(родина Маркса — Г. М.)
редкое чудовище
Он не ходит и не бегает,
он подпрыгивает на каблуках
охваченный бешенством,
как бы стремясь ухватить
далекий полог неба
и стянуть его на землю;
он вытягивает руки высоко в воздух,
сжат злобный кулак,
он неистовствует без устали

будто десять тысяч бесов
вцепились ему в волосы

Сомневаться в христианстве Энгельс начал после чтения книги либерального богослова Бруно Бауэра. В его душе шла отчаянная борьба, и он писал в то время: «Я молюсь каждый день и даже целыми днями об истине; начал делать это с того момента, как усомнился, и все же не могу вернуться к вашей вере... Меня душат слезы, когда я пишу это...»

Энгельс не нашел пути возвращения к Слову Божьему, и примкнул к тому, кого сам назвал «чудовищем, одержимым тысячью бесов». Он пережил то, что можно назвать обращением наоборот.

Кем же был Бруно Бауэр,— либеральный богослов, сыгравший решающую роль в разрушении христианской веры у Энгельса и укреплявший Маркса в новом, безбожном образе жизни? Было ли у него что-нибудь общее с бесами? Достаточно прочесть, что писал Бруно Бауэр своему другу А. Руге (6 декабря 1841), который в то же время был другом Маркса и Энгельса:

«Я читаю здесь в университете лекции перед большой аудиторией. Я не узнаю сам себя, когда произношу с кафедры кощунства. Они столь грубы, что у этих детей, которых не следовало бы обижать, волосы встают дыбом. Произнося богохульства, я помню, что дома благочестиво пишу апологетические фразы в пользу Священного Писания и Откровения. Так или иначе, ужасный бес вселяется в меня, как только я поднимаюсь на кафедру, но я настолько слаб, что вынужден поддаваться ему... Мой дух богохульства будет удовлетворен лишь тогда, когда мне позволят проповедовать открыто, в качестве профессора, атеистическую систему».[25]

Человек, убедивший Энгельса стать коммунистом, был все тот же Моисей Гесс, который до него убедил Маркса. Гесс писал после встречи с Энгельсом в Кельне: «Он покинул меня сверхревностным коммунистом. Так я творю опустошение».[26] «Творю опустошение». Не это ли было высшей целью в жизни Гесса? Это — главная цель и Люцифера.

Следы христианства так никогда и не изгладились из сознания Энгельса. В 1865 году он выражает восхищение гимном Реформации (хоралом Лютера) «Господь — наш истинный оплот», называя его «Марсельезой» XVI века (Введение в «Диалектику природы»).[27] И это не единственное высказывание Энгельса в пользу христианства.

Трагедия Энгельса развивается дальше и глубже, чем у Маркса. Взять хотя бы замечательное стихотворение, написанное в юности человеком, который впоследствии стал самым усердным сообщником Маркса в уничтожении религии:

1. Господи, Иисусе Христе,
Сыне Божий,
Сойди со своего престола,
И спаси мою душу.
О, приди в Своей благодати,
В блеске Своего отеческого величия,
Дай мне склониться перед Тобою!
Полна любви и величия,
без печали та радость,
С какой мы восхваляем
нашего Спасителя!
2. И когда я буду испускать
предсмертный вздох,
Ощущая над собой дыхание смерти,
Дай мне крепче держаться за Тебя;
Когда потемнеет мой взгляд,
И прекратится биение сердца.
В Тебе да остынет мое тело!
На небе мой дух
будет хвалить Твое имя
без конца,
Потому что он — в Твоих руках.
3. О, настань время радости.
Когда на Твоей любящей груди
Я освобожусь от смерти
Уже я вижу, Боже,—
благодарю Тебя,—
Как всех, кто был мне дорог,
Я могу вечно обнимать!
Вечно, вечно, вечно живой
и стоящий перед Тобой!
Только бы видеть Тебя —
И жизнь моя будет вновь цвести.
4. Ты пришел,
чтобы освободить человечество
от смерти и зла,
принести ему Твое счастье
и благословение.
Да будет теперь, с Твоим приходом
все на замле иначе,
да воздашь Ты каждому —
должное[28]

После того, как Бруно Бауэр посеял сомнение в его душе, Энгельс писал друзьям: «Написано: просите, и дано будет вам. Я ищу истину всюду, где есть малейшая надежда найти хотя бы тень ее. И все же я не могу признать вашу истину вечной истиной. И, однако, написано: ищите, и обрящете. Кто из вас даст своему ребенку камень, когда он просит хлеба? Тем более не Отец ваш Небесный.

Слезы набегают на глаза, когда я пишу это. Я растроган до глубины души, но я чувствую, что не погибну. Я приду к Богу, к Которому тянется моя душа. И это тоже — свидетельство Духа Святого. Этим я живу, и с этим умру... Дух Божий свидетельствует мне, что я дитя Божие».

Он хорошо сознавал опасность сатанизма. В своей работе «Шеллинг — философ во Христе, или Преображение мирской мудрости в мудрость божественную» Энгельс писал: «Со времен ужасной французской революции совершенно новый, дьявольский дух вселился в значительную часть человечества, и безбожие столь бесстыдно и надменно поднимает свою наглую голову, что приходится думать об исполнении в настоящее время пророчеств Писания. Посмотрим, однако, что сказано в Писании о безбожии последних времен. Господь Иисус говорит, Матф, 24, 11—13: И многие лжепророки восстанут и прельстят многих, и по причине умножения беззакония во многих охладеет любовь. Претерпевший же до конца спасется. И проповедано будет сие Евангелие Царства по всей вселенной во свидетельство всем народам, и тогда придет конец. И стих 24: восстанут лжехристы и лжепророки и дадут всякие

знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. И Павел говорит, 2-е посл. Фессалоникийцам 2, 3: откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся превыше всего, называемого Богом, или святынею; по действию сатаны будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду».

Он пишет, как самый верующий богослов. Он продолжает: «Это уже не равнодушие и холодность к Господу; нет, это открытая, явная вражда, и вместо всяких сект и партий мы имеем теперь только две: христиан и противников Христа... Мы видим среди нас лжепророков, и даны им уста, говорящие гордо и богохульно... Они странствуют по Германии и хотят украдкой всюду проникнуть, проповедуют свои сатанинские учения на рынках и переносят дьявольское знамя из одного города в другой, увлекая за собой бедную молодежь, чтобы ввергнуть ее в глубочайшую бездну ада и смерти». Он заканчивает словами Откровения: «Се гряду скоро. Держи, что имеешь, дабы никто не восхитил венца твоего! Аминь».[29]

Человек, который писал такие стихи и так страстно предупреждал против сатанизма, человек, который молился со слезами, чтобы самому уберечься от этой опасности, человек, признававший Маркса одержимым тысячью бесов — становится ближайшим сотрудником Маркса в демонической борьбе с религией и всякой нравственностью (см. Коммунистический манифест Маркса и Энгельса).

Это сделала либеральная теология. Она разделяет вместе с Марксом и Энгельсом вину за убийство коммунизмом десятков миллионов невинных людей.

После этого грустного, но необходимого отступления об Энгельсе вернемся снова к Марксу.

Рольф Бауэр описывает расточительность Маркса в своей книге «Гений и богатство». Будучи студентом в Берлине, сынок получал от папы Маркса карманных денег 700 талеров в год.[30] Эта сумма была колоссальной, ибо в то время только пять процентов населения получало более 300 талеров в год. За свою жизнь Маркс получил от Энгельса приблизительно шесть миллионов французских франков (цифра Института Маркса-Энгельса).

Маркс всегда страстно желал получить наследство. Когда один его дядя был при смерти, он писал: «Если собака умрет, я вылезу из нищеты». Энгельс отвечал на это: «Я поздравляю тебя с болезнью мешающего тебе получить наследство, и надеюсь, что катастрофа не замедлит».

Когда «собака» умер, Маркс писал 8 марта 1855 года: «Весьма радостное событие. Вчера нам сообщили о смерти 90-летнего дяди моей жены. Моя жена получит приблизительно сто фунтов стерлингов; могло бы быть и больше, если бы старый пес не оставил части своих денег экономке».

У него не находилось никаких нежных чувств и для людей, бывших ему гораздо ближе, чем дядя. Он не разговаривал со своей матерью. В декабре 1863 года он писал Энгельсу: «Два часа тому назад пришла телеграмма, сообщившая мне, что моя мать умерла. Судьбе было угодно забрать одного члена нашей семьи. Я был уже одной ногой в могиле. Но в данных обстоятельствах я нужен больше, чем старуха. Я должен поехать в Трир по делам наследства». Это все, что он нашелся сказать о смерти матери.

Маркс проигрывал много денег на бирже. Будучи экономистом, он почему-то умел только терять деньги.

Поскольку у сатанистов все окружено предельной тайной, мы располагаем только намеками на связь с ними Маркса. Его безалаберная жизнь может быть еще одним звеном в цепи уже приведенных данных.

Маркс был интеллигентом высокого плана, как и Энгельс, но их переписка полна непристойностей, необычных для их общественного положения. Сквернословия — хоть отбавляй, но ни в одном письме эти идеалисты не говорят о своих гуманитарных или социалистических мечтах.

Все поведение Маркса и его речь имели демонический характер. Сам будучи евреем, он написал вредную антиеврейскую книгу под названием «Еврейский вопрос». Но ненавидел он не только евреев. Его друг Вейтлинг писал: «Обычные темы разговоров у Маркса — атеизм, гильотина, Гегель, веревка и кинжал». Он ненавидел немцев и утверждал, что «только палкой можно воскресить немца». Он говорил о «глупом немецком народе» и о том, что «немцев, китайцев и евреев можно сравнить с мелкими уличными торговцами». Наконец, он упоминал об «отвратительной национальной узости немцев» (А. Кюнцли. «Маркс — психография»). Русских он считал людьми низшего сорта, «варварской расой»,[31] и называл славян — «этническими отбросами».[32]

Итак, мы обратили внимание на некоторые намеки, позволяющие считать, что Маркс был сатанистом.

Любимым ребенком Маркса была Элеонора. Он называл ее Тусси, и часто говорил: «Тусси — это я». Послушаем, что же говорит «Тусси».

С благосклонного разрешения Маркса Элеонора вышла замуж за Эдуарда Эвелинга, друга Анни Безант, одной из основоположниц теософии. Он читал лекции на тему «Низость Бога». (Это как раз и делали сатанисты. У них нет отрицания существования Бога, как у атеистов. Сатанисты могут отрицать существование Бога лишь

для отвода глаз, на деле же они знают, что Бог есть и верят в это, но описывают Бога, как низкое, подлое существо.) В своих лекциях он пытался доказать, что Бог «поощряет многоженство и воровство», а также защищал право богохульствовать.[33]

Прочтите следующее теософское стихотворение, помня, что избранный Марксом зять был видным участником этого движения. Такие стихи регулярно читались в доме Маркса, и это позволит нам заглянуть и почувствовать духовную атмосферу этого дома:

Мои стихи,
необузданные и дерзновенные,
да вознесутся
К тебе, о, сатана, царь пира.
Прочь с твоим кроплением,
священник, и твоим
Заунывным пением,
Ибо никогда, о священник,
сатана не будет стоять за тобой.
Твое дыхание, о сатана,
вдохновляет мои стихи,
Когда от души я отрекаюсь от богов,
От князей церкви,
бесчеловечных князей.
Твоя молния потрясает умы.
О, душа, странствующая
вдали от прямых путей,
Сатана милостив...

Подобно урагану
с распростертыми крыльями
Он проносится, о народы,
великий Сатана!
Привет разуму великого Заступника!
К тебе должны возноситься
священные благовония и обеты!
Ты — божество низложенных
священников[34].

Связь между марксизмом и теософией не случайна. Теософия распространила на Западе принесенное из Индии учение о несуществовании отдельной души. То, чего не добилась теософия убеждением, марксизм добивается плетью. Он обезличивает человека, превращает его в робота, подчиненного государству.

Вот еще один интересный факт. Капитан флота Рииз был учеником Маркса. Опечаленный вестью о его кончине, он выехал в Лондон, чтобы посетить дом, в котором жил его любимый учитель. Семья Маркса покинула дом, и ему удалось расспросить только жившую там служанку. От нее он услышал следующие удивительные слова о Марксе: «Он был богобоязненным человеком. Когда он сильно болел, он молился один в своей комнате перед горящими свечами, обмотав вокруг головы что-то вроде тесьмы».[35] Это напоминает филактерии, которыми евреи пользуются во время утренних молитв. Но Маркс был крещен в христианской религии. Он никогда не исповедовал иудаизм, а потом и вообще стал богоборцем. Он писал книги против религии и всех своих детей воспитал атеистами. Что же это была за церемония, которую невежественная служанка приняла за молитву? Евреи, произносящие слова молитвы с филактериями на лбу, никогда не имеют перед собой ряда свечей. Не мог ли это быть какой-то магический ритуал?

Другой возможный намек кроется в письме Марксу его сына Эдгара от 31 марта 1854 года. Оно начинается поразительными словами: «Мой милый дьявол». Где это слыхано, чтобы сын так называл своего отца. Но так пишут сатанисты тем, кого они любят. Не был ли посвящен и его сын?

Не менее знаменательно и то, что жена Маркса обращается к нему в августовском письме 1844 года следующим образом: «Твое последнее пастырское письмо о верховный жрец и владыко душ, принесло твоим бедным овечкам мир и тишину».[36]

В «Коммунистическом манифесте» Маркс отчетливо выразил свое желание искоренить всяческую религию. Следует полагать, что имелся в виду также и культ сатаны. Но его жена обращается к нему, как к верховному жрецу и епископу,— какой религии? Единственное верование в Европе, где есть верховный жрец,— это сатанизм. Какие же пастырские письма мог писать человек, которого почитали атеистом? Где эти письма? Есть периоды времени в жизни Маркса, которые остаются неисследованными.

Некоторые биографы Маркса, возможно, догадываются о связи между почитанием сатаны и героем их изысканий, но, не имея необходимой духовной подготовки и соответствующих знаний, они не могут осмыслить факты, которые у них перед глазами. И все же их свидетельство любопытно.

Марксист Франц Меринг писал в своей книге «Карл Маркс»: «Хотя отец Маркса умер всего через несколько дней после того, как сыну исполнилось двадцать лет, он с тайным опасением наблюдал за «демоном» в любимом сыне... Генрих Маркс не думал и не мог бы подумать, что богатое наследие буржуазной культуры, которое он передал своему сыну Карлу, могло способствовать появлению того «демона», о котором он сомневался — «небесной» он, или «фаустовской» природы».[37]

Маркс умер в отчаянии, как умирают все сатанисты. 25 мая 1883 года он писал Энгельсу: «Как бесцельна и пуста моя жизнь, но и как желанна!»

Марксизм скрывает тайну, о которой знают лишь весьма немногие марксисты. Ленин писал, что, спустя полстолетия, ни один марксист не постиг Маркса.[38]

Есть тайна и в жизни самого Ленина. В одном из писем 1921 года он писал: «Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Наркомюст сугубо надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что нас когда-нибудь за это поделом повесят».[39]

Так вот каковой была последняя надежда Ленина после борьбы всей его жизни за дело коммунизма: быть повешенным на вонючей веревке. Эта надежда не осуществилась в его жизни, но почти все его ближайшие соратники были, в конце концов, уничтожены Сталиным,— после того

как они публично признавались, что служили не пролетариату, которому они якобы хотели помочь, а иным силам.

Однако, каково признание Ленина: «Я еще не потерял надежды, что нас когда-нибудь поделом повесят!» Какой контраст с признанием другого борца, Св. Апостола Павла, писавшего в конце своей жизни: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил... А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный» (2 Тим, 4, 7, 8).

Все, что я пишу здесь,— наметки. Проблема взаимоотношений между марксизмом и сатанизмом должна быть исследована более тщательным образом. Христианские мыслители, как и все люди, часто подвергаются искушению доказать какую-то предвзятую идею. Они не обязательно пишут о вещах, которые знают досконально. Мыслители склонны иногда утверждать недоказанное, приумножать число аргументов в пользу своей концепции.

Я не претендую на то, что нашел неопровержимые доказательства принадлежности Маркса к секте сатанистов. Но я верю, что есть достаточно данных, наводящих на это подозрение. Несомненно, есть достаточно поводов для заключения, что сатанинское влияние на его жизнь и учение было значительным. Но в то же время немало есть и пробелов в цепи доказательств, могущих привести к окончательному решению в этом вопросе. Я дал только первичный импульс. Пусть другие продолжат это важное исследование проблемы связи между Марксом и сатанизмом.

Во-вторых, я не святой, каким должен бы быть тот, кто занимается подобными проблемами. Я лишь, насколько мог, углубился в тайны поклонения дьяволу.

И у самого меня есть склонность господствовать над другими. У меня это в характере. Изучая великих личностей в истории, уступавших беспрепятственно доминирующему влиянию дьявола, я чувствовал, как крепли мои собственные злые наклонности. И потому я решил: чтобы не жертвовать моим самым дорогим сокровищем — своей душой,— не продолжать такого рода исследований даже во имя высокой цели, обнаружения источника зла.

Сатана — павший архангел, и он сохранил способности архангела. Среди людей нет равных ему. Я считаю очень мудрым совет одной кармелитской настоятельницы, который она дала мне: указать сатане на дверь вместо того, чтобы вникать в его тайны.

С меня более чем достаточно и той доли внимания подлым тайнам дьявола, которую я им уделил. Я оставил свои исследования.

Мне вспоминаются слова Дугласа Ханта в его книге «Исследования в сфере оккультного»: «Необходимо решительно предостеречь всех против какого бы то ни было участия в черной магии, подлинной или фальшивой. Не прикасайтесь к этим вещам и избегайте, как чумы, тех, кто соприкасается с ними. Даже если бы все это было мошенничеством — как оно часто и бывает — это все равно грязные и дикие вещи. Они таковы даже тогда, когда кажутся невинными. Они ведут единственно к душевной деградации. А когда в игру вступают настоящие силы (как в случае с марксизмом), последствия для участников неописуемо ужасны». [40]

Повторяю: я сознаю, что данные мною здесь показания далеки от полноты. Проблема должна быть изучена более подробно кем-то другим. Но уж из того, что я написал здесь, можно заключить, что тот Маркс, о котором твердят марксисты,— ничто иное как миф. Вовсе не обнищание пролетариата толкнуло его на революционный путь — будто бы единственное решение проблемы. Он не любил пролетариев, называл их «болванами».

Не любил Маркс и своих товарищей по борьбе за коммунистические идеалы. Фрейлиграта он называл «свиньей», Лассаля — «еврейским негром», товарища Либкнехта «волом», а Бакунина — «теоретическим нулем». [41]

Участник революции 1848 года лейтенант Чехов, проводивший ночи в попойках с Марксом, заметил, что самолюбование поглотило все то хорошее, что в нем когда-то было.

Маркс не любил человечество. Мацции, который хорошо знал его, писал, что в нем был «дух разрушения». Его сердце разрывалось «скорее от ненависти, чем от любви к людям». [42]

Я не знаю свидетельств современников Маркса, опровергающих это. Любящий всех людей Маркс — это миф, созданный уже после его смерти.

Маркс и религию ненавидел не потому, что она стояла на пути к счастью человечества. Напротив, он хотел бы сделать человечество несчастным отныне и навеки. Он провозгласил это своим идеалом. Его целью было — уничтожение религии. А социализм, забота о пролетариате, гуманизм — все это было лишь предлогом.

После того как Маркс прочитал «Происхождение видов» Дарвина, он написал письмо Лассалю, в котором ликовал от того, что Бог — по крайней мере, в естественных науках — получил, по его мнению, смертельный удар (письмо от 16 января 1861). [43] Какая идея была главной у Маркса? Нужда бедного пролетариата? Если так, то какую ценность могла иметь теория Дарвина? Или, может быть, главной целью Маркса и было — уничтожение религии?

Благо рабочих было только предлогом. Там, где пролетарии не борются за социалистические идеалы, марксисты используют расовые различия и так называемый конфликт поколений. Но главное — чтобы была уничтожена религия.

Маркс веровал в ад, и программой его было — послать людей туда.

Быть может, небезынтересно отметить здесь, что из биографии Бухарина — бывшего генеральным секретарем Коммунистического Интернационала и одним из главных теоретиков марксизма в XX веке — известно, как еще в 12-летнем возрасте, познакомившись с книгой «Откровения в Библии», он мечтал о том, чтобы стать антихристом. Узнав из Священного Писания, что антихрист должен родиться от апокалиптической блудницы, он настаивал, чтобы его мать призналась, что она была проституткой. [44]

Бухарин понял слишком поздно, в чьи руки он попал. В письме своей жене, написанном перед арестом и смертной казнью, он писал: «Моя жизнь подходит к концу. Я склоняю мою голову под топор палача. Я чувствую все мое бессилие перед лицом этого дьявольского аппарата». Он участвовал в сооружении этой гильотины — советского государства — которая уничтожила миллионы, и должен был в конце признать, что задумано это было — в аду. Он хотел стать антихристом, и вместо этого стал его жертвой. Тот же Бухарин, разбиравшийся в таких вещах, писал о Сталине: «Это не человек, а черт».

Первым псевдонимом Сталина, когда он начал печататься, был псевдоним «Демонишвили», что по-грузински означает нечто вроде «одержимого», и — «Бесошвили», что значит «бесовский». (Настоящая его фамилия была — Джугашвили).

Мао Цзе-дун писал: «С восьмилетнего возраста я возненавидел Конфуция. У нас в деревне был конфуцианский храм, и всем сердцем я желал только одного: разрушить его до основания». [45]

Встречался ли вам когда-нибудь ребенок, который в восьмилетнем возрасте желал бы уничтожения собственной религии? Подобные мысли и желания свойственны только демоническим характерам.

Еще одним дегенератом был Лев Троцкий. В восьмилетнем возрасте он уже был крупным коллекционером порнографических открыток. [46] В царской России было не так, как теперь на Западе,— порнографию нельзя было купить в любом газетном киоске. Троцкий должен был быть страстным коллекционером и, вероятно, должен был красть деньги у родителей, чтобы собрать такую коллекцию. И он тоже был душевнобольным.

Позвольте мне только упомянуть в связи с этим, что — противовес приведенным примерам — Св. Павел Креста Господня в восьмилетнем возрасте уже проводил каждый день по три часа в молитве.

Каков же был особый вклад Маркса в сатанинский план для человечества? Можно сказать одно — он был немалым.

Библия учит, что Бог сотворил человека по образу Своему (Быт. 8, 24). До Маркса человек все еще считался «венцом творения». Маркс был избранным орудием сатаны для того, чтобы человек потерял свое человеческое достоинство и уверенность в том, что он происходит свыше и предназначен возвратиться туда, где было его начало. Марксизм — это первая систематическая и детально разработанная философская система, которая резко понижает представление человека о себе самом. Согласно Марксу — человек, это главным образом чрево, которое надо постоянно наполнять. Преобладающие интересы человека лежат в экономической сфере; он производит предметы для своих нужд, вступая с этой целью в определенные отношения с другими людьми. Это — основа общества, которую Маркс называет базисом.

Супружество, любовь, искусство, науки, религия, философия — все, не имеющее отношения к потребностям желудка, является надстройкой, и в конечном счете определяется состоянием желудка.

Не удивительно, что Маркс был сильно обрадован книгой Дарвина, которая была, по его мнению, еще одним ударом, заставляющим человека забыть о своем божественном происхождении и высшем предназначении. Дарвин сказал, что человек произошел от обезьяны и не имеет другой цели, кроме как только выжить.

Чтобы сделать картину более полной, скажем еще несколько слов о Моисее Гессе — человеке, обратившем Маркса и Энгельса в социализм. В Израиле есть гробница, на которой можно прочесть следующие слова: «Моисей Гесс — основатель германской социал-демократической партии».

В своем «Красном катехизисе» для немецкого народа Гесс писал: «Что черно? Черно духовенство. Это богословы — худшие аристократы... Поп учит князей порабощать людей во имя Божие... И главным образом, он обеспечивает себе, с Божьей помощью, привольную жизнь на земле, тогда как людям рекомендуется ждать ее на небе...»

Такова была религия Гесса, когда он впервые опубликовал свой Катехизис. Во втором издании было добавлено несколько глав. На сей раз та же самая «религия» — то есть социалистическая революция — пользуется языком христиан, для того, чтобы заручиться доверием верующих. Теперь можно прочесть, наряду с пропагандой революции, несколько добрых слов о христианстве, как о религии любви и гуманизма. Но ее необходимо истолковать: ее ад не должен быть на земле, а ее небо — за пределами земли. Социалистическое общество будет главным истинным осуществлением христианства. Так сатана принял вид ангела света.

Гесс, основатель современного социализма, основал также и совершенно другое движение, специфический вид сионизма.

Я — сам сионист. Государство Израиль принадлежит евреям по божественному праву. Бог — Творец мира — неоднократно говорил через пророков, что Он дал землю Палестины евреям. Это не значит, что я

подписываюсь под всем, что все сионисты когда-либо думали.

Я — христианин. Это не значит, что я одобряю все, о чем христиане учат и что они делают. Это было бы невозможно, потому что христиане разделены и часто учат противоположным вещам. То же самое можно сказать и о сионистах. Есть разные течения в сионизме. Существует социалистический сионизм, религиозный сионизм иудейский, сионизм евреев-христиан, мирный сионизм, агрессивный сионизм. Был даже преступный террористический сионизм (например, группа Штерна, которая погубила многих невинных людей).

В христианстве есть то, что от Бога, но и то, что внесено самими людьми; есть и инфильтрации дьявола. Иисус Сам сказал об одном из Своих учеников, что он — дьявол.

Сионизм — это тоже смесь. Помимо того, что он являет собой исполнение божественного плана, это вместе с тем и человеческое движение со всеми наклонностями к человеческим грехам и слабостям. Была попытка создать сатанинский вид сионизма. К счастью, она не удалась. Сионизм был оздоровлен Герцлем. В его современном виде не осталось ни следа сатанизма.

Гесс, основатель современного социализма,— социализма, который должен был прогнать Бога с неба — был также основателем дьявольского типа сионизма, который должен был разрушить благочестивый сионизм любви, понимания и согласия с окружающими странами.

Он, учивший Маркса важности классовой борьбы, написал в 1862 году следующие удивительные слова: «Прежде всего — расовая борьба, борьба классов — второстепенна». Он зажег огонь классовой борьбы, огонь, который с тех пор не угасает, вместо того, чтобы учить общественные классы сотрудничать во имя общего блага. Тот же Гесс создает затем искаженный вид сионизма: сионизм расовой борьбы, навязывающий борьбу с теми, кто не принадлежит к еврейской расе. Точно так же, как мы отвергаем сатанинский марксизм, каждый, обладающий чувством ответственности еврей или христианин должен отвергнуть это дьявольское извращение сионизма.

Гесс претендует на Иерусалим для евреев, но без Иисуса — Царя иудейского. Что ему до Иисуса? Он пишет: «Каждый еврей имеет в себе задатки Мессии, каждая еврейка — задатки Скорбящей Богоматери». Почему, в таком случае, он не сделал из еврея Маркса мессию, богоизбранного человека — вместо злобного стремления прогнать Бога с небес? Для Гесса Иисус — это «еврей, которого язычники обоготворили, как своего спасителя». Ни он, ни евреи не нуждаются в Нем для самих себя.

Гесс не желает быть спасенным, и стремление к личной святости в человеке называет индогерманским. Целью евреев, по его мнению, должно быть «мессианское государство», «переделка мира согласно божественному плану». Это значит: исходя из «Красного катехизиса» произвести социалистическую революцию, используя для этого расовую и классовую борьбу.

Гесс преподал Марксу социализм, прочно связанный с интернационализмом. Маркс пишет в «Коммунистическом манифесте», что у пролетариата нет отечества. В своем «Красном катехизисе» Гесс насмехается над немецкими представлениями о родине. Он сделал бы то же самое с патриотическими чувствами у любого другого европейского народа. Гесс критиковал Эрфуртскую программу социал-демократической партии за ее безоговорочное признание национального принципа. Но Гесс — интернационалист особого рода. Еврейский патриотизм должен оставаться. Он пишет: «Всякий, кто отрицает еврейский национализм — не только отступник, изменник в религиозном смысле, но и предатель своего народа и своей семьи. Если окажется, что эмансипация евреев несовместима с еврейским национализмом, то еврей должен пожертвовать эмансипацией». «Каждый еврей должен быть прежде всего — еврейским патриотом...»

Я согласен с патриотическими идеями Гесса постольку, поскольку, что хорошо для одного, должно быть хорошо и для другого. Я за всякий патриотизм вообще, будь то у евреев, арабов, немцев, французов, американцев. Патриотизм — добродетель, если он означает стремление улучшить благосостояние своего народа в экономическом, политическом, духовном и религиозном отношениях — при условии, что это происходит в дружбе и сотрудничестве с другими народами.

Но еврейский патриотизм социалиста-революционера, отрицающего патриотизм у всех других народов, очень подозрителен. Он кажется мне дьявольским планом, заставляющим все народы ненавидеть евреев. Если бы я был не евреем и видел, что евреи принимают безумный, односторонний патриотизм по плану Гесса, я бы воспротивился ему тоже. К счастью, никто из евреев не принял этот сатанинский план.

Расовая борьба, предложенная Гессом,— ложь, как ложна и классовая борьба, которую он пропагандировал.

Но Гесс не оставил социализм ради этого специфического вида сионизма. Написав «Рим и Иерусалим», он продолжал принимать активное участие в мировом социалистическом движении.

Он не выражает свои мысли достаточно ясно, и потому их трудно оценить. Достаточно знать, что по его мнению «христианский мир видит в Иисусе еврейского святого, ставшего язычником». Достаточно для нас прочитать в его книге такие слова: «Сегодня мы стремимся к гораздо более полному спасению, чем то, которое когда-либо могло предложить христианство». Мы помним из «Красного катехизиса», что это исчерпывающее спасение — социалистическая революция.

Это длинное отступление о Гессе было необходимо, ибо, не познакомившись с ним, Маркс останется непонятым до конца, так как именно Гесс подвел Маркса к социализму.

Вспомним уже приводившиеся слова Маркса из его эпиграммы на Гегеля: «Слова, которые я учу, смешались в дьявольскую смесь. Так что каждый может думать, что ему угодно!»

Так писал Маркс. Сочинения Гесса — еще более запутанная дьявольская смесь, в которой трудно разобраться, но которую мы должны, тем не менее, проанализировать — чтобы оценить возможную связь между Марксом и сатанизмом.

Гесс был евреем и предшественником сионизма. Поскольку Гесс, Маркс и подобные им были еврейского происхождения, некоторые люди считают коммунизм еврейским заговором. При этом забывается, что Маркс написал антиеврейскую книгу. И в этом он просто следовал примеру Гесса. Этот «сионист», превозносящий евреев до небес, писал в статье «О сущности денег», что «евреи, которые в естественной истории мира общественного животного должны были сыграть свою роль по превращению человечества в дикого зверя, исполнили это как профессиональную работу. Тайна иудаизма и христианства раскрылась в современном иудео-христианине. Тайна крови Христовой, как и тайна древнееврейского поклонения крови, обнаруживается здесь неприкрытой, как тайна первобытного зверя».

Не смущайтесь, если вы не понимаете полностью этих слов. Они записаны намеренно в виде «дьявольской смеси», но в них нетрудно распознать явную ненависть к евреям. Гесс в одно и то же время расист еврейский и антиеврейский — в зависимости от потребностей духа, которого он называет «святым», и который вдохновлял его труды.

Гитлер мог бы поучиться расизму у Гесса. Гесс, учивший Маркса, что определяющим фактором является принадлежность к общественному классу, писал и противоположное: «Жизнь — это непосредственный продукт расы» («Рим и Иерусалим»). Общественные учреждения и понятия, равно как и религия, являются типичными и первоначальными творениями расы. Расовая проблема лежит в основе всех проблем национальностей и свободы. «Все прошлое было непрерывной борьбой между классами и расами. Расовая борьба изначальна, классовая борьба — второстепенна» (там же).

Каким же образом смогут восторжествовать эти противоречивые идеи Гесса? «Я обращу меч против всех тех граждан, которые воспротивятся усилиям пролетариата»,— писал он Ф. Лассалю 9 декабря 1863 года. Не то же ли самое видим мы у Маркса, который уподобляет насилие повивальной бабке, извлекающей новое общество из чрева старого («Капитал»).

Так будем же помнить, что идеалом Маркса было — самому провалиться в бездну и увлечь за собой все человечество. Да не последуем мы за ним по этому гибельному пути, но пойдем во след Христа, который ведет нас горе, к вершинам света, мудрости и любви, к небу и невыразимой славе.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Том I. М., 1956, с. 415.
2. Sermon from St. Mary's, Fontana, London, 1968.
3. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Под ред. Д. Рязанова. Кн. 3. М.—Л., 1927, с. 298.
4. Там же, с. 298—299.
5. Там же, с. 296.
6. См. «Капитал», часть I, раздел IV.
7. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 3, с. 302.
8. K. Marx. Collected Works, vol. I New York, International Publs., 1974.
9. См. в кн.: О. Корню. К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность. Перевод с немецкого. М., изд-во Иностранной Литературы. Т. 1, 1959, с. 108.
10. Robert Payne. Marx. W. H. Allen, London, 1968, p.p. 69, 73.
11. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, с. 12.
12. Там же, с. 21.
13. E. Marx. Der Mohr und der General Erinnerungen an Marx und Engels. Berlin, Dietz Verlag, 1964.
14. Цитировано в предисловии Т. Ойзермана к кн.: О. Корню. К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность. Т. 1, М., 1959, с. 29.
15. Marx—Engels. Historisch—Kritische Gesamtausgabe. Hrsg. von David Rjazanov. Marx—Engels—Verlagsgesellschaft. Berlin, 1929. Abt. I, Band I, Halbband I. Seiten 261, bis 263.
16. Gespräche mit Marx und Engels. Unsel—Verlag, Frankfurt/M., 1973, S. 17.
17. Iames Hastings. Encyc Lopaedia of Religion and Ethics. New York, Charles Scribner's Sons. 1921.
18. M. Bakunine. Oeuvres P. V. Stock, Paris, 1985. Vol. I, p. 270.
19. Gespräche mit Marx und Engels; S. 407.

20. D. Mclellan. Marx before Marxism. Harper and Row, 1970
21. Там же.
22. A. Künzli. Karl Marx: eine Psychographie. Europa Verlag, Zürich, 1966
23. D. Rjazanov. K. Marx als Denker, Mensch und Revolutionär. Vertag für Literatur und Politik, Wien, 1928
24. Engels „Der Triumph des Glaubens". In: Marx—Engels. Historisch—Kritische Gesamtausgabe. Berlin, 1930, Abt. 1, Bd. 2. S. 268—269
25. Marx—Engels, historich—kritische vollständige Ausgabe, M. E. Verlagsgesellschaft, Frankfurt/M., 1927, Bd. I, 1
26. Moses Hess. Ausgewählte Werke. Ioseph Melzer, Köln, 1962
27. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20. С. 347
28. Marx—Engels Gesamtausgabe, Berlin, 1930, Abt. 1, Bd. 2. Частично переведено в кн.: О. Корню. К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность. Т. 1, с. 129 (примечание).
29. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. С. 464—465
30. R. Bauer. Genie und Rechtum. Bertelsmann, Gütersloh und Wen. 1971
31. К. Маркс о России. Канада, изд-во «Заря», 1972. С. 51 и сл.
32. Цит. в New York Times, 25, Iune, 1963
33. The Life of Eleanor Marx, by Chiushicki Tsuzuki, Clarendon-Press, Oxforol, 1967.
34. Цит. в „The Prince of Darkness" by F. Tatford.
35. S. M. Riis. Karl Marx, Master of Fraund. Speller, N. Y. 1962.
36. Marx und Engels. Vollständige Werke. Ost-Berlin, 1967—1974. Zusatzband I, S. 654
37. F. Mehring. Karl Marx. Dietz—Verlag, Berlin, 1964, S. 8, 10.
38. Walter A. Kaufman. Hegel. Doubledax, Garden City, New York, 1965, p. 289.
39. Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 54, М., 1964. С. 87.
40. Douglas Hunt. Researches in the Sphere of the Occult.
41. A. Künzli. Karl Marx, eine Psyhographie, S. 341—389.
42. Fritz I. Raddatz. Karl Marx. Hoffmann und Campe, Hamburg, 1975, S. 256—344.
43. Marx, Engels. Werke. Dietz—Verlag, Berlin, 1972, Bd. 30, S. 578
44 George Katkov. The Trial of Bukharin. Stein und Day, New York, 1969
45. Mao Tze-tung, von M. Zach. Bechtle Verlag, München
46. Bertram Wolf. Three Who Made the Revolution. Dial Press. New York, 1948

Виктория Медунина

О вольных россиянах, не знавших крепостного ярма

Безусловно, открытие читателю имен великих соотечественников, как К. Леонтьев, И. Ильин, В. Соловьев, П. Флоренский, А. Солженицын — дело, что и говорить, славное.

Но наследие этих величайших, истинно русских ученых и писателей — это творчество аристократов мысли, слова, элиты.

А вот о самом-то народе, как о высочайшем творце земли нашей, все больше только радеем и оплакиваем, а о его детище — феномене казачества, без которого будет далеко не полным представление о нас же самих — или говорим не до конца, или не говорим вовсе.

«Казаки создали Россию», — повторяют за великим писателем самые храбрые из нас. Но суть казачества в ином.

Казаки не только создали Россию. Казаки, прежде всего, создали свое государство, которое просуществовало в центре Европы более 200 лет. И дальнейшее развитие нашего российского государства будет зависеть и от того, насколько честно и правдиво мы сможем оценить основы государственной жизни казачества, его демократический строй. Давайте вспомним, что именно те русские императоры, которые были ориентированы на цивилизованный Запад, искусственно навязывавшие «импортные» формы общественной жизни России — Петр I и Екатерина II — вели непримиримую борьбу с казаками, казачеством и естественными формами его жизни. Царизм боролся с сутью казачества до своих последних дней. А потом эту порочную традицию, к сожалению, продолжила Добровольческая армия А. И. Деникина, кормившаяся кубанским хлебом и состоявшая почти вся из казачьих частей. Она пыталась с помощью «Особого совещания» покончить с тем, что ими называлось «кубанской самостийностью», что и погубило в конечном счете все Белое движение.

Возвращаясь к давней истории, вспомним, что по приказу Петра I была вырезана войсками А. Меншикова вся от мала до велика гетманская столица Батурин.

По приказу Екатерины II генерал Текелли пытался захватить и разрушить Запорожскую Сечь. Казаки не хотели проливать кровь единоверных братьев и оставили свой Кош без боя в 1775 году. А через 14 лет, в 1789 году, этот заморский сатрап императрицы уничтожит население 300 аулов мирных адыгейцев. И это также было сделано по приказу Екатерины II, бывшей немецкой принцессы Софьи Фредерики Августы, захватившей русский престол путем убийства своего мужа царя Петра III.

Организованное императрицей переселение казаков на Кубань, лишенных испоконвечных своих земель, преследовало несколько целей, среди них наиважнейшими были меры, направленные на фактическое вымирание казачьей вольницы. Во-первых, Черномория была местом непрерывных военных действий. При колонизации этой территории погибала 1/6 часть переселенцев. Страшным бичом была малярия, или, по-казачьи, «корчий». Кубань называли Южной Сибирью.

Но имперская власть хорошо знала, что такое казачество. И поэтому стремилась, прежде всего, разрушить до основания институты казачества. Так первый Черноморский атаман стал последним выборным атаманом. «Порядком общей пользы» уже через два года после образования войска, в 1794 году, упраздняется Войсковая Рада и выборность трех главных лиц войска: атамана, войскового судьи и войскового писаря. Рядовой казак из свободного гражданина превратился в военную служебную единицу. Результатом этого было вспыхнувшее восстание казачьей сиромы, так называемый «Персидский бунт» 1797 года.

Поэтапно пытался царизм изменить суть казачества, его любовь к воле. Причем делалось это разными способами. Например, из письма кубанского писателя 70—80-х годов XIX века Василия Семеновича Мовы-Лиманского к своему университетскому другу В. С. Гнилосирову, хранителю могилы Т. Г. Шевченко в Каневе, узнаем следующее. Оказывается, в начале 70-х годов XIX века продолжа-

лось целенаправленное выселение казаков из Екатеринодара на хутора и в станицы, а на их место поселялись иногородние, которые в других местах России никогда бы не нашли себе места.

Несмотря на все «профилактические» меры правительства по деформации жизни казачества и погружение Кубани в моральную спячку, наши казаки продолжали жить. Продолжали писать (Я. Кухаренко, В. С. Мова-Лиманский), создавать научные труды (П. Короленко, И. Попка, Е. Фелицын, Ф. Щербина), собирать уникальную коллекцию живописи (Ф. Коваленко).

Благодаря усилиям Ф. А. Щербины, выдающегося отечественного ученого и общественного деятеля, в 1906 году на Кубани была избрана Кубанская Рада, положившая основу для возникновения и государственного оформления в 1917 году после Февральской революции Кубанской республики, просуществовавшей до 1920 года.

Когда знакомишься с наследием наших так называемых провинциальных ученых, таких, как Е. Д. Фелицын или Ф. А. Щербина — становится невыносимо стыдно. Стыдно от того, что забыли и предали забвению их имена и их могилы. Стыдно от того невероятного, фантастического, непостижимого количества их трудов на благо Отечества, на благо нашей святой многострадальной Родины, проделанных ими бескорыстно, без ссылки на неблагоприятные общественные обстоятельства.

Простите нас!

И вместе со словами покаяния во имя воскрешения подлинных основ народной жизни и народной государственности нам сегодня, в преддверии двухсотлетия со дня основания города, нужно поставить вопрос о возвращении Краснодару его исторического имени, как и старейшей улице города Ставропольской пора перестать быть улицей К. Либкнехта (Ставропольская — это часть исторического Ставропольского шляха из Ростова-на-Дону на Минеральные Воды, а пламенный немецкий революционер Карл Либкнехт никогда в Екатеринодаре не бывал). Пора и картинной галерее вернуть ее подлинное имя — имя ее основателя — Федора Коваленко. А может быть, целесообразно в честь памятных приближающихся дат и в память о жизни и службе Отечеству наших кубанских казаков начать сбор средств на восстановление памятника в честь столетия основания города.

Его восстановление могло бы стать символом возрождающегося казачьего народа. Ведь к октябрю 1917 года в России было 13 казачьих войск: Донское, Кубанское, Оренбургское, Забайкальское, Терское, Сибирское, Уральское, Амурское, Семиреченское, Астраханское, Уссурийское, Енисейское, Иркутское, а также Якутский казачий полк. Казачество насчитывало более 4,4 миллиона человек, ему принадлежало 65 миллионов десятин земли (История гражданской войны и военной интервенции в СССР — с. 247).

И сегодня, воссоздавая казачьи землячества, громады, надо обратить особое внимание, прежде всего, на изучение социальных институтов этого уникального явления национальной жизни. Погрузиться в этот мир, почти не знаемый, но интуитивно понятный и желанный, помогают работы Федора Андреевича Щербины. Одной из них и является «Казачья земельная идеология», прочитанная в виде лекции в Обществе кубанцев в Праге. Предлагаемое — часть работы.

Публикация работы — это возможность уяснить особенности и универсальность казачьей организации. И более того — один из первых шагов к возвращению на родину имени великого труженика, великого патриота, великого сына Отечества — Федора Андреевича Щербины, вынужденного встретить свой смертный час на чужбине с надеждой и верой на наше Воснресение.

Федор Щербина

КАЗАЧЬЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Быть может, вам покажется несколько страниым взятая мною для настоящей лекции тема: «Казачья земельная идеология».

Какая там, могут сказать мне, земельная идеология у казаков и чем она лучше или отличается от идеологий по земельному вопросу вообще у трудового народа? По своей сущности земельный вопрос ясен, как Божий день: земля должна принадлежать трудовому народу — и вся тут баста! Со своей стороны могу добавить для устранения этого возражения, что с митинговой стороны земельный вопрос разработан артистически, так что и возражать против него просто запрещается законами митингового словоговорения. Мне невольно припоминается здесь случай, когда, в блаженное время митинговых увлечений, я пытался было осветить земельный вопрос с точки зрения народной идеологии и когда мне просто не позволяли говорить. Целая вереница горячих ораторов в самых звонких возражениях заговорила, как это я, старый человек, не понимаю простых и ясных вещей: есть земля и есть трудовой народ, и земля должна принадлежать трудовому народу. Что лучше? Отдайте землю трудовому народу — и народ успокоится, и все порядки сами по себе приложатся.

Конечно, против самого принципа о принадлежности земли трудовому народу ничего нельзя сказать ни с научной точки зрения, ни в силу логики.

И тем не менее, несмотря на всю простоту и ясность этого принципа, собственно в казачьей земельной идеологии можно найти много ценного и показательного как в научном отношении, так и в целях уяснения переживаемых нашею родной Кубанью исторических событий. Особенно важно нам это последнее.

Я подчеркиваю это, чтобы в свою очередь поставить ряд других наводящих вопросов. Почему это все: и народ, и его благодетели, и его враги — выделяли и выделяют казаков в особое, так сказать, разветвление с яркой печатью народной или демократической марки? Почему сам народ всегда, на протяжении всей истории, так высоко ценил казаков и упорно стремился к осуществлению казачьих порядков? Почему лучшие, самые активные его вожаки и рядовые деятели тянулись в казачье гнездо, как в обетованный рай? Очевидно, было же что-нибудь обаятельное в казачестве, что направляло народные влечения и тяготение к казачьим установлениям и порядкам, было то, на чем строили казаки свою жизнь и чего не было у народа.

Да, были причины этого тяготения и есть. Я взял и темой настоящей лекции казачью земельную идеологию и главным образом потому, чтобы осветить процессы и явления, имеющие ближайшее отношение к нашей родной Кубани, именно с этой стороны мне хотелось, чтобы вы вдумались в то, на чем я остановлю ваше внимание, чтобы вы сами процессом собственного своего мышления осязали, так сказать, вопросы родной действительности, чтобы ваша собственная кубанская мысль не останавливалась на полдороге, убаюканная ходячими фразами и представлениями, из какого бы источника они ни исходили.

Подводить казачью земельную идеологию под общий шаблон ходячих фраз было бы ошибочно, а для казака и непростительно. Ибо рассматривать казачью земельную идеологию, как она сложилась исторически и назрела в своем развитии, ни в коем случае нельзя в зависимости от неказачьих, хотя бы и величайших, мировых событий. Поясню это примером. Была революция, охватившая и нашу Кубань, и земельный вопрос выявился в определенных формах. Были и другие революции — Великая французская, ряд революций 1848 года и пр. Но если бы я сказал, что кубанский земельный вопрос находился в какой-либо связи или зависимости от Великой французской революции, то я следовал бы тому причудливому силлогизму, который гласит: «На дворе дождь, следоаательно, в углу палка стоит».

А если бы я по неосторожности или необдуманности стал проводить аналогию между идеологией французского народа времен Великой французской революции и казачьей идеологией, то тогда, разумеется, я не уехал бы дальше общих мест и пустых фраз. Ибо в этой области, сколько мне известно, никто и ничего не сделал еще.

Более того. Можно сказать, что ку-

банский земельный вопрос в той форме, какую он принял в зависимости от кубанской земельной идеологии, ни в коем случае не породила происшедшая в России революция. Революция могла только чем-либо способствовать или, ограничась фигурально, быть благоприятною сезонною погодою для сбора урожая, семена которого были посеяны, росли и развивались далеко-далеко раньше появления на свет Божий революции.

Сказать поэтому, что казачья земельная идеология и земельная идеология всего русского народа единосуть можно лишь или под влиянием каких-нибудь партийных, гнетущих свободное непартийное мышление, побуждений, или же в силу идеологии о едином русском народе, который, как показали и показывают события, представляет не что иное, как классический дедушки Крылова пример лебедя, щуки и рака, так единодушно тянувших в разные стороны воз, что в нем и оси поломались, и колеса разлетелись в разные стороны, и лебедь, рак и щука далеко от воза были отброшены.

Таким образом, в данном случае факты, а не слово и логика событий, не пренебрежение к ним требуют не стилистических сопоставлений кубанского земельного вопроса с революционными течениями, а той историко-революционной подкладки, на которой сложился в конечном результате этот вопрос. Иначе, если мы скажем, что кубанская земельная идеология и народная идеология единая и неделимая в России, одно и то же — тем самым мы обнаружим не только незнание или непонимание особенностей родного края, но и косвенно дадим повод для того, чтобы незаметно замазать и затушевать то здоровое и творческое течение, которое проявила Кубань. Мы обойдем молчанием или отодвинем на задворки идею этих жизненных процессов широкого социального движения, на которых выросли ростки мощной областной автономии Кубани, превратившейся силой исторического сплетения событий в ужасную, выражаясь современным жупелоподобным жаргоном, кубанскую самостийность. Повторяю, семена Кубанской земельной идеологии были посеяны далеко раньше, чем вспыхнувшая внезапно революция, и в этом отношении земельная идеология кубанских казаков имеет много общих точек соприкосновения вообще с казачьей земельной идеологией. Ей свойственны те же особенности, что и этой последней. Поищем эти особенности, есть ли они?

Вы, конечно, не раз слышали крылатый лозунг: «Земля и воля!». В этом лозунге самоотверженные люди находили многое, жертвовали своим счастьем и жизнью, влагали всю свою веру в возрождение трудового народа. Дайте народу землю, чтобы удовлетворить его насущные потребности, и обеспечьте ему в связи с этим и волю, гарантию личной свободы. Вот смысл этого лозунга. Но представьте себе, что этот лозунг не применим к казачьей земельной идеологии, сложившейся исторически в связи с основными казачьими идеалами самоорганизации. Для казачьей земельной идеологии лозунг должен быть изменен в иную форму: «Воля и земля!» Нужно только переставить слова? — могут спросить меня. — Да, нужно переставить, но дело совсем не в механической перестановке слов и вложенных в них понятий. Само собою разумеется, что и казакам, и народу нужны и воля, и земля, в каком бы порядке ни поставить эти магические слова. Суть существенных особенностей казачьей идеологии в том, что на протяжении всей казачьей истории казаки искали, прежде всего, волю, с какой целью и объединялись в казачьи организации, а земли казаки добывали сами себе, по собственной своей воле, и если государи «жаловали» казаков собственной их землей, то это был лишь казуистический прием правящей власти. Так было в первые времена возникновения казачества.

Вот то существенное отличие казачьей земельной идеологии, от которой, в порядке генезиса и первоначального образования идеологии, оставались следы в истории.

Первый по времени показательный пример в этом отношении дает история времен образования казачества на Украине. В ту пору в особой силе было великое княжество Литовское, в котором князья, как высшие военачальники, раздавали пустующие земли в виде так называемых служб. Княжий указ давал службы приблизительно 200 десятин на каждого из тех, кто поставлял в княжеское войско за каждую службу по одному человеку. На таких условиях службами пользовались первые казачьи организации, получая таким образом плату землей за саою организованную силу, но и на самую землю, как плату за службу, казаки смотрели со своей особой точки зренив. Земля в виде «службы» нужна была им при тогдашних военных условиях главным образом как пристанище для семей и негодного к военной службе казачьего населения. Казаки только отчасти пользовались ею и ежегодно временно покидали свои литовские земли и уходили за пределы литовского княжества и прилагали там свой труд к вольным землям и на воде, и на суше, добывая добычу в виде рыбы, соли, зверей и, наверное, с некоторой долей из других небезгрешных источников. Однако, и на эту добычу литовские князья налагали налогн. Казаки платили их, добывая главные материальные средства, где они могли это делать, по своей воле организованною силою.

Помимо литовского княжества украинские казаки отправлялись также из разных мест тогдашней Украины на низы организованными военными дружинами с целями добычи. Это, однако, не удовлетворяло их аппетитов в воле. Они уже прекрасно понимали значение организованной силы и искали возможности осуществить свои желания в более крепкой и устойчивой организации, которая обеспечила бы им в полной мере казачью волю. И вот, когда на исторической сцене казачества появилась знаменитая фигура Байды, первого батька-атамана Запорожского казачества, князя Вишневецкого, и когда, под главенством этого выдающегося по своему уму и способностям не рядового ватажка, а государственно настроенного деятеля, образовалась на низовьях Днепра Запорожская Сичь, украинские казаки добыли в тот момент полную казачью волю, а пустующая земля сама собой попала в руки этой сильной военной организации. Тот же Байда, по свидетельству историка Рисельмака, жившего в старину у донских казаков, образовал и другую казачью Сичь на низах Дона.

И на Днепре, и на Дону казачья земельная идеология сложилась по одной и той же формуле «воля и земля». Казаки добыли сначала волю, организовавшись в самостоятельные и независимые военные дружины, и беспрепятственно осели на военных землях по своей доброй воле.

Собственно в Запорожской Сичи на Днепре сложилась и та оригинальная земельная казачья идеология, которая в существенных чертах свойственна разным казачьим войскам и суть которой сводится к двум основным началам — в принадлежности занятых казаками земель всему казачьему войску и в казачьих демократических, связанных с первым началом, порядках землепользования.

В ряде Запорожских Сичей, существовавших на Днепре до 1775 года, когда была разрушена эта последняя Запорожская Сичь русскими войсками, окончательно сложилась и та казачья земельная идеология, которая унесена была на Кубань запорожскими казаками возобновленного Запорожского или, как тогда названо оно было, Черноморского войска.

По внутреннему своему строению земельной идеологии сичевым казакам свойственны были следующие основные черты:

1) земли принадлежали всему Запорожскому войску на суверенном праве;

2) в силу этого равноправное пользование сичевою землею распространялось на одних казаков, входивших в боевой состав войска;

3) основное семейное население, члены которого, годные к военной службе, не несли этой службы, пользовалось земельными угодьями как «подданство», зависимое от войска население;

4) способы распределения земли для пользования велись в одном и том же порядке равномерной разверстки земельных угодий по жребию;

5) но при самом процессе дележа земли и рыболовных угодий ежегодно на новый год «клали лясы», т. е. «бросали жребий», сначала на лучшие земли и угодия для куреней, или «сиромы», рядовых и большей частью беднейших казаков, составлявших, однако, основную силу войска; затем по очереди следовали старшина — кошевой атаман, войсковой судья, войсковой писарь, есаул, как почетные лица, несшие ответственную службу; остальные земли и угодья распределялись также по жребию между «подданством», населением, жившим в разных местах сичевой территории по паланкам или округам, на которые делилась войсковая территория.

Запорожская территория в целом имела свои определенные границы, которыми тщательно ограничивала себя от соседей. В пределах этих границ запорожцы считали себя полными хозяевами сичевых владений. Имели перевозы, как пограничные пункты, и таможенные заставы, взимали пошлины с провозимых товаров, а на не принадлежавших к составу запорожских лиц, попавших на Сичь, смотрели как на иностранцев. В важных случаях, как, например, при проезде по запорожской территории послаицев от соседних государств, этих почетных особ сопровождал по своей паланке паланочный полковник со знаком власти в руках — с перначем. Одним словом, запорожцы всячески старались придать своим землям характер войсковой неприкосновенной собственности и особенно энергично и ревностно отстаивали свои права на землю; при нарушении границ соседями опирались на тот аргумент, что оспариваемые земли принадлежат не какому-либо лицу, а целому Запорожскому войску.

Таким образом, в основе земельной идеологии запорожцев лежало чисто государственное начало. Свободная пустующая в пределах Запорожья земля была не «Божьей» или «ничьей», как понимали в те времена свои права на такие земли мирные землепашцы или скотоводы, а неприкосновенным достоянием сичевой общины. Им владело и распоряжалось все войско. Поэтому не только бывшими в хозяйственном обороте угодьями, но и пустующими землями в Запорожье можно было пользоваться, но не владеть. Само пользование на важнейшие, наиболее ценные угодья было ограничено коротким годичным сроком и ежегодно закреплялось на сборах всех полноправных казаков — на Войсковой Раде.

Само собой разумеется, что эта оригинальная земельная идеология, сложившаяся у запорожских казаков, находилась в самой тесной связи и зависимости от тех целей, какие преследовала Запорожская Сичь, как самостоятельная и строгая демократическая организация.

Земля и земельные угодья в Запорожье, как и всюду, были основою существования и отдельных лиц, и целой огромной и сильной организации, и запорожцы сумели провести и согласовать строго демократические порядки землепользования с государственым началом, как гарантией неприкосновенности этих подрядчиков. Все это полностью и отразилось на земельной идеологии запорожских казаков. Любой запорожец, начиная со всеми уважаемого кошевого атамана или войскового судьи и оканчивая рядовым сичевиком или беднейшим сиромахой, горою стоял за эти демократические порядки и, главное, жил ими и осуществлял в действительности, на деле.

Ничего подобного не было у народа — у мирных землепашцев, скотоводов, рыболовов и охотников тех государств, из населения которых формировались и пополнялись ряды запорожцев.

Нет сомнения, что и народ этих государств был по самой своей природе глубоко демократичен и стремился к демократизации землевладения и землепользования, но, во-первых, он не мог полностью осуществить своих чаяний и задач, а, во-вторых, тем или иным путем и преследовал иные, чем запорожцы, цели. В то время когда существовала Запорожская Сичь, народ всюду — и в Польше, и в Литве, и в Москве, и на Украине — был «подданством», но не таким «подданством», какое существовало в Запорожье, а форменным данником князей и государей, проходя в разное время и в разных государствах все стадии зависимости и неполноправия и тяглого элемента, и прикрепленного к земле хлебороба, и бесправного крепостного данника и вообще зависимого и рабски принужденного населения. По этим причинам он не мог понять полностью или даже так, как ему желало бы осуществлять своих чаяний и задач по землевладению и землепользованию.

Но и помимо этого, народ преследовал в земельной области иные цели, чем казаки. Он стремился прежде всего найти свободные или пустующие земли и осесть на них, жертвуя сплошь и рядом своею волею в пользу земли, почему и прошел все инстанции зависимости вплоть до крепостничества. Но, главное, народ не стремился к той систематически организованной борьбе за землю и за свои права на нее, которая бы дала ему право на владение и распоряжение землей. Этим отличались народные цели и народный путь от казачьих целей и казачьего пути.

Выходит, следовательно, что народ предварительно проводил в своей напряженной деятельности только ту часть крылатого лозунга, которая соответствовала понятию «земля». Он начинал с того, чем казаки кончали. По этой причине народным тенденциям в такой форме не доставало государственной стихии, тех стимулирующих этических начал, при наличии которых всегда и всюду слагались самые сильные государства с демократическою окраскою. Государственность была в руках не народа, а тех верхов и властей, которые держали его в понятии «подданства» и заправляли им.

Единственною формою если не государственного строительства, то перемен, к которым прибегал в этом отношении народ,— восстания и бунты. Но бунты и восстания были хотя и наиболее показательными вспышками народного гнева, ярко освещавшими положение народа и его чаяния, однако, не систематически организованными актами в смысле государственного строительства.

Само собою также разумеется, что земельная идеология запорожцев могла существовать в своем первоначальном чистом виде до тех пор, пока существовало само Запорожье. Имея своими соседями вполне уже устоявшиеся государства — Турцию, Польшу и Москву — и меняя несколько раз свое местопребывание, Запорожская Сичь в течение около 250 лет находилась, что называется, между трех огней. Можно лишь удивляться ее необычайной живучести в этом положении. Но потому, быть может, запорожцы и дали такую крепкую образцовую земельную идеологию в демократическом духе, что она выкована могучим духом запорожцев в горниле крутых и суровых, воспитывающих здоровое понимание, обстоятельствах.

Запорожье, как территориальная демократическая организация, умерло в 1775 году, но его земельная идеология жива в других казачьих войсках, а самые запорожцы унесли эту идеологию через несколько лет после разрушения Сичи сначала на Буг, а отсюда потом на Кубань. Если бы даже не произошло этих исторических передвижений Запорожского войска, то вложенный запорожцами в казачью земельную идеологию принцип о том, что земля, занятая единою, демократически спаянною организацией, должна быть коллективной собственностью той же неразрывно связанной с ней организации. Принцип в таком виде казаки всюду удержали в своей идеологии до наших дней. Изменившиеся исторические условия, поставившие казачьи войска в зависимость от сильной централистической власти самодержавного царизма, не смогли, однако, вытравить этого принципа из казачьих воззрений на землю. Лишенный суверенной окраски, приданной ему запорожцами, он превратился в институт казачьей войсковой земельной собственности, отождествляемый в просторечии с более общим и широким понятием «казачьи земли», как территориальная единица.

Государственный архив Краснодарского края, фонд 764, опись 1, ед. хр. 85.

Владимир Тростников

МЫСЛИ О ЛЮБВИ

Главная черта нашего времени — небывалый темп изменения всех сторон личной и общественной жизни.

Стремительно развивается техника. Постоянно меняется значение различных факторов окружающей действительности. То и дело мы видим перед собой новую картину будущего. Но на фоне этой всеобщей текучести и подвижности загадочным контрастом выделяется нечто застывшее — наше мировоззрение. Оно остановилось на том пункте, которого достигло два-три столетия тому назад, и с тех пор подвергается разве лишь мелким починкам и доделкам, но никак не перестройке.

А его здание давно стало аварийным и непригодным для обитания нашего духа. Пришедшее к нам из восемнадцатого века, это мировоззрение проявляет сейчас внутреннюю противоречивость, логическую неполноту и несоответствие фактам. Оно бессильно вместить в себя данные, добытые современной наукой, и не может служить нам компасом для выбора целей и образа действий. Мы чувствуем это и не используем его в близких нашему сердцу делах — например, в личной оценке событий. Тем не менее, мы продолжаем официально провозглашать его последним достижением человеческой мысли, венцом многовекового развития познания. Наша картина мира не нравится нам, но это не заставляет нас подвергнуть ее сомнению. Мы говорим: что делать, мир так устроен! Мы ленимся искать нечто более правильное. Худо-бедно, но мы все-таки живем с этим мировоззрением, и надеемся, что проживем с ним и впредь.

А ведь мы играем с огнем! Ускоряющееся изменение условий нашего существования и предъявляемых к нам требований в любой момент может выявить несостоятельность нашей философской платформы. Сидя на хромой лошади, нельзя быть готовым к решительным действиям. А наша философия не только хрома, но еще и слепа на один глаз — на тот, который обращен к духовным явлениям.

Двести или триста лет назад нам запретили смотреть на эти явления как на нечто реальное и потребовали замечать только то, что улавливается внешними рецепторами наших органов чувств. В результате этого запрета огромная часть Бытия оказалась за чертой нашего внимания. И это как раз та часть, которая в настоящий момент для нас важнее всего на свете!

Чтобы снова увидеть эту забытую нами половину Сущего, не нужно обладать особой зоркостью. Она всегда перед нами. Нужно только понять нелепость наложенного на наше мышление запрета. Нужно спросить себя: чем показания органов чувств предпочтительнее показаний внутренних органов души о процессах, происходящих в ней при отключенных внешних чувствах? Ведь показания второго типа так же определенны, сильны и узнаваемы, как и первые.

Дискриминация по отношению к одному из двух источников знания о мире, имеющихся в нашем распоряжении, и привела к появлению ущербной, однобокой философии. Она способна сделать логический вывод об объективном существовании того, что возбуждает наши сенсорные каналы, но категорически отрицает объективную, то есть находящуюся вне нас, реальность, которая, если следовать той же самой логике, должна стоять за мощным потоком спонтанных психических явлений, часто сотрясающих нас куда сильнее любого чувственного сигнала.

Не надоело ли нам повторять сентенции, придуманные в эпоху самодовольного овладения людьми материальным миром? Не самое ли время сейчас, когда стало ясно, что материальное могущество ничего нам не дало, оставить устаревшие лозунги и заново серьезно задуматься над проблемами Бытия и своего места в нем? А то, как бы не было поздно!

В первую очередь мы должны устранить однобокость нашего взгляда на мир и понять, что, подобно тому, как за сигналами органов чувств стоит онтологически существующая данность, называемая материей, так за внутренними сигналами нашей души стоит онтологически существующая данность другого рода, которая дополняет первую и частично с ней пересекается, но в любом случае является такой данностью, без которой не было бы не только человека, но и Вселенной.

Этот вывод всегда был самоочевиден. Но в наш дикий век он многим кажется странным, поэтому его недостаточно сформулировать, а надо обосновать и извлечь из него нужные для жизни следствия. Данная работа представляет собой попытку сделать это.

Автор стоял перед необходимостью с

чего-то начать, выбрать для исследования такое внутреннее явление, которое всем нам было бы хорошо известно и которое смогло бы помочь нам приоткрыть дверцу в ту половину Бытия, которая три столетия назад была отгорожена от нас. В качестве такого явления была избрана любовь.

Более двух тысяч лет назад Аристотель писал: «Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы». Этот завет в течение нескольких последних столетий представлял собой заброшенное оружие и, казалось бы, должен был заржаветь. Но он оказался необычайно свежим и действенным.

Испытав его силу, так же невозможно вернуться к «естественно-научному методу», задергивающему туманом даже самые простые вещи, как после пользования стальным ножом вернуться к каменному. Хотелось бы, чтобы это ни с чем не сравнимое чувство восхождения на новый уровень духовной деятельности испытывало все большее число людей.

Глава I

МНЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ НАУКИ

Фрейд — мой личный враг,— с торжественной медлительностью произнесла Анна Андреевна.— Ненавижу все. И все ложь.

Из воспоминаний Лидии Чуковской об Анне Ахматовой.

1.

Что такое любовь?

Вопрос этот покажется многим людям схоластическим. С некоторой досадой они скажут, что незачем пускаться в теоретизирование по поводу ясных вещей и искать проблемы там, где все просто. Но хотя большинство людей самоуверенно полагает, будто они понимают сущность любви, их мнения по этому поводу сильно расходятся. Это означает, что имеет смысл обдумать вопрос заново.

Однако принесет ли это какую-нибудь пользу? Если даже природа любви будет нами выяснена, то что это даст?

Все более уточняя нашу проблему, тщательно исследуя знакомые каждому душевные движения, используя наблюдения за поведением людей и логические умозаключения, мы сумеем в конце концов достичь истинного, а не иллюзорного понимания существа дела. Мы убедимся, что проблема имеет четкое решение, которое не оставит нас равнодушными, ибо оно пообещает стать ниточкой, ведущей к глубочайшим тайнам мироздания... Но до того еще далекий путь: нам предстоит уяснить много вспомогательных вещей и, создав необходимый понятийный аппарат, вывести проблему на метафизический уровень, на котором единственно можно рассчитывать найти ответы на серьезные вопросы Бытия.

Выясним, как понимают слово «любовь» взрослые люди.

Если мы применим анкетный метод выяснения мнений, то результат обследования будет примерно следующим.

Одни свяжут понятие любви с браком и прочной семьей. Другие вслед за герцогом из «Риголетто» заявят: «Где нет свободы, быть не может любви». Третьи не смогут ответить ничего вразумительного, поскольку никогда прежде не задумывались над подобными вещами. Четвертые отделаются механически запомненной когда-то фразой, вроде «любовь есть исключительное предпочтение одного индивидуума всем другим». Пятые скажут: «Чтобы понять, что такое любовь, надо ее испытать». Шестые выскажут сомнение в существовании любви, назовут ее красивой поэтической выдумкой, которая, к сожалению, в реальной жизни давно не встречается. Седьмые обратятся к примеру, взятому из художественной литературы,— скажем, провозгласят эталоном любви чувства Ромео и Джульетты. Короче, наметится вроде бы обескураживающий разнобой суждений. Однако здесь будет одна существенная деталь: разноречивые и взаимно уничтожающие друг друга мнения будут исходить от людей, так сказать, неученых. Те же, кто принадлежат к «интеллектуальной элите», проявят заслуживающее внимания единодушие и в той или иной форме выразят убеждение, что любовь есть идеальное отражение полового влечения, то есть сублимация секса.

Замечательно следующее: чем уровень образованности выше, чем разнообразнее и глубже познания человека, чем прочнее его мысль приучена к выбору в качестве опоры крупных научных авторитетов...— одним словом, чем утонченнее, культурнее, интеллигентнее этот человек, тем категоричнее он будет отстаивать ту или иную модификацию фрейдистской трактовки феномена любви.

2.

Большой соблазн заключен в избавляющем от ответственности решении довериться профессионалам, которые пишут толстые монографии и небольшие статьи о реальной подоплеке любви и на основании идей, заложенных в этих книгах и статьях, лечат людей от неврозов, получая за это не только глубокую признательность пациентов, но и значительные гонорары. Как покойно на душе у того, кто пользуется готовыми суждениями психоаналитиков! Поступи и мы так — и не нужно было бы нам, мучительно преодолевая постоянное сопротивление языковой стихии, лепить вот эти строки, ища все время самой точной мысли и самого убеждающего сочетания слов, но всегда чувствуя, что эти слова многих так и не убедят. Тогда можно было бы повторять отработанные другими фразы, вызывая неизменное уважение окружающих. Присоединяясь к такой могущественной системе, как наука, получаешь неисчислимые выгоды: она начинает защищать тебя своим авторитетом и снабжать аргументацией, против которой редко кто отважится возражать.

Однако во фрейдистской кулинарии, которой питается сейчас почти весь ученый мир (даже марксисты стали брать ее за основу, маскируя диалектико-материалистическим гарниром), есть одна не очень аппетитная деталь. Разговаривая с профессиональным психологом или просто с эрудированным интеллектуалом, для которого признаком хорошего тона является убеждение, что Зигмунд Фрейд открыл новую эру в познании внутреннего мира человека, вы замечаете удивительную вещь: ваш собеседник знает о том, что делается в вашей душе, гораздо лучше вас самих. Сначала это вызывает ваше восхищение и заставляет воскликнуть: да, великая вещь наука, она выявила во мне такие механизмы, о существовании которых я и не подозревал; благодаря свету научной истины я пойму себя лучше, чем прежде, и это облегчит мою жизнь! И вы с энтузиазмом начинаете вглядываться в себя, чтобы найти подтверждение великим положениям психоанализа. Однако подтверждений почему-то вы не находите, и тут возникает первое робкое сомнение.

Вы деликатно делитесь им с вашим собеседником, надеясь, что он быстро поможет вам увидеть в себе то, чего вы не умеете пока видеть, так как не имеете достаточной тренировки в самонаблюдении. Вы говорите ему: «Но у меня никогда не было в детстве того, что психоанализ считает обязательным для каждого человека — желания убить своего отца и жить со своей матерью; этого желания, насколько я помню, не присутствовало даже в самой зачаточной форме!»

Начитанный собеседник смотрит на вас с состраданием, какое всегда испытывает монопольный владелец истины к своему блуждающему в потемках собрату, и отвечает: «Нет, вы *испытывали* это чувство, вы просто забыли об этом».

Эта реплика сперва обескураживает вас, но затем вызывает в вашей душе первое чувство протеста. «Позвольте,— говорите вы,— но откуда же наука знает, что у меня в детстве было это чувство, если в то время меня никто о нем не спрашивал и не наблюдал за моим поведением с целью зафиксировать его, и если никаких следов этого чувства не сохранилось в моей памяти?» — Снова снисходительно улыбнувшись вашему невежеству, интеллектуал вкратце расскажет вам, с помощью какой методики были сделаны основополагающие открытия психоанализа, постоянно произнося имена Фрейда, Юнга, Адлера и других первооткрывателей, которые должны внушить каждому культурному человеку священный трепет.

Дальше может быть два продолжения. Если вы больше всего боитесь выглядеть не слишком культурным человеком, вы и в самом деле прочувствуете трепет от произнесения великих имен, и сомнения ваши рассеются. Но если вы имеете несчастье принадлежать к тем людям, которые чувствуют неискоренимую потребность доходить до всего пусть скромным, но собственным разумением; для которых желание самостоятельно убедиться в истине перевешивает даже страх перед потерей репутации образованного человека; которые во время беседы имеют привычку *думать*, а не просто запоминать научные термины, чтобы потом где-нибудь блеснуть ими, то жизнь ваша начнет осложняться. Разъяснения знающего человека только усилят ваш протест. Фрейдистская трактовка поведенческих актов маленьких детей, которых нельзя спросить об их чувствах и нужно догадываться о них по косвенным проявлениям, покажется вам чересчур произвольной, а тон, которым психоаналитики излагают свои тезисы — чересчур безапелляционным. Но надежда получить какую-либо помощь от начитанного собеседника к этому времени полностью угаснет, ибо он не сочтет далее возможным дискутировать с лицом столь непросвещенным и посоветует для начала ознакомиться по книгам хотя бы с азами психоаналитической концепции.

И вот вы беретесь за литературу. Вы начинаете с основоположников, которых современные авторы иногда упрекают за чересчур смелые высказывания, но тут же оговариваются, что это заслуживает снисхождения, ибо сила нового метода так опьяняла, что его невольно хотелось применить буквально ко всему, а кончите вы самыми современными авторами, куда более осторожными, но преисполненными такого высочайшего интеллектуализма, что по сравнению с ними Зигмунд Фрейд или Фриц Адлер кажутся неотесанными самоучками.

И вот по мере того, как объект прочитанного будет расти, начнет обретать почву под ногами и распределяться ваше чувство протеста. Когда вы разговаривали с начитанным интеллектуалом, вы основывались на одной интуиции, на том трудноуловимом ощущении, которое Лев Толстой назвал «чувством правды и красоты», но вы не имели фактов, не могли говорить уверенно, ибо боялись возвести на психоанализ какую-нибудь напраслину. Теперь же, ознакомившись с этим учением более подробно, вы убедитесь, что в нем действительно содержится плохо перевариваемый вами ингредиент — догматизм утверждений. Неожиданно для себя вы начинаете чувствовать, что вам трудно принять фрейдовскую концепцию психики примерно по той же при-

чие, по которой трудно принять какое-нибудь суеверие.

Размышляя об этом, вы вдруг почувствуете, что слово «суеверие» есть, пожалуй, нечто большее, чем удачное сравнение, что это — один из тех подарков языка, которого удостоившийся его человек сперва не оценивает в полной мере, но потом начинает ценить все больше, находя в нем ключ к дальнейшим размышлениям. «Суеверие» — это «вера всуе», «ложная вера». Если психоанализ есть наука, то слово «вера» может сочетаться с ним разве в фигуральном смысле. Нельзя же всерьез спрашивать математика, верит ли он в теорему Пифагора, или химика — верит ли он в таблицу Менделеева. Но как же тогда объяснить, что слово «суеверие», вырвавшееся в данном случае как-то естественно, само собою, отнюдь не воспринимается как иносказание? Не должно ли это натолкнуть на предположение, что фрейдизм, вопреки распространенному мнению, есть не научная теория, а нечто другое? Если это не наука, а явление совсем другой природы, то вопрос о вере, а следовательно, и о могущем возникнуть тут суеверии, обретет прямое, а не метафорическое значение.

Но как можно отличить науку от других форм умственной деятельности? Вернее всего — по характеру аргументации. Для наук установлен прочной традицией некий обязательный минимум строгости выводов, ниже которого спускаться запрещено; как только в научной публикации делается попытка протащить довод, располагающийся чуть ниже этой границы, сразу поднимается шум, и сами же ученые одергивают своего коллегу, нарушившего цеховые правила. Однако нетрудно убедиться, что все доводы, на которых построен психоанализ, лежат даже не «чуть», а гораздо ниже этой допустимой границы. Когда замечаешь это, начинаешь испытывать изумление. Чувство недоумения становится еще сильнее, когда собираешь приемы доказательства психоанализа воедино. Вот главные из этих приемов.

1. **Выдвижение глобальных утверждений на основании описания частного случая.** Это основная методика «доказательства». Описан мальчик, поведение которого заставляет заподозрить в нем скрытую неприязнь к отцу,— появляется закон «Эдипова комплекса»; описан пациент, стремящийся завоевать авторитет окружающих,— формулируется «закон самоутверждения»; описана «женщина-подросток» — готов еще какой-то универсальный тезис. Обнаруженные у конкретных индивидуумов частные особенности психики почему-то провозглашаются фундаментальными, в то время как другие особенности, гораздо более распространенные, полностью игнорируются либо объявляются вторичными. Как посмотрели бы на физика, который, открыв положительный заряд протона, стал бы категорически утверждать, что и все остальные частицы имеют такой же заряд? Наверное, как на легкомысленного человека и плохого ученого. Но психоанализ находится в особом положении: одного примера, притом сомнительно интерпретированного, достаточно для него, чтобы провозгласить общее положение, против которого никто не осмеливается возражать.

2. **Толкование сновидений.** Их произвольность и тенденциозность бросается в глаза каждому, кто читал основополагающие работы по психоанализу. В статье «Детские неврозы и их лечение» описано, как Фрейд и Адлер заставляли сынишку последнего методом интроспекции исследовать свои сны. За удачный, то есть подкрепляющий психоаналитическую теорию, ответ мальчик получал лакомство. Он, разумеется, быстро понял, что от него требуется, и стал говорить примерно следующее: «Сегодня я видел во сне кусающую меня белую лошадь; это был мой отец, которого я хотел убить». И такого рода «толкования» не остались семейным преданием, причисленным к забавным проделкам остроумного ребенка, а легли в основу целой науки! И снова все, будто загипнотизированные, принимали подобную аргументацию, приговаривая: «Да, ничего не поделаешь, это факты».

3. **Ссылки на художественную литературу.** Здесь пропагандисты психоанализа применяют издавна известный трюк, который можно назвать «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». Дело в том, что для подтверждения положений психоанализа привлекается в основном так называемая «фрейдистская литература», вызванная к жизни самим же психоанализом. Так возникает порочный круг, считающийся в науке совершенно недопустимой вещью. Но фрейдистской теории и он сходит с рук, и никто не настаивает, чтобы иллюстрации брались только из заведомо нейтральных современных авторов или же из писателей прошлого, которые, кстати, очень подробно описывали свои детские ощущения. Если бы такое требование соблюдалось, то психоанализ едва бы наскреб две-три цитаты, которые с натяжкой можно было бы истолковать в требуемом ему духе. Зато цитат, свидетельствующих против него, можно было бы набрать сколько угодно. Заметим, кстати, что у Эдипа в трагедии Софокла «эдипова комплекса» не было, что признают и сами фрейдисты.

4. **Эволюционистские аргументы.** Вся концепция «вытеснения», являющаяся одним из краеугольных камней фрейдизма, основана на представлении, что когда-то давно люди не сдерживали своих эмоциональных порывов и делали все, что им хотелось, и лишь с течением времени «общественная цензура» загнала многие побуждения внутрь, создав таким образом ядро «подсознания». Лет пятьдесят тому назад мы бы сказали, что ссылки на древность не имеют научной ценности, ибо никто точно не знает, как жили люди в то время. Но

теперь мы можем выразиться сильнее. Благодаря этнографии и археологии мы сейчас знаем, что никакого «дикого» поведения в первобытных обществах не наблюдалось, что уже в палеолите люди подчинялись социальным установлениям и условностям куда более строгим, чем те, что царят в нашем сегодняшнем обществе, где развязное поведение часто подается как внутренняя свобода и где насаждение порнографии оправдывается ученым словцом «сексуальная революция». Таким образом, эволюционистские доводы психоанализа не только не убедительны, но представляют собой грубую подтасовку. Но даже такую явную фальсификацию никто не хочет замечать.

5. **Запугивание оппонентов и разные формы давления на них.** Психоанализ с самого начала пользовался мощным средством давления, апробированным всеми псевдонауками, представляющими на деле чисто идеологические построения. Этим средством является угроза обвинения в реакционности, отсталости, угроза прослыть ретроградом. Сам Фрейд очень любил обвинять противников в отстаивании «оккультизма» (слово «религия» было, видимо, настолько ему ненавистно, что он не хотел даже его произнести). Надо сказать, что для человека, претендующего на то, чтобы занимать прочное положение в науке, такое обвинение является чрезвычайно серьезным и может решительно подорвать его репутацию, закрыв перед ним дорогу к карьере. Здесь мы находим разгадку одного из секретов того странного обстоятельства, что ученые капитулировали перед психоанализом без сражения, как австрийские армии перед Наполеоном. Конечно, помимо угрозы прилепить пятнавший научную честь ярлык, употреблялись другие средства, более грубые. Тот же Фрейд писал, что он знал нескольких специалистов, не признающих психоанализа, но у всех них были «неполадки в половой сфере». Вот и рискни после этого возражать Фрейду!

6. **Создание впечатления, будто психоанализ открыл феномен «бессознательного» и уже потому является огромным достижением мысли.** На эту удочку ловятся сейчас многие даже весьма умные люди, поскольку, вследствие ограниченности своего кругозора, они сводят мыслительную деятельность к занятию естественными науками, возникшими лишь в XVII веке. Но если бы их образование было более широким, они бы знали, что во всех религиозно-философских учениях древности и в христианском богословии средних веков тезис о том, что наше «я» не исчерпывается его сознательными проявлениями, представлял собой очевидное следствие фундаментальных положений, причем не просто подразумевался, а и много раз был выражен в явной форме: например, в учении Гераклита о Логосе, незаметно входящем в нас и делающем нас разумными; в теории Платона о знании как припоминании или в типичных для средневекового богословия словах Максима Исповедника о том, что Бог живет в нашей душе, не осознаваясь нами, и дает нам некоторые указания, которых мы, хотя и выполняем, не ощущаем. Превращаясь в Ивана, не помнящего родства, современный интеллектуал полностью игнорирует это духовное наследие, полагая, что первым человеком, научившимся думать, был Френсис Бэкон, поэтому он считает великим открытием фрейдовское исследование «подсознания» и «сверх-Я», которое надо назвать даже не упрощенным переизложением прежнего бесконечно более тонкого учения о душе, а карикатурой на него.

Сказанного достаточно. Мы видим, что психоанализ вряд ли можно считать наукой, ибо он пользуется для своего утверждения совсем не теми средствами, которые типичны для наук, и держится вовсе не убедительностью своих аргументов. Но что он тогда такое? Скорее всего он представляет собой взгляд на мир, мировоззрение. Недаром Фрейда довольно часто называют философом. Из всего, что было сказано, мы можем заключить, что современный фрейдизм, хотя и изменившийся по сравнению с исходным учением, но сохранивший в себе все его мировоззренческие элементы, есть фундаментальная идеологическая установка, предписывающая видеть устройство психики человека в таком-то освещении, установка, по-видимому, полностью отвечающая требованиям нашего общества, иначе она не могла бы удерживаться так долго, несмотря на слабость аргументации. Одна из причин прочности этой установки заключается, вероятно, в том, что на ее основе возникает нужное для функционирования современного общества поведение людей. Как только мы уясним себе, что фрейдизм есть замаскированная под науку идеология (необходимость этой, а не какой-нибудь другой маскировки также продиктована духом эпохи), так сразу же нам станут понятными все его характерные особенности и его судьбы. Нам станет понятно, например, почему для его утверждения понадобился человек с незаурядным публицистическим и литературным талантом, каким был Фрейд; почему этот человек называл себя продолжателем дел Коперника и Дарвина. Коперник отверг идею исключительности Земли в Космосе. Дарвин отверг идею исключительности человеческого рода, произведя его от обезьян. Но оставался еще внутренний мир индивидуального человека, хранивший некое обаяние признаваемой прежде «души», вложенной в него Богом. Действуя в духе времени, его необходимо было развенчать, сведя все его проявления к игре как можно менее «духовных» мотивов. Фрейд и его продолжатели изобрели способ такого сведения, и, хотя он вначале вызывал немало возражений (главным образом из-за того, что произвел на многих отталкивающее впечатление своей «циничностью»), постепенно все убедились, что он является самым верным способом, и если не отказываться от фундаментального тезиса эпохи, что че-

ловек есть автомат, естественным образом возникший в процессе эволюции, вряд ли есть основания предпочесть ему что-либо другое. Но если мы хотим достичь истины, мы должны сразу же решительно сказать, что теория любви как сублимация секса, санкционированная авторитетом психоанализа, не становится для нас убедительной только лишь в силу такого санкционирования. Факт общепризнанности вызывает к себе совершенно разное отношение в том случае, когда это утверждение принадлежит мировоззренческой системе. В первом случае этот факт служит веским аргументом в пользу данного утверждения, а во втором — скорее доводом против него, во всяком случае, обстоятельством сильно настораживающим. Ведь господствующее в определенный исторический момент мировоззрение имеет для умов как бы принудительную силу, охватывает мир подобно эпидемии, делает людей слепыми и глухими к несообразностям, заставляет воспринимать все возражения со злобой и устранять их не с помощью логики, а посредством травли и запугивания их авторов. Когда идея овладевает миром, она становится всесильной— в этом сомневаться не приходится. Но всесильность и истинность — совершенно разные вещи. В истории цивилизации было множество сменивших друг друга всесильных мировоззрений, а истина может быть только одна. Современный взгляд на любовь диктуется фрейдовской концепцией, а она представляет собой мировоззрение, поэтому никакой достоверности этому взгляду не сообщает. Конечно, она не сообщает ему и заведомой ложности, но вызывает желание тщательно все перепроверить, опираясь лишь на твердо установленные факты. Так мы и поступим. Мы не будем основывать наши выводы на принятых на веру какихлибо положениях психоанализа, считая их подозрительными уже из-за необычной популярности, но и не будем заранее считать их неверными. Однако по мере получения собственных, независимых от какой-либо «парадигмы», выводов мы будем сравнивать их с фрейдистскими тезисами. Это позволит нам постепенно разобраться в том, можно ли применить к психоанализу термин «суеверие», и если да, то в каком смысле.

3.

Покинув храм современной науки, где все систематизировано и каталогизировано, где можно получить любую справку, докопаться до строгой формулировки и разыскать точную цитату, мы оказываемся на шумной площади, где ни от кого не добьешься ничего вразумительного, где каждый кричит свое, не слушая остальных. Слово «любовь» перестает здесь быть термином, и смысл его делается расплывчатым. Поэтому сразу можно спросить себя: а кроется ли за этим, так часто звучащим, словом, какое-то конкретное и определенное содержание?

Сравним такие две фразы: «Татьяна любила Онегина» и «Таня любила маму». Может быть, здесь мы встречаемся с омонимами, хотя и не сразу распознаваемыми? Может быть, Танино чувство к маме имеет совсем иную природу, чем чувство Татьяны Лариной к герою своих девичьих грез, и использование одного и того же слова обязано не слишком большой дифференцированности естественного языка? В общем, не следует ли нам сразу сузить диапазон значений слова «любовь» настолько, чтобы оно относилось лишь к эмоции, возникающей между противоположными полами?

Нет, делать этого нельзя. Во-первых, в корне неправильно производить уточнение интересующего нас чувства не по внутренним его характеристикам, а по объекту, на который оно направлено.

Даже те, кто уверен в служебном назначении любви как устроительницы брака, не станут отрицать, что нередко встречаются «ошибки», когда чувство, совершенно неотличимое ни по внешним проявлениям, ни по субъективному ощущению от того, которое питал Ромео по отношению к Джульетте, направляется на лицо того же пола или на такое лицо, о брачном соединении с которым не может быть даже мысли. Описание подобного чувства, обращенного к матери, мы находим у Марселя Пруста. Он рассказывает, как в детстве однажды был отправлен спать без надежды, что мать зайдет к нему в комнату пожелать «спокойной ночи», ибо в доме в тот вечер были гости. Дальше события развивались следующим образом:

«Я совершил бунтарское движение, я вздумал прибегнуть к уловке приговоренного. Я написал матери, умоляя ее подняться ко мне по одному важному делу, которое я не мог сообщить ей в письме...

Мне казалось тогда, что если бы Сван прочел мое письмо и угадал его цель, то очень бы посмеялся над только что испытанными мною мучениями; между тем, напротив, как я узнал об этом позже, тоска, подобная моей, была мукой долгих лет его жизни, и никто, может быть, не был способен понять меня так хорошо, как он; тоску эту, которую испытываешь, думая, что любимое существо веселится где-то, где тебя нет, куда ты не можешь пойти, — эту тоску дала ему познать любовь...»

Здесь Пруст прямо уподобляет свое детское чувство к матери любовным переживаниям соседа их семьи по имению, которые он воспел в своем шедевре, так и названном «Любовь Свана» и представляющем собой настолько яркое, точное и полное описание любви, что нам не раз придется прибегнуть к цитированию из него соответствующих мест. Сторонник фрейдизма, конечно, ухватился бы за только что приведенный отрывок как за подтверждение фундаментального тезиса своей теории, будто половое влечение мальчика направляется в первую очередь на его мать. Но заметьте, какая грубая и весьма характерная для всей системы фрейдистских «доказательств» здесь делается подтасовка! Марсель Пруст, описывая свое детское чувство, ни слова не говорит о каком бы то ни было сексуальном его оттенке. Однако психоаналитика это не смущает. Он говорит: «Видите, автор признался в своей детской любви к матери; но п о с к о л ь к у подоплекой всякой любви является более первичный, чем она, фактор — секс, — то ясно, что у него было сексуальное устремление, направленное на мать, которого он не осознавал». А в другой раз и при других обстоятельствах фрейдист скажет: «П о с к о л ь к у мальчик прежде всего начинает испытывать влечение к собственной матери, а влечение всегда определяется сексуальным устремлением, то ясно, что секс есть первичный фактор — ведь он проявляется уже в самом раннем детстве». Так одно «доказывается» через другое, а наивная публика верит всему этому, принимая все это за «выводы науки». А достаточно было бы вспомнить, что чувство, описанное Прустом, часто возникает к своей матери у девочки, как ложность аргументации стала бы совершенно очевидной, и порочный круг вылез бы наружу.

Правда, многие поклонники психоанализа оказались способными заметить этот контраргумент. Чтобы обезвредить его, они трактуют случаи влюбленности детей во взрослых того же пола как «сбой» механизма, предназначенного только для разнополой любви.

Мы не будем обсуждать вероятность таких «ошибок природы», а выдвинем более радикальное, чем все предыдущие, возражение против истолкования любви как явления, производного от взаимодействия противоположных полов, которое и будет нашим «во-вторых». Мы провозгласим следующее: л ю б о в ь и п о л о в о е в л е ч е н и е с у т ь в е щ и с о в е р ш е н н о р а з н о й п р и р о д ы, н е и м е ю щ и е н и к а к о й в н у т р е н н е й с в я з и и с о ч е т а е м ы е д р у г с д р у г о м п р и п о м о щ и о с о б о г о, в н е ш н е г о п о о т н о ш е н и ю к н и м, м е х а н и з м а.

Поскольку вирус фрейдистского истолкования любви (через кинофильмы, телевизионные спектакли, популярную литературу и публичные лекции) внедрился сейчас в самые глубины сознания образованной публики, то наше утверждение может показаться не только спорным, но и явно нелепым. Нам скажут: хорошо, пусть мы уговорились не принимать за постулат теорию сублимации, но нельзя же отрицать целесообразности, царящей в природе, и всеобщего стремления живых существ к воспроизведению себя в потомстве! Если любовь ни в каком смысле не есть идеальное отражение этого пронизывающего живой мир стремления, то зачем же она нужна, чему она служит и каковы ее реальные корни?

Тут мы снова обратимся к читателю с просьбой проявить некоторое терпение. Конечно же, глубинная природа любовного чувства будет нами в дальнейшем проанализирована — в этом и состоит главная цель данного исследования,— и возникающие сейчас вопросы не останутся без ответа. Но для начала нам необходимо произвести «расслоение» любви и полового влечения. Для этого уже недостаточны те грубые средства, которыми пользовался Фрейд; здесь понадобятся орудия более тонкие и разнообразные. Прежде всего мы обратим внимание читателя на логический аспект дела. Мы не отрицаем, что любовь и половое влечение часто соединяются и что такое соединение служит делу воспроизведения некоторых видов животных (относительное количество которых, правда, очень невелико). Однако если две данности часто оказываются соединенными, то отсюда еще не следует, что они связаны по своей п р и р о д е, органически, что одна из них есть следствие другой. Это может означать и то, что имеется специальное устройство, их соединяющее. Как раз такую мысль мы и выразили в нашем тезисе, упоминая сочетающий любовь и половое влечение механизм. Далее. Если к а ж д а я из двух данностей может появляться без другой, то они не могут, с точки зрения логики, находиться в причинно-следственном отношении. Такие случаи, как мы увидим, рассыпаны вокруг нас в изобилии; контрпримеры, которые моментально опровергли бы фрейдистскую концепцию, если бы она была наукой, за которую она себя выдает, и вследствие этого считалась бы с логикой, каждый из нас может найти и в собственной биографии.

Одним из незаслуженно редко используемых средств анализа является изучение устойчивых выражений естественного языка. Этот язык лишь при поверхностном взгляде представляется менее дифференцированным, чем насыщенный строго определяемыми терминами научный жаргон. Пресловутая многозначность национальных языков выступает лишь на уровне слов, но на уровне словосочетаний она сменяется удивительной точностью, не доступной никакому научному тексту. В определенном смысле можно утверждать, что «язык умнее нас». Отработанные столетиями обороты народной речи аккумулировали в себе мудрость многих поколений, существенно превышающую мудрость любого отдельного человека, поэтому они нередко воспринимаются, когда в них вдумаешься, как неожиданное откровение.

К числу часто звучащих в устах самых разных людей принадлежит фраза «любви сейчас нет». Иногда в ответ на нее можно услышать возражение: «ну, не скажи, любовь встречается и в наши дни, но редко». Порой отрицание любви заходит так далеко, что ее объявляют выдумкой романтически настроенных писателей. О чем же могут свидетельствовать такие высказывания, которые каждый из нас много раз слышал от своих, не изучавших психоанализ,

собеседников? Разумеется, в первую очередь о том, что, несмотря на широчайшую пропаганду фрейдистского взгляда на любовь, ставшую одним из характерных элементов «массовой культуры» (даже школьники сейчас стали рассказывать о любви, руководствуясь теорией «сублимации»), простые люди категорически отвергают этот взгляд, отказываются отождествлять любовь с сексуальным влечением. В самом деле, никто ведь не станет утверждать, будто в наше время такое влечение исчезло или уменьшилось, но это не мешает говорить, что исчезла любовь. Более того, в фразе «любви теперь не стало» совершенно ясно просвечивает сожаление о том, что прежнее высокое чувство заменено в наш век явлением более примитивным и низменным — голым «сексом». Значит, теория сублимации никак не прививается к народному сознанию, и оно, вопреки всем фильмам и популярному чтиву, *противопоставляет* любовь и секс как вещи не только разные, но даже *противоположные*.

Однако может ли народ выступать в этом вопросе компетентным судьей? Ведь было же время, когда народ считал Землю плоской, и только благодаря науке удалось установить ее шарообразность.

Несомненно, когда речь идет о таких вещах, как форма Земли, когда исследуются структурные особенности физического устройства внешних по отношению к нам материальных тел, по поводу которых у людей не может быть никакого накопленного опыта, то последнее слово принадлежит ученым, располагающим изощренными средствами эксперимента и детально разработанной техникой расчета. Но в высшей степени незаконно переносить игнорирование мнения подавляющего большинства людей на анализ тех явлений, с которыми люди знакомы непосредственно, в отношении которых у них имеется громадный внутренний опыт. Любовь принадлежит как раз к такого рода явлениям. Она представляет собой эмоцию, т. е. внутреннее состояние, психический феномен. Кому же лучше знать особенности этого феномена, как не тому, кто является его носителем — людскому племени?

Правда, на современного психолога эти слова не произведут особого впечатления. Он ответит на них следующее: «Огромное значение психоанализа как раз и состоит в выявлении *подсознательных*, т. е. недоступных прямому интроспективному наблюдению и потому ускользающих от неспециалистов фактов, одним из которых является тот факт, что чувство любви, в какой бы форме оно ни воплощалось, есть не что иное, как опоэтизированное, сублимированное, деформированное или извращенное проявление одного из фундаментальнейших элементов нашей натуры — полового влечения».

Само собой понятно, что эта реплика будет также возражением против метода анализа устойчивых языковых оборотов как средства пролить свет на внутренний мир человека.

Что ж, попробуем в таком случае подойти к проблеме еще с одной стороны. Какой бы глубинной ни была связь между двумя какими-то данностями, но если эта связь существует и вдобавок является органичной, то эти данности будут иметь сходные структурные характеристики. Если любовь действительно есть вещь, которая светит не собственным светом, а отраженным светом сексуального влечения, то она непременно должна отразить какие-то самые общие свойства этого влечения, его природу. Давайте же сопоставим любовь и секс с этой точки зрения, не обращая внимания на поверхностные их различия, которые могут быть всего лишь оптическим обманом, а всматриваясь в самую их сущность.

4.

Одной из наиболее очевидных и непреложных особенностей чувства, которое зовется любовью, является, конечно, его обращенность к определенному индивидууму, к личности.

Царь Соломон, выражая свое любовное чувство к Суламите, говорил: «Есть шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и девиц без числа, но единственная она — голубица моя, чистая моя, отличенная у родительницы своей». (Песн., 6, 8). Точно то же ощущение испытывают и все остальные влюбленные люди. Хотя любовь может бросать свои лучи на окружающих и делать их в глазах влюбленного симпатичными, источник этого излучения один — предмет любви. Как только этот источник иссякает, так сразу же все погружается во мрак. Когда у Наташи Ростовой произошел разрыв с Андреем Болконским, то «она говорила и чувствовала, что в это время все мужчины были для нее совершенно то же, что шут Настасья Ивановна». Она «большую часть времени, одна в своей комнате, сидела с ногами в углу дивана и, что-нибудь разрывая или переминая своими тонкими, напряженными пальцами, упорным, неподвижным взглядом смотрела на то, на чем останавливались глаза. Уединение это изнуряло, мучило ее; но оно было для нее необходимо».

Любовь всегда имеет строго персональный адрес и не может быть переадресована никому другому. Самым горьким жребием, который может выпасть на долю женщины, народ всегда считал насильственное выданье замуж за нелюбимого. Каким бы красивым и богатым ни был сосватанный против воли жених, он долго не мог заменить избранника сердца и звался «постылым».

Уже для того, чтобы любовь возникла, нужна в качестве ее объекта как можно более яркая личность. Очень трудно влюбиться в «серенького» человека, в среднестати-

стического гражданина. Напротив, всякое проявление оригинальности и необычности, т. е. подтверждение того, что данное лицо носит в себе *индивидуальность*, сильно способствует зарождению любви по отношению к нему. Часто бывает достаточно одного — двух проявлений индивидуальности: они становятся как бы спусковым механизмом, включающим любовь где-то на уровне подсознания. В пьесе А. Н. Островского «Горячее сердце» героиня страстно влюбляется в пустого и ничтожного человека только из-за того, что он однажды, сыграв на гитаре, как-то по-особенному тряхнул кудрями. В рассказе А. П. Чехова «Попрыгунья» героиня предпочла умному и талантливому врачу мелкого душой художника, который, однако, умел создавать видимость своеобразия своей натуры. Вообще, каждый мужчина или знает, или инстинктивно чувствует, что для того, чтобы влюбить в себя женщину, желательно «произвести на нее впечатление», остаться в ее воспоминании не таким как все. Но это как раз и означает быть воспринятым как личность.

А как должна вести себя женщина, чтобы мужчина прочнее в нее влюбился? О, тут мы находим прямо-таки неисчерпаемые запасы подтверждений нашей мысли. Весь мощный институт *кокетства*, существующий с тех пор, как стоит наш мир, есть не что иное, как стремление женщины выглядеть личностью. Женщина не только не боится показаться мужчине капризной, ветреной, взбалмошной, но часто намеренно старается выглядеть такой; выставление напоказ этих качеств составляет один из самых распространенных типов кокетства. В тех случаях, когда своенравное поведение не соответствует истинным свойствам характера и является лишь наигранным, оно продиктовывается вовсе не рассудком, а интуицией. Глубинная мудрость женской натуры, побеждая навязанное воспитанием представление, будто самыми ценными свойствами человека являются последовательность поступков и логичность мысли, подсказывает ей, что ценным в первую очередь надо считать то, что поможет влюбить в себя мужчину, а вернейшее средство воспламенить в нем любовь — это дать увидеть и почувствовать свою индивидуальность, которая прежде всего открывается наблюдателю в творческом поведении.

Все мы помним, что Наташа Ростова отличалась крайней своенравностью и игривостью, что она постоянно фантазировала, выдумывала что-то необычное, а потом объявляла собственные выдумки вздором. В этом она была прямо противоположна рассудительной и логичной Соне. Однако же все влюблялись именно в Наташу, а не в Соню, ощущая, что первая на незримой лестнице, ведущей от примитивных существ к наиболее высокоразвитым, стоит намного выше второй.

Итак, и мужское «оригинальничье», и женское лукавое кокетство можно назвать игрой, приз которой — любовь. Но игра эта особая — в ней отсутствуют строгие правила. Более того, вся она затевается именно для того, чтобы показать, что никакие наперед заданные правила не представят для данного лица препятствий, если его воля обратится против них. Хорошо сыгранная, такая роль обеспечивает успех — возбуждает в чужой душе чувство любви, ибо любовь по самой своей природе может быть обращена только на личность.

Впрочем, возможно такое возражение: известно, что молодые девушки часто начинают наполняться любовью еще до встречи с реальным лицом, могущим стать ее объектом; они влюбляются в абстрактного героя своих мечтаний. Популярным примером такого «безличного влюбления» являются чувства Татьяны Лариной:

Давно ее воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь.

Все это не только не противоречит нашей основной мысли, но, напротив, подтверждает ее. Какими бы сильными ни были чувства Татьяны в период ее юности, это все же была не любовь, а *желание полюбить*, стремление к любви — чувству, не могущему возникнуть до тех пор, пока не явится «кто-нибудь», т. е. *личность*. Как только Татьяна узнала Онегина, так сразу же это желание любви реализовалось, и в ее душе вспыхнула уже совершенно новая страсть, которая только и может быть названа любовью. Эта страсть направилась персонально на Онегина и окрасила его в тона ярчайшей индивидуальности (вспомним сон Татьяны, в котором Онегин властвует над нечистой силой), что, в свою очередь, содействовало усилению страсти.

5.

Совершенно противоположной фундаментальной характеристикой обладает половое влечение. Оно всегда безлично. Но, конечно, читатель не обязан верить нам на слово, и мы попытаемся убедить его в этом. Самым большим препятствием к тому, чтобы принять это положение, является тесная взаимосвязь между сексом и любовью, обусловленная наличием сочетающего их механизма, о котором речь у нас впереди. У большинства взрослых людей любовь и половое влечение сложно переплетены; есть и такие люди, у которых влечение *всегда* сопровождается любовью (хотя вопреки теории сублимации, нет ни одного человека, у которого любовь возникала бы *только* на базе секса). Особенно много таких натур среди женщин.

При каких же обстоятельствах половое влечение проявляет себя заведомо в чистом виде, не сопровождаясь любовью? Это случается, например, когда жизнь какого-

нибудь человека вступает в полосу, иногда кратковременную, иногда затяжную, которая насыщена разгулом, развратом, оргиями. В этот период человек начинает культивировать половое чувство, стремясь довести его до максимума и выжать из него как можно больше наслаждения. И как раз в это время воображение не останавливается ни на одной конкретной женщине; после того, как сексуальное сумасшествие кончается, в памяти не остается какой-либо личности. Все происходившее человек воспринимает потом, как странный сон. Аналогия со сном здесь более глубока, чем можно предположить. Вероятно, многие мужчины могут вспомнить свои молодые годы, когда их посещали эротические сновидения. Это было удивительное явление — возникающее сексуальное ощущение было лишенным каких бы то ни было примесей, звучащим чисто, как камертон, гораздо более острым и пронзительным, чем то, которое сопровождает реальный половой акт. В то же время явившаяся во сне женщина не была одной из тех, кого мы знали в жизни — она оставалась такой же таинственной незнакомкой, как та, что посещала Блока и чьи упругие шелка веяли древними поверьями. Выходит, и забытье разврата и сладостное сновидение доставляют нам одно и то же удивительное и манящее ощущение: нам становится как бы физически доступной сама идея женского тела, которая возбуждает много сильнее, чем любая фактическая ее реализация.

Пойдем дальше. Каждому из нас хорошо известны мужчины, которые хотя и не предаются оглушающему разврату, но до седых волос придают сексуальному наслаждению первостепенное значение, подчиняя ему все остальное. Их называют донжуанами, волокитами и ловеласами. Отличительными особенностями этого племени являются высокий уровень полового возбуждения и частая смена женщин. Если вы спросите одного из таких людей, почему он не способен остановиться на какой-нибудь одной женщине, он чаще всего ответит, что никак не может найти свой идеал. Но это, конечно, будет наивной формой самооправдания. Более реальные причины порхания с цветка на цветок в этих случаях заключаются в том, что донжуанам, во-первых, быстро наскучивает всякая, даже очень привлекательная, женщина, и, во-вторых, их всегда возбуждает новая женщина, даже если она не очень хороша. Вторую причину мы проанализируем позже, а сейчас рассмотрим явление угасания влечения к давней любовнице, которое, если говорить честно, в какой-то мере свойственно не только ловеласам, но и многим вполне нормальным в сексуальном отношении мужчинам. Почти у всех мужчин физическое влечение к женщине достигает своего максимума вскоре после сближения с ней, а потом — увы! — начинает постепенно сходить на нет. Жизненные наблюдения говорят нам, что даже самая красивая женщина со временем перестает возбуждать половое чувство с той силой, которая излучалась из нее прежде. Случаи длительного сохранения физической страсти между супругами редки, и этот прискорбный факт доставляет семьям немало проблем, о которых здесь нет надобности говорить в силу их общеизвестности.

А теперь спросим себя: *что же в этих случаях надоедает?*

В первый момент ответ кажется тривиальным: надоедают специфические особенности данной женщины, тело ее становится знакомым до мелочей и постепенно перестает вызывать интерес, наскучивает. Давая это объяснение, мы уподобляем тело женщины какому-нибудь предмету — например, мотоциклу, которым мужчина вначале увлекается из-за его новизны, а затем забрасывает его, находя себе какое-то новое увлечение. Однако мы сейчас увидим, что эта аналогия весьма поверхностна и вместо того, чтобы помочь нам понять существо дела, вводит нас в заблуждение.

Когда нам наскучивает данный мотоцикл, то становится неинтересным и любой другой мотоцикл. Нам надоедает само занятие, проходит увлечение ездой, результатом чего становится потеря интереса к конкретному мотоциклу. Но если потребность ездить составляет неискоренимую, врожденную черту нашей натуры, то мы никогда не расстанемся со своим мотоциклом и будем всегда относиться к нему так же, как и в первые дни после покупки.

Половое влечение у каждого человека является фактором врожденным, заложенным в него от природы. Остыть ко вступлению в физическую близость как таковую, пока не придут преклонные годы, никто не может. А если вновь обратиться к примеру ловеласов, то тут уж можно точно сказать, что они не проявляют никаких признаков остывания к этому занятию. Но как раз им всякая конкретная женщина надоедает быстрее всего. Это значит, что сравнение охлаждения к половому партнеру с охлаждением к материальной вещи, которое мы постоянно бездумно употребляем, в корне ошибочно. В противоположность мотоциклу, который, по мере того как его осваиваешь, все лучше и полнее служит делу получения удовольствия от быстрой езды, реальное женское тело довольно скоро начинает *мешать* делу получения удовольствия от удовлетворения полового влечения. Несчастные донжуаны, вечно сжигаемые огнем полового чувства, не могут раз и навсегда решить проблему его насыщения, найдя подходящую женщину; они вынуждены всю жизнь совершать сизифов труд. Молох секса унимается лишь на короткое время, когда ему в пасть бросают новую любовницу; вскоре после этого он вновь начинает бушевать, заставляя своего раба оставить все другие дела и заниматься поисками следующей жертвы. Все происходит так, будто этот молох, как только он пристально вглядится в как угодно красивую женщину, восклицает: «Нет, это не то, что мне было нужно!»

Но что же ему нужно?

Ключ к ответу дают нам приведенные выше слова Толстого о «женщине, как сладком нечто», рисовавшейся его мечте в годы юношеского плотского вожделения. Половое влечение всегда направлено не на *эту* женщину, а на женщину как таковую, на безразличную, обобщенную женщину, и может удовлетвориться только такой женщиной. Но где же найти такую абстракцию? Существует много способов обезличивания женщины, с которой вступаешь в физическую близость. Все они направлены на одно: устранить основное препятствие для удовлетворения половой страсти.

Способ, применяемый ловеласами — постоянная смена женщин. Что он им дает? Чтобы лучше понять это, поставим другой вопрос: какими качествами должна обладать новая женщина, чтобы вызвать в любом из них прилив полового чувства? При всем разнообразии индивидуальных вкусов, она обязана всегда обладать главным свойством: быть новой. Пусть ее тело даже в точности таково, как тело предшественницы,— это не имеет никакого значения. Более того, бывает, что все многочисленные возлюбленные какого-нибудь волокиты удивительно похожи друг на друга и внешне, и по характеру; все они «в его вкусе». Значит, сказать, что ловелас, меняя женщину, получает новое тело — неверно. Чтобы уяснить, что именно он получает, вступив в связь с новой женщиной, нужно сопоставить ее с прежней по всем статьям. Тело у них может быть одинаковое, духовные характеристики тоже. Единственное, чем они отличаются друг от друга — это тем, что прежняя уже стала *близким человеком*, с ней волей-неволей установились душевные отношения, в ней нельзя более не видеть личности, а новая еще абстрактна, безлична и потому может в течение какого-то времени быть воплощением чистого секса.

Но как поступать тем, кто не может или не хочет идти по пути волокитства, кто убежден, что нужно всю жизнь жить с одной избранницей, или, по крайней мере, стремиться к этому? Такие мужчины, как правило, овладевают умением отключать восприятие личности *на время полового акта*. Часто они воображают на месте своей супруги какую-то идеализированную или, напротив, опошленную женскую персону — скажем, королеву или проститутку. В чем состоит глубинный смысл идеализации — об этом мы будем говорить дальше. Но и в том, и в другом случае для более полного удовлетворения полового чувства вызывается призрак отвлеченный, теоретический, безличный. Нам труднее говорить что-либо уверенно об аналогичной работе воображения женщин, но есть основания полагать, что нередки случаи, когда женщина, отдаваясь мужу, мысленно заменяет его абстрактным мужчиной, обладающим идеальными свойствами любовника, или каким-либо киноартистом, считающимся «настоящим мужчиной».

Давняя дружба, теплые искренние отношения, длительная духовная близость — все, что заставляет видеть в человеке личность, сильно охлаждает половое влечение, а иногда ставит непреодолимую преграду для вступления с этим человеком в половую связь. Один из лучших рассказов Андрея Платонова, «Река Потудань», повествует о драме, возникшей именно из-за наличия такой преграды. Никита Фролов и Люба Кузнецова, бесконечно преданные друг другу и не мыслившие жизни друг без друга, наконец поженились. Настала первая брачная ночь.

«Никита поднялся и робко обнял ее, боясь повредить что-нибудь в этом особом, нежном теле. Люба сама сжала его себе на помощь, но Никита попросил: «Подождите, у меня сердце сильно заболело»,— и Люба оставила мужа.

На дворе наступили сумерки, и Никита хотел затопить печку для освещения, но Люба сказала: «Не надо, я ведь уже кончила учиться, и сегодня наша свадьба». Тогда Никита разобрал постель, а Люба тем временем разделась при нем, не зная стыда перед мужем. Никита же зашел за отцовский шкаф и там снял с себя поскорее одежду, а потом лег рядом с Любой ночевать.

Наутро Никита встал спозаранку. Он подмел комнату, затопил печку, чтобы скипятить чайник, принес из сеней воду в ведре для умывания и под конец не знал уже, что ему еще сделать, пока Люба спит. Он сел на стул и пригорюнился: Люба теперь, наверно, велит ему уйти к отцу навсегда, потому что, оказывается, надо уметь наслаждаться, а Никита не может мучить Любу ради своего счастья, и у него вся сила бьется в сердце, приливает к горлу, не оставаясь больше нигде».

Писатель огромного, далеко еще не оцененного таланта, которому ни разу не изменило «чувство правды и красоты», показывает самую суть глубинного соотношения любви и секса — их принципиальную *враждебность* друг другу. Другое дело, что, как мы это увидим, враждебность на определенном уровне преодолевается, и возможность такого преодоления, заложенная в нас природой, является одним из удивительнейших ее изобретений. Но сейчас мы говорим о соотношении, взятом в чистом виде, о враждебности, не устраненной особым усилием любви. Между прочим, тезис об исходной полярности любви и плотского вожделения во все времена считался очевидностью. И понадобились целых три столетия, чтобы с помощью популяризации естественных наук, постоянного культивирования материалистического взгляда на мир и пропаганды «сексуальной революции», в которой кровно заинтересовано «общество потребления», заставить образованную публику поверить в

его ошибочность, объясняемую «невежеством» наших предков. Однако простые люди до сих пор видят все так, как есть.

Сопоставим теперь полученные нами выводы с утверждениями психоанализа. Конечно, психоанализ не отрицает безличности глубинных сексуальных побуждений, того, что он называет «либидо». Делать это — значило бы слишком явно противоречить фактам. Но у него эта безличность получает два разных объяснения, противоречащих друг другу и одинаково не согласующихся с действительностью. По первому из них она рассматривается не как имманентная характеристика, а как безличность уровня, подобную которой можно найти и в любом другом проявлении людского «Я». Татьяна еще не встретила Онегина, но в ее душе уже есть предвестие любви, готовность полюбить «кого-нибудь». Появление Онегина превращает эту потенцию в реальность, и желание любви сменяется самой любовью, в результате этого исчезая. Из нижнего этажа психики, где все бесформенно, оно переходит в верхний, где имеются различимые объекты, и нижний этаж остается пустым. Человек еще не купил мотоцикла, но тяга к быстрой езде, хотя и не осознанная, живет в его душе и доставляет беспокойство. Но вот мотоцикл приобретается. Неопределенное стремление поднимается на следующую ступеньку, становится фактическим увлечением и поэтому исчезает. Давно не кормленный младенец не знает конкретно, чего ему хочется, но в нем живет отвлеченная форма голода, голод сам по себе, и он плачет. Но вот ему дали каши. Потребность «еды вообще» сменяется потребностью есть кашу и как недифференцированное ощущение пропадает. Такого же рода неопределенность есть, конечно, и в половом влечении, но, выйдя в сферу сознания, оно превращается отнюдь не в любовь, а в осознанное половое влечение. Часто бывает, что молодой человек из-за полового воздержания находится в угнетенном состоянии, не понимая его причины. Но вот у него появляется возможность вступить в ни к чему не обязывающую связь, и неясное томление сразу проходит, уступая место вполне отрефлексированному желанию женского тела. В прежнее время юношам из высших слоев общества родители обычно помогали перевести половое чувство из нижнего этажа психики в верхний, чтобы оно могло быть потом удовлетворено: подбирали сыночку какую-нибудь крепостную девушку или же советовали посетить увеселительное заведение.

Заметим, что подсознательное сексуальное чувство, перейдя в осознанное желание, сохраняет свою основную черту — безличность. Ни дворовая девка, ни «французская дама», ни любой другой объект «легкой связи», которая является наилучшим средством удовлетворения этого чувства, не воспринимается как личность. Еще ярче безличность секса проявляется, как мы видели, у людей с повышенной половой возбудимостью, хотя уж их-то влечение прекрасно осознано ими.

Выходит, «либидо» фрейдистов отражается в сознании двумя способами: как отрефлексированное влечение и как любовь, причем эти формы отражения почему-то кардинально различны по своим свойствам. Не странно ли это?

Иногда фрейдисты прибегают и к другому объяснению. Они говорят, что затаенной целью «либидо» является заставить мужчину размножиться до бесконечности, оплодотворить максимальное число женщин, и поэтому оно проявляет черты жадности и ненасытности.

В этом положении нетрудно распознать механически перенесенный на половую сферу один из основных постулатов дарвинизма. В «Происхождении видов» Дарвин писал, что «все организмы стремятся размножиться в таком количестве, что вся поверхность земли не могла бы вместить потомство одной пары». Хотя проделанные недавно во многих лабораториях эксперименты над животными начисто опровергли этот постулат, он все еще господствует в умах и придает упомянутому объяснению психоаналитиков видимость правоподобия. Но это объяснение несовместимо с первым, ибо, если бы оно было правильным, то безличность «либидо» была бы коренной характеристикой, а не безличностью уровня, а стало быть, и любовь, отражающая «либидо» в высших этажах психики, должна была бы быть безличной. Кроме того, упомянутые нами эксперименты, отвергнувшие соответствующее утверждение дарвинизма, автоматически ставят под сильное сомнение и тезис о «стремлении бесконечно размножиться», будто бы гнездящемся в подсознании каждого мужчины, делают его бездоказательным и догматичным. Жизненные наблюдения показывают, что мужчины, обладающие ненасытностью к женщинам, как раз не любят детей и даже на уровне инстинкта боятся зачать, а те, в кого вложено глубокое стремление к рождению детей, являются, как правило, однолюбами.

Впрочем, ловить психоанализ на внутренних противоречиях или на несоответствии фактам — пустое занятие. Он привык пользоваться столь расплывчатыми суждениями, вроде толкования сновидений, что заметить в себе логические изъяны совершенно не способен, а фактам может дать любую трактовку. Но при всей топорности своих аргументов он все-таки вправе заявить, что основной его тезис об органической взаимосвязи любви и секса нами пока не опровергнут, ибо эти данности, несомненно, часто бывают сплетены друг с другом, и непонятно, как может осуществляться такое сплетение, если, как мы утверждаем, они прямо противоположны друг другу.

Продолжение следует

ВЫСТУПЛЕНИЕ ВЛАДИМИРА БУШИНА

на VII съезде писателей России
14 декабря 1990 года
Москва. Центральный театр Советской Армии

— Поскольку мы с вами, уважаемые товарищи, все тут завзятые плюралисты, и не только в сфере содержания, но, надеюсь, и формы, то я счел возможным в своем выступлении непосредственно обратиться к нашему президенту.

Дорогой Михаил Сергеевич!

Сегодня заканчивается седьмой съезд писателей России. В своих последних речах и выступлениях, в частности, во время встречи с деятелями культуры 28.11.1990 г., вы вдруг стали вспоминать, что вы русский. И один дед, которого раскулачили, был у вас русский, и дед другой, который сидел в тюрьме, — тоже русский. **(Движение в зале).** Поэтому наш съезд, вроде бы, должен заинтересовать вас не только как руководителя страны.

Все четыре дня мы работали в Центральном театре Советской Армии. Это невольно приводило на ум разного рода воспоминания и соображения военного характера. В частности, некоторые из нас вспомнили, что вы имеете звание полковника. **(Движение в зале).**

Это звание, как стало недавно известно из военной прессы (ВИЖ, № 10, 1990, с. 95), вы получили в 1978 году, когда Брежнев и Суслов взяли вас, молодого и энергичного строителя «казарменного социализма», как теперь вы сами выражаетесь, из Ставрополя в Москву и сделали секретарем ЦК партии по сельскому хозяйству. Зачем секретарю по сельскому хозяйству полковничье звание, это известно разве что только такому знатоку сельской жизни, как народный депутат Юрий Черниченко, и такому спецу по цэковским нравам и обычаям, как народный депутат Федор Бурлацкий — известному хрущевско-брежневскому спичрайтеру.

Но как бы то ни было, а факт остается фактом. И надо думать, что тогда, двенадцать лет назад, вам выдали шинель и китель с погонами, папаху, сапоги со шпорами и бинокль. Последний предмет был для вас просто необходим: с его помощью вы могли лучше видеть, как зреют на полях страны урожаи и как выполняется Продовольственная программа, которой вы лет семь руководили. **(Смех в зале).**

На протяжении всей работы съезда мы ждали от вас, высокого русского лидера, доброй весточки. И мы не удивились бы, а только обрадовались, если в один из этих четырех дней распахнулась бы входная дверь и вы, поскрипывая сапогами, позвякивая шпорами, поправляя рукой кобуру, прошли бы в президиум и сели рядом с полковником в отставке Михалковым. **(Шум в зале, смех).**

Увы, мы не дождались ни вашего прихода, ни даже весточки. Но мы не в обиде, мы понимаем, как много у вас дел. Как раз в эти дни проходил съезд энергетиков — надо же было послать им правительственную телеграмму. Умер Арманд Хаммер, драгоценный печальник России — надо было выразить соболезнование. Какой-то негодяй ранил в плечо известного журналиста ленинградского телевидения Александра Невзорова — нельзя было и это оставить без вашего высокого внимания, как в свое время вы не обошли, кажется, вниманием сотни безвестных жертв Сумгаита, Баку, Оша, Ферганы, Намангана, Дубоссар... А тут еще, видимо, вы не в силах были оторваться от замечательной книги газетных статей Евгения Евтушенко «Политика — привилегия всех», о которой так проникновенно сказали, еще не дочитав ее, на последней встрече с деятелями искусства. Судя по всему, книга кормчего нашей поэзии произвела на вас гораздо большее впечатление, чем письмо 74 писателей о бедах Родины (потом к нему присоединились сотни, тысячи авторов), на которое вы не ответили. **(Движение в зале).**

Словом, нет, мы не обиделись. Кое-кто в кулуарах съезда говорил, что надо было послать вам персональное приглашение. Но другие считают, что это бесполезно. Пригласили же вас недавно на свой съезд шахтеры, но вы все равно не смогли порадовать их своим присутствием: надо было принять премьер-министра Люксембурга, еще разочек проштудировать статью Солженицына «Как нам обустроить Россию», побеседовать с очаровательной Джейн Фонда... Короче говоря, дел было, как всегда, по завязку.

Да, повторяю, мы не в обиде. Больше того, пользуясь случаем, мы от души поздравляем вас с Нобелевской премией. А тот факт, что от вашего имени ее по-

лучил в Осло накануне нашего съезда член Союза писателей известный поэт-мидовец Анатолий Ковалев, особенно радует нас. Мы расцениваем это как выражение особого доверия к Союзу писателей России. **(Смех в зале).**

Заодно мы поздравляем вас также с индийской премией Индиры Ганди, с ирландской премией «Конвент мира», с испанской премией принца Астурийского, с итальянской премией Фьюджи, с немецкой золотой медалью Отто Хана. **(Движение в зале).** Теперь, полковник, международных наград у вас больше, чем было Золотых Звезд у маршала Брежнева. **(Смех в зале).** Поздравляем и с этим. Но должны отметить одну странную закономерность: чем хуже положение у нас в стране, тем более высокую и престижную премию вам дают. С чего бы это? *

В сиянии наград, что сыпятся на вас из-за «бугра», выглядят совершенно непонятно и крайне огорчают такие, например, ставшие известными на последнем Пленуме ЦК КПСС факты — выступление А. С. Савкина и других, как все более громкие и многочисленные голоса, выражающие вам недоверие и даже требующие вашей отставки. А на последнем съезде депутатов России известный всей стране писатель В. Белов сказал: «В жестокой, изнуряющей политической борьбе наши лидеры мало думают о русском народе. И вы, депутаты, должны, обязаны выдвинуть из своей среды новых энергичных, умных и молодых лидеров». В сущности, это то же требование дать отставку и вам, и Ельцину, и Яковлеву, и Хасбулатову со Старовойтовой.

Некоторые злопыхатели доходят до того, что перестройку, ваше любимое и непредсказуемое детище, называют катастройкой, контрперестройкой и даже контрреволюцией (см. ЛР. № 51, 1990, с. 10). Это что же у них получается? Выходит, что Яковлев, лучший идеолог всех времени и народов, это контрреволюционер № 1, вы — контрреволюционер № 2, Шеварднадзе — № 3, Ненашев — № 4, Ельцин, который все время подчеркивает, что расходится с вами только тактически, — № 5?.. Боже милостивый, и все это говорят люди, у которых нет даже медали «За спасение утопающих»! **(Взрыв хохота).**

Надо заметить, что в этой ситуации очень странно выглядят люди, в том числе отдельные писатели, которые совсем недавно на страницах «Московских новостей» (№ 52, 1988) клялись вам в дружбе и верности, — Григорий Бакланов, Александр Гельман, Даниил Гранин, Элем Климов, академик Сагдеев, Михаил Ульянов. Помните их коллективное «Открытое письмо» накануне 1989 года? Они писали: «Через три месяца нам предстоит избрать тех, в чьи руки будет передана вся полнота государственной власти. Мы еще не знаем, какие имена будут внесены в избирательные бюллетени. Точно знаем только одно: каждый из нас весной 89-го года будет голосовать за вас...» «Даже если кандидатура М. С. Горбачева окажется не в тех бюллетенях, которые мы получим...». Подумать только, избирательная кампания еще не начиналась, кандидатуры не выдвинуты, а они уже спешили, уже заверяли на шести языках мира в своей любви, давали подписку в своей преданности, уже мчались за сковородкой, дабы угостить вас яичницей сразу, как только снесет яичко та курочка, которая пока еще в гнезде. **(Общий хохот).**

Так вот, не странно ли, что теперь, когда вас так резко критикуют, когда требуют вашей отставки, эти суетливые курощупы глухо молчат? Допустим, Рональд Сагдеев, наш академик в экспортном исполнении, сейчас за океаном, занят укреплением советско-американской дружбы посредством несколько поздноватого брачного союза с американской миллионершей. Но что же молчат Бакланов и Гельман? Почему на Съезде народных депутатов не возвысят гневный голос в вашу защиту Гранин и Ульянов? Ну, уж Гранин-то ладно, его герой Тимофеев-Рессовский мог во время войны жить в Германии и работать на фашистов. Но Ульянов! Всю жизнь играл в кино роль маршала Жукова. Того самого, который в свое время защитил и спас Хрущева. Где же, спрашивается, у дважды народного Ульянова связь между искусством и жизнью? **(Смех, аплодисменты).**

Молчат и обласканные вами академики: Арбатов, Аганбегян, Гольданский, Емельянов, Заславская... Вопреки вашим надеждам, какими же все они оказались неперспективными! **(Смех в зале).** **

---

* Через несколько дней после нашего съезда М. С. Горбачев получил еще одну премию — «Награду мира» Всемирного методического совета религиозных организаций.— В. Б.

** Теперь мы знаем, что все они трусливо молчали и 17 декабря, когда чеченка Сажи Умалатова, бригадир с машиностроительного завода, поднялась на трибуну Съезда и сказала: «Руководить дальше страной М. С. Горбачев не имеет морального права. Нельзя требовать с человека больше, чем он может. Все, что мог, Михаил Сергеевич сделал. Развалил страну, столкнув народы, великую державу пустил по миру с протянутой рукой...

Уважаемый Михаил Сергеевич! Народ поверил вам и пошел за вами, но он оказался жестоко обманутым. Вы несете разруху, развал, голод, холод, кровь, слезы, гибель невинных людей... Вы должны уйти ради мира и покоя нашей многострадальной страны.

Под аплодисменты Запада М. С. Горбачев забыл, чей он президент и абсолютно не чувствует пульса страны... Страну захлестнула безнравственность, злость, преступность. Гибнет страна... Потому прошу внести в повестку дня Совета первым пунктом мое предложение о недоверии М. С. Горбачеву»

Как на другой день напишет в «Правде» ее парламентский обозреватель М. Бужкевич, «при полном молчании зала Сажи Умалатова покинула трибуну». Выразительно было молчание членов Президентского совета и Политбюро. Но громче всех гремело на всю страну молчание граниных и ульяновых, арбатовых и гольданских, емельяновых и заславских.

В последний день Съезда Леонид Иванович Сухов, шофер из Харькова, скажет с трибуны: «Не нужно, товарищи, ругать депутата Умалатову. Ею нужно гордиться. У нее всем нам надо учиться. Очень трудно было ей сказать то, что мы услышали, но иначе это перестало бы быть правдой». И на это никто ничего не возразил. Только где-то в зале раздался смешок. Скорей всего, это смеялась Заславская, пожалуй, самая смешливая из всех неперспективных — В. Б.

Впрочем, Михаил Сергеевич, обижаться на всех этих народных курощупов, не защищающих вас, вы едва ли вправе. Ведь за шесть лет своего лидерства вы и сами никого не защитили. Так, как это надлежит генеральному секретарю, президенту, главнокомандующему, вы не защитили от клеветы и поношения ни партию, которая подняла вас на самую высокую вершину, ни армию, которая в 1943 году спасла вашу семью от оккупации и порабощения, ни сам русский народ, кровь которого течет в ваших жилах.

Вы не защитили даже своих ближайших товарищей по работе — ни Лигачева, ни Рыжкова, ни Афанасьева, ни хотя бы того же Яковлева, которого вы принародно на Ивановской площади Кремля называли Сашей. Конечно, каждый из них за что-то заслуживает критики, но ведь не зря Тарас Бульба (кстати, как и вы, полковник) говорил: «Нет уз святее товарищества!.. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей». **(Бурные аплодисменты).** Нет, не зря так говаривал беспартийный полковник Бульба. **(Аплодисменты).**

Вы помните, как казнили попавшего в плен Остапа? «Палач сдернул с него ветхие лохмотья: ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки... Напрасно король и многие рыцари, просветленные умом и душой, представляли, что подобная жестокость наказаний может только разжечь мщение казацкой нации. Но власть короля и иных мнений была ничто перед беспорядком и дерзкой волею государственных магнатов, которые своей необдуманностью, непостижимым отсутствием всякой дальновидности, детским самолюбием и ничтожною гордостью превратили сейм в сатиру на правление...» Не знакомо ли вам, Михаил Сергеевич, все это по нынешней прозе: и жестокость, и мщение, и необдуманность, недальновидность, ничтожная гордость и, наконец, сейм, превращенный в сатиру на правление?

«Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стона не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему руки и ноги, когда ужасный хряск их послышался среди мертвой толпы отдаленных зрителей... Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: «Добре сынку, добре!».

Но когда подвели Остапа к последним смертным мукам — казалось, будто стала подаваться его сила... «О, — повел он очами вокруг себя, — Боже, все неведомые, все чужие лица! Хоть бы кто-нибудь из близких присутствовал при его смерти! Он не хотел бы услышать рыданий и сокрушений слабой матери или безумных воплей супруги, хотел бы он теперь увидеть твердого мужа, который бы разумным словом освежил его и утешил при кончине. И упал он силою и воскликнул в душевной немощи:

— Батько! Где ты? Слышишь ли ты?

— Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно мгновение вздрогнул...» **(Шквал аплодисментов).**

Не так ли нашу родину возводят на эшафот ныне, не так ли ей ломают руки и ноги, не так ли и к вам, президент, несутся, заглушая ужасный хряск, отчаянные клики со всех концов державы на всех языках, что ни есть в ней: «Батько! Где ты? Слышишь ли ты?!» **(Гром аплодисментов).** Если раздалось бы в ответ громовое полковничье «Слышу!», то весь трехсотмиллионный народ вздрогнул бы в одно мгновение и воспрял духом. Но нет никакого ответа, и только летят над страной словно из уст Андрия мертвые слова: «консенсус», «приватизация», «спонсоры»... **(Бурные аплодисменты).**

Здесь, в театре Советской Армии, с благодарностью вспомнили мы и о том, Михаил Сергеевич, что из своих гонораров вы пожертвовали изрядную сумму на памятник Василию Теркину — литературному герою Великой Отечественной войны. Из статьи «Известий», бодро озаглавленной «Автор неустрашимого Чонкина вновь москвич», мы узнали, что вы приняли живое участие в житейских делах, в частности, квартирных, создателя этого самого Чонкина — другого литературного героя войны.

Итак, одной рукой — за Теркина, другой рукой — за Чонкина. Прекрасно! Кто же после этого может обвинить нас в односторонности! Хочется думать, видя такую вашу широту, что теперь вы поможете с квартирой и своему товарищу по Политбюро И. К. Полозкову, которому Попов и Станкевич не дают московской прописки. Чем черт не шутит, может, вступитесь и за Литфонд Союза писателей России, который как раз в те дни, когда автор Чонкина получал ордер на новую благоустроенную квартиру, был вышвырнут из помещения на Красноармейской улице. **(Аплодисменты).**

Со своей стороны мы готовы делить с вами все заботы и тяготы нынешних дней. Это не слова. Вот конкретное доказательство. После того, как от имени на-

шей страны ваш друг и единомышленник Шеварднадзе проголосовал за резолюцию Совета Безопасности № 678, вы, вероятно, озабочены тем, где найти воинские контингенты, чтобы после 15 января во исполнение этой резолюции бросить их, если потребуется, против Ирака, с которым у нас с 1972 года договор о дружбе, — бросить в войну, спланированную американцами.

Так вот, желая помочь вам, мы здесь на съезде уже изыскали один такой контингент. Это — около двухсот народных депутатов России, которые на своем съезде, как выявило поименное голосование, не нашли нужным возражать против нашего военного участия в кризисе на Ближнем Востоке. **(Аплодисменты, смех).**

Но это не все. Вы знаете, что из 18 членов Президентского совета только двое служили в армии, а из 24 членов нового Политбюро только трое. Для более ясного осознания этих фактов примем в расчет, что, допустим, в Священном Синоде Русской православной церкви картина обратная той, что мы видим в Президентском совете: там лишь двое НЕ служили в армии, ибо в духовные семинарии и академии принимают только тех, кто уже отслужил действительную. **(Смех, аплодисменты).**

Это с одной стороны. С другой, посмотрите на Америку. Сегодня нас то и дело призывают к этому. Там первым президентом после войны был Эйзенхауэр — главнокомандующий союзными войсками. Потом был Кеннеди, который тоже воевал, был ранен, чуть не утонул. Нынешний президент воевал летчиком, был сбит, едва остался жив. Словом, все это настоящие мужчины, доказавшие свою верность родине так, как мужикам подобает. Руками, окрепшими на военной службе, они вели и ведут свой государственный корабль. **(Аплодисменты).**

Разумеется, мы вовсе не хотим бросить тень на всех, кто не служил в Армии. Причины могут тут быть разные, в том числе и такие уважительные, как белый билет. Но все-таки трудно надеяться, что команда, составленная почти целиком из белобилетников, во главе с полковником-белобилетником, главнокомандующим-белобилетником может вывести народ из окружения бед, несчастий, катастроф. **(Аплодисменты).**

Однако в конкретной ситуации, созданной голосованием Шеварднадзе в ООН, специфический состав Президентского совета и Политбюро представляется немалым преимуществом. Ведь из их членов, не изможденных солдатской службой, заряженных энергией нового мышления, можно составить еще один отряд и при нужде бросить в сыпучие пески Аравийской земли, где когда-то, как писал поручик Лермонтов **(смех)**, «три гордые пальмы высоко росли». За это вам могут дать еще и Ленинскую премию мира. **(Смех, аплодисменты).**

В заключение просим вас передать наши поздравления вашему другу, а, может быть и учителю, Александру Николаевичу Яковлеву. Сегодня он стал академиком. Говорят, в Литве собирают средства на сооружение ему прижизненного памятника. Не исключено, будут ему памятники и в Грузии, и в Молдавии.

Всего наилучшего. С неизбывным уважением, Владимир Бушин, капитан запаса. **(Аплодисменты).**

Примечание. Вскоре после выступления В. Бушина слово для реплики попросил народный депутат СССР, Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Государственной премии В. П. Астафьев. Он назвал выступление Бушина «диким вздором».

Василий Иванович Криворотов (1901—1984) — выходец из крестьянской семьи, одной из простых русских семей, беспощадно истребленных слепой в своей ненависти силой гражданской войны.

Дальнейшее для В. И. Криворотова закономерно — эмиграция. Но эмиграция как отчуждение от большевизма, на не от России. Василий Иванович — прямое доказательство неистребимости русского духа, основанного на вере и служении Отчизне. Закончив университет в Югославии и став инженером-строителем, он весь свой досуг и средства отдавал на дело русского национального и духовного возрождения. Его перу принадлежит ряд исторических романов и множество статей (с одной из них — «Масонство, христианство и экуменизм» читатели «Кубани» уже познакомились в ноябрьском номере журнала за прошлый год). В Зарубежьи широкой известностью пользуются его книги «Контрреволюционеры», «На страшном пути до уральской Голгофы», «Некоторые мысли к русской возрожденческой идее».

После второй мировой войны, в которой В. И. Криворотов принимал участие в рядах антифашистского Сопротивления, он приехал в Бразилию, в Сан-Пауло. Здесь и прошли последние годы его жизни, здесь было написано Открытое Письмо А. Солженицыну. По поводу этого Письма в эмигрантском Зарубежьи до сих пор не прекращается полемика. У нас же, в СССР, его просто не знали. Но пришло время узнать...

Василий Криворотов

Письмо А. Солженицыну

САН-ПАУЛО, БРАЗИЛИЯ

Многоуважаемый Александр Исаевич!

Вчера передавался по телевидению Ваш приезд во Франкфурт-на-Майне из СССР. Сегодня целые страницы самых разнообразных газет посвящены Вашему прибытию из страны ЗК в Германию. Тут их передо мною несколько, и все на разных языках. Прилагаю к письму вырезку из бразильской газеты с рисунком по поводу Вашего изгнания не из советского «РАЯ», как раньше, до войны, международная печать и ее хозяева представляли РСФСР, а из «ПЕКЛА», каким та же мировая печать и ее хозяева представляют Советский Союз после войны и по сей день.

Я не знаю, поздравлять ли Вас с приобретением свободы, или сочувствовать, как человеку принудительно потерявшему свою Родину. Лучше сделаю, очевидно, если воздержусь от возможной ошибки. Прежде всего, представлюсь

ОТ РЕДАКЦИИ

Указом Президиума СССР среди других 23 наших бывших соотечественников возвращено гражданство и Александру Исаевичу Солженицыну. Это может быть принято только однозначно.

Но в атмосфере всеобщего восхваления мессианской роли писателя редакция считает себя не вправе ограничивать взгляд на личность А. И. Солженицына лишь дифирамбическими интонациями и предлагает вниманию читателей Открытое письмо А. Солженицыну, написанное Василием Ивановичем Криворотовым еще в 1975 году. Ценность этого Письма в том, что создано оно рукой известного литератора-эмигранта и истинного русского патриота, лишенного фальши и заискивания перед «сильными мира сего», — а значит стороннего всему наносному и руководимого лишь искренними убеждениями.

Вам. Я. Василий Иванович Криворотов, рожден во втором году этого века в одном из сел Российской Империи в большой крестьянской семье. В годы военного коммунизма в 1918—1920 погибла из этой семьи, включая дядей и теток, от руки заклятых врагов русского народа 21 дорогая мне душа, включая отца, за принадлежность их к Союзу Русского Народа. Шестеро юношей и девушек из моей родни пали смертью храбрых в Белой армии на Юге России. Я вышел из этой братоубийственной войны живым, закончил в Югославии университет, а после второй мировой войны, в которой принимал участие против немцев, переехал в Бразилию, где уже 27 лет подвизаюсь на техническом поприще в качестве инженера-строителя. Занимаюсь писательской деятельностью. Два года тому назад был издан мною большой роман в трех томах «Контрреволюционеры». Принимаю участие также и в публицистике в зарубежной русской печати. Всю мою жизнь зрелого человека я серьезно и, можно сказать, последовательно занимался вопросами нашей российской катастрофы и теми, кто в ней сыграли в свое время главные роли. Не преувеличу, если скажу, что весьма близко и детально знаком со всем тем, что принужден был пережить наш народ после октябрьского переворота. Колебания белого фронта на Кубани, на Северном Кавказе и еще более от Крыма и до Орла показали нам, бойцам Белой армии, того врага-ненавистника, который навалился на русский народ, и все те кровотечения, которые он начал вершить в своей ЧК на нашей Родине. Ужасающие картины самых жестоких расправ этого нашего врага живы и до сей поры в моей памяти, ибо я лично шагал между тысячами расстрелянных офицеров, священников и гражданских лиц, мужчин, женщин и даже подростков. Постоянно и неизменно я слышал от живых свидетелей о том, кто были инициаторы и вершители этих несметных убийств. Это были в подавляющем большинстве случаев ЕВРЕИ.

В изгнании я не пропускал ничего, о чем писали выходцы из РСФСР — о муках и истязаниях нашего народа его бесноватыми истязателями. Больше сорока лет тому назад бежал из лагерей ББК Иван Солоневич с сыном и братом. Само его бегство представляло в те времена подвиг, сопровождаемый тысячью опасностей для жизни. Важным же его подвигом было его произведение «Россия в концлагере», в коем он поведал нам о тех же «НАЧАЛЬНИКАХ»-иудеях, о их ГУЛАГе и о десятках тысяч замученных ими русских интеллигентов. О тех же ужасах и систематическом уничтожении русского народа написал свою страшную книгу «Неугасимая лампада» другой наш мученик и герой Ширяев, переживший новый «вавилонский» погром русского народа в Соловках. О новом беспримерно жестоком предприятии-погроме «египетского» сорта — голодом — Кагановича и К° написал свою жуткую книгу «Я избрал свободу» выходец из РСФСР Виктор Кравченко. Нужно было читать в нашей печати в те времена об откровенно-злобных нападениях против этой книги еврейско-коммунистического органа печати во Франции «Леттр Франсез», чтобы иметь понятие о том, с каким упорством мировое еврейство выступило на защиту своего интернационального творения в РСФСР и не допускало упасть пылинке на его «безукоризненную репутацию». Когда же автор книги — Кравченко обжаловал «Леттр Франсез» перед французским судом в Париже, то против него выступила целая артель из евреев-журналистов: Морган и Вюрмеер; адвокатов и свидетелей: Нордманн, Эйсманн, Альперович, Кан, Зилиакус, Ламн и даже известные личности, как Жолио-Кюри, физик и декан Кентерберийский Г. Джонсон. Эта еврейская артель была, очевидно, крепко связана с тогдашними правителями Советской страны и заказала им 11 «непробойных» свидетелей. Об атаках этой международной артели против В. Кравченко описано в журнале «Возрождение» за март 1949 года, на стр. 178 второй тетради. Она из всех сил старалась доказать перед французским судом, что автор книги «Я избрал свободу» клеветал в ней на советских правителей и требовала его осуждения. Беспристрастный французский суд в открытой сессии разобрал дело и признал издателей «Леттр Франсез» клеветниками. Тут можно привести многие другие свидетельства о тех ужасах, которые творились на нашей Родине умом и руками **«избранного народа»**. В Германии во время и особенно после войны мне пришлось познакомиться с тысячами подсоветских людей из самых разнообразных слоев. Мне довелось узнать их, как родных братьев и сестер, и слышать от них о тех ужасах, которые они пережили сами или о коих слышали от других. Короткое словечко на их языке «ОНИ» обозначало угнетателей-евреев. Редко кто из них имел в Советском Союзе случаи повстречаться с евреями — добрыми людьми. Подавляющее большинство имело с ними, с этими «ОНИ», тяжелый опыт и самые неприятные последствия. Эти «ОНИ» и их дети появлялись всюду во время памятной для русского народа «колхозяции» с лоснящимися от жира физиономиями в то время, как русский люд помирал с голоду как мухи. Многие из знакомых мне в Германии и теперь тут, из людей так называемой третьей эмиграции, подтвердили в один голос все то, что мне, как белому солдату, довелось видеть и слышать о деяниях еврейства с русской интеллигенцией в заведенной ими Чрезвычайной Комиссии, где планомерно

уничтожалось все самое лучшее и самое стойкое русское и ставилось на его место все разбойно-криминальное, что было выпущено «ИМИ» из тюрем на свободу. «ОНИ» с этими их прислужниками, связанными с ними кровью неисчислимых преступлений, и командовали в «АРХИПЕЛАГЕ ГУЛАГ», на ББК, на ВОРКУТЕ, на БАМе и в тысячах других неуютных мест истязания русского народа.

Жаль, Александр Исаевич, что Вы с Вашим острым пониманием правды и правд не указали в Ваших произведениях и особенно в «Архипелаге ГУЛАГе» прямо и открыто на это важное обстоятельство пальцем. Ведь только в этом весь корень зла, который должен быть вырван основательно из почвы нашей народной жизни. Не подумайте, Боже избави, что я предлагаю тут какие-то погромные методы. Мы, пишущие что-либо в защиту нашего народа, обязаны, во-первых, освободить его от клеветы наших недоброжелателей против него, а во-вторых, серьезно обратить его внимание на мысли, выражаемые сегодня русским мыслителем в истинно-русском самиздате: **«Нам нужно христианское терпение, и в тишине, скромности и простоте делать свое дело. Наше дело — победить! Сердиться, раздражаться, тем более озлобляться и мстить — это разменивать себя на мелочи, запутываться в них и погибать».** Я особенно приветствую подобные мысли, ибо считаю, что наш народ ни в коем случае не должен вымарать свои руки в нечистой крови своих мучителей. Эти руки, сердце и души нашего народа должны обязательно оставаться чистыми, так как только такими он построит свою новую христианскую культуру и выполнит ту свою историческую миссию, которую заповедовал ему Господь Бог.

Позже в эмиграции предались некоторые из наших людей основательному и детальному исследованию и изучению вопроса о засилии еврейства в правительственной иерархии Советского Союза на ее верхах и низах. Тщательно и беспристрастно собирались данные из прошлого, из советской печати и от лиц, близко знавших партийную жизнь и людей наших левых кругов. Выверялось происхождение их, настоящие имена и народность и занимаемый в РСФСР пост. Англичанин Роберт Уильтон был первым, составившим именные списки персонала некоторых главных советских учреждений, распоряжавшихся российскими судьбами во дни убийства иудеями Царской Семьи в Екатеринбурге, опубликованные им в его книге «Последние дни Романовых». К нашему времени вопрос участия мирового еврейства в подготовке у нас революции исследован так досконально и точно, что нет больше никакого сомнения в том, что у нас в России **произошла не наша, а чуждая нам и жестокая иудейская революция**. Юридически доказана поддержка ее международным еврейским капиталом, нашей русской «передовой» интеллигенцией и также в большей мере нашей непутевой аристократией, именами которой давно уже пестреют списки нашего русского масонства. Я не знаю, насколько Вам все это известно и понятно в обстановке советской жизни. Я думаю, что Вам, как человеку, проявившему столько любви и заботы к своему подъяремному народу и с опасностью для своей жизни выступившему на его защиту, необходимо познакомиться с еврейско-русским вопросом основательно, чтобы иметь полное и правдивое представление о влиянии этого окаянного вопроса на нашу русскую жизнь до революции, во время ее и в последовавшие страшные будни. Достопримечательно то, что сами евреи думают по поводу их массового участия в еще небывалом ЧЕЛОВЕКОПОВАЛЕ, в котором они явились главными инициаторами и приказчиками. Ко дням окончательной победы на последнем Белом фронте Лейбы Бронштейна (анонима Троцкого) в Крыму, еврейская газета «Дзе Америккан Хебрец» от 20 сентября 1920 года писала: **«Большевистская революция в России была делом еврейских мозгов, еврейской неудовлетворенности, еврейской планировки, цель которых — создать новый порядок в мире». «То, что было сделано великолепным образом в России, благодаря еврейским мозгам, еврейской неудовлетворенности и еврейской планировке, теми же самыми еврейскими духовными и физическими силами будет реализовано во всем мире».**

К тем же дням «великолепного» еврейского действа приурочила старая еврейка-марксистка Аксельрод следующие слова своего сородича Ницше, приступая к своей первой лекции в Институте Красной Профессуры:

«Есть избранные и толпа, господа и рабы. Избранные призваны делать историю. Толпа — навоз истории. Воля к власти — движущая сила человеческого развития. Ею обладают только избранные! Оригинально и кстати!»

Поняли ли торжествовавшую по случаю новой иудейской победы еврейку Аксельрод ее слушатели из русских, поверить трудно. Как могли понять ее точно те люди, которые, по ее классификации, уже принадлежали к ТОЛПЕ — к НАВОЗУ ИСТОРИИ. Это были наивные пролетарские дети в юношеских летах, не имевшие никаких шансов конкурировать с теми проходимцами, которые прошли за тысячи лет своей юркой жизни в Диаспоре среди всех народов земного шара огни и воды, и медные трубы. Новоиспеченная профессорша недаром подчеркивала в те лихие для русского народа дни ИЗБРАННОСТЬ своего народа. Аксельрод захлебывалась от торжества, объявляя в России открыто и во всеуслышание

с кафедры института о себе и своих сородичах, как об ИЗБРАННЫХ ГОСПОДАХ, явившихся в страну Россию делать свою историю на свой манер. ОНИ и показали это на деле. ОНИ бичевали русский народ в застенках ГПУ под водительством Гершеля Ягоды. ОНИ же морили его голодом и холодом на просторах ЖИТНИЦЫ Европы под жестокой и бессердечной командой Лазаря Кагановича. ОНИ же загоняли миллионы наших мужчин, женщин и даже детей на Соловки, на БАМ, в Воркуту, на ББК и в тысячу других проволочных застенков своего ГУЛАГа, где один из них, генерал госбезопасности Френкель и тысячи его бездушных сородичей выкачивали по своему еврейскому ПЛАНУ все силы, все здоровье и ставшую невыносимой жизнь несчастного русского народа, обреченного на уничтожение, как НАВОЗ ИСТОРИИ. Тут, очевидно, вовсе не ИСТОРИЯ в обычном смысле слова, а тот узурпаторский СИОНИЗМ «избранного» народа, с которым так бесцеремонно и сурово расправился «Бич Божий» — Сталин.

В зарубежьи существует уже не один труд, освещающий документально страшную роль «ИЗБРАННЫХ ГОСПОД», сыгранную ими на нашей Родине. Самым выдающимся и новейшим из них является замечательный труд А. И. Дикого в двух книгах: **«Евреи в России и в СССР»** — исторический очерк, вышедший в 1967 году в Нью-Йорке, и **«Русско-еврейский диалог»** — книга, содержащая диспуты автора с видными представителями мирового еврейства по поводу первой книги. В этих двух книгах освещен ясным, наглядным и корректнейшим образом наш кошмарный русско-еврейский вопрос, требующий немедленного и радикальнейшего решения. Подобное решение можно достичь только и исключительно через открытое указание ПАЛЬЦЕМ на ту кошмарную роль мирового иудаизма, которую он сыграл в русской революции до нее, в «февраллизме» и особенно после коммунистического «октября». Без этого указания ПАЛЬЦЕМ нет преступников, а значит и суда над ними. А когда Вы, Александр Исаевич, в Вашем первом труде «Раковый корпус», принесшем Вам премию Нобеля, восклицаете строго-обвиняюще устами хирурга Льва Леонидовича: **«И это еще русский хирург! А если бы был немец или, вот, скажем, ЖЬЖЬИД», — протянул он мягко и долго «Ж», выставляя губы, — «так повесить, чего же ждать!»**

Эта Ваша реплика, без сомнения, сыграла большую роль в смысле присуждения Вам премии Нобеля. Со времени смерти Сталина весь мир потрясают еврейские вопли уже не об «антисемитизме» вожаков «русского» большевизма, а доподлинно русского народа, который даже понятия об этом не имеет. Эта Ваша реплика была великой помощью мировому иудейству, нахальному и несправедливому обвинителю русского народа. Вы выставили тут себя защитником палачей нашего народа и его обвинителем. Каждому политически-сознательному и достаточно осведомленному о судьбах родного народа в РСФСР в свое время было горько и обидно услышать от Вас подобную неправду. Ваши же рассуждения о некоем НРАВСТВЕННОМ СОЦИАЛИЗМЕ в той же Вашей книге «Раковый корпус» очень напоминают те усилия и все те попытки мирового еврейства спасти во что бы то ни стало свой **«идеальный социализм-марксизм»**. Было Вам мало, как писателю и мыслителю, всех тех социалистических вывисекций над родным народом, которые обошлись ему больше 60 миллионов зверски замученных, расстрелянных или убитых голодом, холодом и безысходной нуждой несчастных жертв. Понятие СОЦИАЛИЗМ по своей интимной сути является тем антиподом Вашей молитве, которая стала известной за рубежом. Социализм по своему обычному смыслу является материализацией человеческой жизни. Он родился из низменного чувства зависти, а не из духовных глубин христианской мысли, и эпитет НРАВСТВЕННЫЙ к нему приклеить невозможно. Мировым проходимцам стало до того, чтобы спасать любой ценой свое дьявольское оружие марксизм-социализм, и им, безусловно, понравился Ваш эпитет «НРАВСТВЕННЫЙ» к нему. Русификация и христианизация общественных отношений в современном СССР стали давно уже поперек горла нашим врагам и ненавистникам, и ОНИ, определенно, были признательны Вам и за этот **необходимый для них НАМЕК выдвинутого ИМИ в их всесильной мировой прессе авторитета... Вас.**

Наблюдательные люди в эмиграции, в том числе и я, не могли не отметить того факта, что интимная комбинация из мирового еврейства и советского государства претерпела непоправимые деформации и, можно сказать, полный раскол вскоре после второй мировой войны. До этого раскола вплоть до ее начала в 1941 году еврейство было фактическим владыкой в РСФСР. Сталин сидел за кремлевской стеной и лично не расстреливал никого, опираясь всецело на широкий круг своих приспешников, из коих было в советских учреждениях от 85 до 100% евреев. Он был допущен ИМИ на красный престол, как невменяемый монстр, который был готов, как и 25-летний сифилитик Ленин, целые сословия русских людей поставить к стенке. **Одновременно с мнимым приказчиком небывалых еще преступлений Сталин должен был играть роль громоотвода, быть тем «КОЗЛИЩЕМ ОТПУЩЕНИЯ ГРЕХОВ», который был необходим еврейству, чтобы все свои кошмарные преступления свалить позже на него. ОНО не просчиталось. Бедный «изверг» Джугашвили поволок за собой в могилу все десятки миллионов замученных и расстрелянных русских людей, а палачи Гершели, а зернозаготовщики и раскулачники Кагановичи и Френкели, — создатели убийственных методов социалистического труда в Соловках, на БАМе, в Воркуте, на ББК и в тысячах других грозных лагерей-горилл человеческих жертвоприношений Молоху, остались невинными агнцами.** Знал Сталин все досконально, что делали все эти «ИЗБРАННЫЕ ГОСПОДА» от его имени во имя своего МОЛОХА с «НАВОЗОМ ИСТОРИИ» — русским народом? Вряд ли!!! Он был исходным слепым пунктом, а ужасающие бесчинства и преступления делали ОНИ. На основании строго проверенных и документально утвержденных списков лиц, занимавших ключевые посты в высшей правительственной иерархии Советской страны России до 1939 года были: **447 — евреи, 68 — из других народностей, из коих 30 лиц были русскими и 31 — невыясненными, из которых многие или даже все могли быть евреями, ибо очень часто скрывались под чужими именами и национальностью.** Значит, евреи, как меньшинство в 1,1% в России, занимали в правительстве РСФСР до второй мировой войны в среднем 85% ответственных положений, а в некоторых учреждениях — и все 100%. Из них в те времена состояли: советодательная, планировочная и исполнительная власть. Для наглядности привожу тут число евреев в различных совучреждениях:

	постов	заняты евреями
В ЦК ВКП(б) было	85	61
В Совете Нар. Ком.	136	115
В прокуратуре	6	4
В комис. иностр. дел и торг.	131	106
В Комиссии Госплана	15	12
Во ВЦИКе	22	17
В ОГПУ	67	53
В Политупр. РКК	22	20
В Культпр. и в Совете Воинств. Безбожник.	41	41
В печати — ред. газет	12	12
В Центр. Союзе Потр. Общ.	9	7
Итого	**546**	**447+ +31 возможных**

Можно себе представить их число на второстепенных и третьестепенных постах советской правительственной иерархии! ОНИ, как саранча, налетели на нашу русскую ниву и, как спрут, опутали наш политически неискушенный народ и самого Джугашвили-Сталина и творили в нашей несчастной стране свои кошмарные суды и расправу. Ведь только в годы ИХ засилья были нагромождены в советских застенках чека глыбы неисчислимых жертв, в которых просто смешно винить одного Сталина, и тем менее теперешних Брежневых да Косыгиных, которым в дни «великого октября» было 8—9 лет.

Имели Вы, Александр Исаевич, представление обо всем этом, когда принялись искать правду для своего народа и о своем народе? У меня создалось впечатление, что Вы в Ваших политических произведениях (они ведь главным образом политические) не указали пальцем на истинных преступников и тюремщиков русского народа. Этим самым Вы не ответили искренне на окаянный русско-еврейский вопрос и не защитили свой народ от оплевывания его в мировом масштабе. С созданным для Вас мировой печатью авторитетом Вы и теперь еще имеете шанс и возможность раскрыть великую ложь перед всем человечеством и помочь своему народу на пути к уже начатому им ВОЗРОЖДЕНИЮ, о чем Вы также воздержались написать в том объеме, в каком оно наблюдается сегодня в России.

Доколе «ИЗБРАННЫЕ ГОСПОДА» крепко и самоуверенно сидели на спине русского медведя, не было в их мировой печати ни единого критического слова и тем паче хуления против ИХ творения и предприятия РСФСР. Наоборот, эта печать делала все возможное, чтобы представить РСФСР в самых розовых красках, хвалить его космополитически-коммунистическую суть, его культурный и материальный прогресс и его такой «НЕЖНЫЙ» и такой «ОТЗЫВЧИВЫЙ» на все нужды человека гуманизм.

Сколько раз созывались в Москву шумные пропагандные конгрессы из «величин» и «знаменитостей» разного калибра: ученых, профессоров, именитых писателей и поэтов, из китов мировой печати, опытных создателей общественного мирового мнения, из историков и тех политиков западного мира, которые достигли уже в своих ложах высоких ступеней посвящения и в деловой жизни — завидного богатства?! Множество из приглашенных были из тех же «ИЗБРАННЫХ ГОСПОД» и тем мутнее и с большей помпой протекали эти конгрессы. Многие разъезжались после них по домам с орденами «великого» Ленина, другие с пачками долларов и с заданием строить дифирамбы стране интернационального коммунизма и ее «гуманистам», умевшим тщательно скрывать свой кошмарный ЧЕЛОВЕКОПОВАЛ. В кремлевских залах после закрытия конгресса давался прощальный пир, шипело шампанское, вкус щекотался паюсной икрой. Кто думал тут о каком-то там ЧЕЛОВЕКО-

ПОВАЛЕ, а если кто и знал о нем что-нибудь, то держал язык за зубами, так как был своим «избранным» человеком, посвященным, так сказать, в семейные тайны. Долго после подобных конгрессов писались оды и дифирамбы в международной печати государству РСФСР и его создателям и заманывался свободный мир в тот же коммунистический «РАЙ». И этот туман лжи и порока заволакивал перед глазами человечества ту кошмарную тюрьму, в которой изнывал наш русский народ.

И гляньте, Александр Исаевич, сегодня! Та же самая артель из знаменитостей, из писателей и поэтов и из китов мировой печати, которая три десятка лет тому назад возлагала лавровые венки на головы гениального отца народов Сталина и его иудейских приспешников, воспевала их гуманизм и материальные достижения, льет уже третий десяток лет ушаты помоев и мечет гром и молнии не только против Сталина и его наследников: Хрущева, Брежнева, Косыгина и других, а еще больше против того русского народа, который отверг «спасительный» коммунизм интернационального толка и все больше уходит прочь от него в национал-христианизм. Мировая еврейская печать воем воет против русских «антисемитов» и «погромщиков» и **призывает на защиту «бедных» преследуемых евреев весь свободный и китайский мир.** Что означает этот такой крутой и неожиданный поворот в отношении самой **«гуманной»**, самой **«прогрессивной»** и самой **«свободолюбивой»** страны СССР? Что произошло в этой стране такое, что вызвало этот такой крутой поворот, этот такой тесно-интимный разрыв еврейства с СССР? Не отказалось ведь мировое еврейство добровольно от своего огромного и такого богатого «навозом истории» и материальными ресурсами плацдарма мировой революции — России. Оно ведь долгие годы трудилось над тем, чтобы удовлетворить свою «еврейскую неудовлетворенность» и на русских плечах выехать из постылой Диаспоры в свой некий СИОНИСТСКИЙ РАЙ. Были ведь принесены жертвы, много денег было уложено в предприятие РСФСР и еще больше и больнее этот страшный удар по еврейскому самолюбию, так долго и много мечтавшему о своем абсолютном преобладании в мире. Ведь рухнуло все то, **«что было сделано великолепным образом в России благодаря еврейским мозгам, еврейской неудовлетворенности и еврейской планировке». Вот в этом-то и заключается сегодня истинный смысл мировой иудейской пропаганды — «ХАЙКИ» не столько против СССР и его порядков, сколько против русификации большевизма и еще больше против уже заметного изживания его русским народом, тянущимся неудержимо к своему национальному и к новому христианскому образу жизни русской общественности. Для мирового еврейства и его планов этот крутой поворот в нашей стране представляет смертельную опасность. Оно с небывалым еще рвением собирает все свои силы, все свои средства и всю свою лживую дипломатию дабы создать единый фронт против грядущего русского ВОЗРОЖДЕНИЯ.**

Конгрессы из знаменитостей западного мира не собираются больше в Москве, а прежние оды и дифирамбы Советскому Союзу превратились в ругню, поношение и очернение его перед всем миром. Писатели, поэты, историки, ученые и академики, люди мировой печати, которые раньше захлебывались от восхищения советской страною на конгрессах в Москве, повергли неожиданно острие своего языка сначала против Сталина и его русской большевистской артели, а теперь уже и против русского народа — «антисемита» и «погромщика». **То, что творила в России в свое время иудейская верхушка, ставилось в вину козлищу отпущения грехов Сталину и его русским сотоварищам. Евреи в СССР были, согласно этой оголтелой пропаганде, невинными мучениками, жертвами преследований и всевозможных ограничений, а не долголетними и самыми неумолимыми тюремщиками, погонщиками и убийцами русского народа.**

Создавшееся для них положение в связи с потерей гегемонии в СССР было настолько критическим, что они, пользуясь «ОТТЕПЕЛЬЮ» в СССР после войны, сразу приступили к формированию там своего «демократического» фронта с явной целью создать предпосылки для нового «ФЕВРАЛИЗМА», а затем и к восстановлению своего вседовлеющего влияния на судьбу русского народа. Их сородичи должны были выступить лично на арену политической борьбы, так как русских «жертв революции» пока еще не было. Тут-то и началось создание революционного «ШТИММУНГА», мирового плача по заключенным в тюрьмах и психиатрических лечебницах еврейским мученикам. Создавалось в СССР искусственно такое же настроение, какое царило в преддверии революции когда-то в царской России. Мировая (читай еврейская) печать рвала и метала, требуя прав и гуманности для своего еврейского человека в Советском Союзе, где тот почти беззаконно в сравнении со сталинскими временами критиковал им же самим созданный там режим, пытался похищать аэропланы для бегства в Израиль и даже поднимал уличные демонстрации. Мобилизовались влиятельные люди из русской среды в самом СССР для защиты «бедных» евреев. Создавались авторитеты, которые бы громили непослушную Московию и мешали бы ей на пути к национал-христианскому возрождению. «Избранные господа» впутывают в свое

«предприятие» генерала Григоренко и ссылаются на его авторитет.

Своей анонимной ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММОЙ и мадам Боннер они опутывают академика Сахарова, написавшего, очевидно, под их влиянием 2-й и 3-й тезис своего меморандума, в которых открыто выражены им уже готовые иудейские планы для превращения непослушного СССР в «демократическую республику» современного западного образца, расчлененную в многочисленные национальные государства, которым бы **«поработительница» Великороссия** обязалась выплачивать огромную контрибуцию за нанесенный им материальный и моральный ущерб. Эта федеративная республика по планировке мировых расчленителей, которой строго следовал новоиспеченный русский (если русский) «передовик» Сахаров, должна была отказаться от собственного суверенитета и подчиниться в будущем некоему Мировому ПРАВИТЕЛЬСТВУ. Совершенно ясно — от кого недалекий политический академик получил шпаргалку о РАСЧЛЕНЕНИИ России. Ни один национально сознательный и добронамеренный русский человек не должен и не смеет никогда забывать беспринципный «ЗАКОН о ПЛЕНЕННЫХ НАЦИЯХ. PL 86—90», задуманный нашими смертельными врагами в 1958 году в октябре на сборище представителей американских государств в Антигве, в Гватемале. На основании резолюции этого сборища этим нашим врагам удалось, пользуясь исключительным влиянием в США, провести и утвердить вышеупомянутый закон на заседаниях американского КОНГРЕССА в Вашингтоне 6—8 июля 1959 года. **Академик Сахаров цитировал расчленение России точно по «шпаргалке», написанной для него с этого «ЗАКОНА» услужливыми инкогнито.** В чем дело, Александр Исаевич? Откуда столько злобы и ненависти у мирового иудейства против собственного творения СССР? Должно было произойти нечто из ряда вон выходящее между этими двумя факторами мирового значения. Должно было произойти нечто, что позагоняло множество всесильных «избранных господ» в концентрационные лагеря и в суровые тюрьмы. Взбунтовался против них русский **«навоз истории»** и так немилосердно ударил их по шапке? То, что писали об этом «избранные господа» в СССР позже, после «оттепели», не оставляет никакого сомнения в том, что кара была суровой и беспощадной. «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, книжка А. Амальрика, полная ненависти к «навозу истории», в которой он предвещает гибель России до 1984 года, и многие другие махания еврейскими кулаками после драки указывают на то, насколько болезненно переживали ОНИ свое поражение. То, что ОНИ сами писали о своих планах, о делах и разочарованиях в своей прессе за границей, вполне разъясняет вопрос. В газете «Мундо Израэлита» от 7-1-1953 года писалось по поводу приговора одиннадцати еврейских интернациональных коммунистических вожаков к расстрелу в Праге:

«Ужасное происшествие разбудило глубокий отзыв у еврейства и в Медината Израиля, где объясняется, что Россия объявила войну иудейскому миру».

В другой еврейской газете «Давар» писалось в ту пору:

«Выражения, употребляемые на пражском процессе, как «заговор мирового еврейства», полностью соответствуют антисемитской пропаганде царской России».

Министр-президент Израиля Давид Гурион сказал по поводу того же процесса в Праге:

«Положение в высшей степени серьезно. Я бы был счастлив, если бы оно не вызывало ужасный трагический оборот, которого я не хотел бы называть».

Не хотел новый Моисей иудейского народа произнести слов: **«Третья мировая война»?** Это более чем вероятно. Еще более чувствительным ударом для мировой политики и планов «избранного народа» был категорический отказ Советского Союза подчиниться ультиматуму мирового еврейства отдать продукцию атомного оружия под еврейский контроль. **Президент США Трумэн сменил в 1945 году Атомконтроль Военного Ведомства контролем независимой и только ему лично подчиненной, но не ответственной перед Конгрессом, Комиссии. Из пяти членов ее трое: Лилиенталь, Страус и Вахер были, как и сам Трумэн, евреи. Лилиенталь был председателем этой Комиссии, а кроме того коммунистом-интернационалистом.** Можно предполагать, что мировое еврейство видело в ту пору в атомной энергии и тем более в бомбе из нее, **испробованной ими в Хиросиме и Нагасаки и демонстрированной этим путем перед глазами всего человечества, как еще небывалое всеуничтожающее оружие, свой могущественный шанс, который поможет сионизму в борьбе за преобладание в мире.** Контролируя уже атомную энергию в США, оно предъявило свой ультиматум через ООН и Советскому Союзу, чтобы тот поступился своим суверенитетом и подчинил бы свою продукцию атомному контролю той же Комиссии. Кремль категорически отклонил этот ультиматум. **Весной 1947 года началась подготовка третьей мировой войны, набросок плана которой так картинно представил в своей книге «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» советский еврей А. Амальрик.** Пока до «горячей» войны было еще много времени, мировое еврейство объявило СССР свою «холодную» войну, а его эмиссары торопливо забегали по всему

свету, стараясь примирить коммунистическую Азию и подружить ее с ультракапиталистической Америкой. Этим было положено еврейством начало окружения СССР извне. Своей «демократической программой», устами таких, как Сахаров и других разрушителей нашей страны была начата бешеная пропаганда внутри России за расчленение, за наказание Великороссии и за передачу такой внутренне растерзанной какому-то Международному (читай иудейскому) Правительству. Нечистая сила выпускает очень неохотно из своих липких лап душу, которой уже владела однажды. Тут в Бразилии вышла в самой большой и серьезной газете «О Эстадо де Сан-Пауло» от 16-2-74 года статья известного издателя известного органа мировой печати «Нью-Йорк Таймс» Гаррисона Е. Салисбюри. Эта статья лауреата премии Пулитцера за интернациональное репортерство в 1955 году была написана специально для упомянутой выше бразильской газеты и **целиком посвящена Вам, Александр Исаевич, и Вашей идейно-политической** ориентировке. Рассматривая Вас, как важную фигуру политической игры против СССР, знатоком которого является автор статьи, он анализирует Вашу деятельность в ней с точки зрения утилитарной. На это указывает и сам заголовок его статьи «Для Москвы существует еще риск». Салисбюри, как еврей и возможно мировой брат, хочет видеть в Вас все еще неизношенное оружие против Советского Союза, могущее и дальше угрожать ему. В дни, когда Вы подверглись изгнанию из СССР, мировая печать писала с глубоким сожалением по этому поводу. **Для мировых «интересов» было, очевидно, очень важно, чтобы вы и дальше оставались в клетке с красными «волками» и разоблачали бы преступления тов. Сталина и «русского большевизма» на весь мир.** У меня тут появилось даже убеждение в том, что **для этих «интересов» было бы очень желательно, чтобы русские большевики растерзали писателя Солженицына вместо того, чтобы так просто и гуманно выпустить его на свободу и обещать к тому же прислать к нему в Европу живых и здоровых жену и детей и даже библиотеку с писательскими набросками и заметками. Сородичи проводников этих самых «интересов» в СССР в свое время** не допустили бы ни за что **такой гуманности, если вспомнить, что гершелевские и кагановичевские сатрапы расправлялись без пощады с русскими людьми лишь за пару подобранных на советских нивах колосьев.** Можете Вы себе представить, Александр Исаевич, с какими шумом и гамом и притворными слезами эксплуатировали бы мировые спекулянты такую «ЖЕРТВУ» за «право» и «свободу» человека, как ВЫ? Мировая печать захлебывалась бы, науськивая уже не против мертвого Джугашвили и его красных инквизиторов мировое мнение, а прямо против России и ее народа — «антисемита» и «погромщика».

Говоря в своей статье о Ваших политических идеях и целях, Салисбюри сообщает читающему миру поистине неслыханные вещи. Перевожу тут дословно с бразильского языка несколько фраз из его статьи:

«Согласно с мнением писателя (т. е. с Вашим. — **В. К.) народы различных национальностей, живущие в Советском Союзе, между которыми находятся: украинский и прибалтийский народы, кавказские и Центральной Азии, порабощены и лишены свободы государственным шовинизмом. Это второй пункт, который, по мнению Солженицына, должен быть разрешен».**

Впервые узнаю, Александр Исаевич, что и Вы, как и академик Сахаров, получили от наших ненавистников и недоброжелателей ту же самую ШПАРГАЛКУ о расчленении России, которую они списали для Вас **со своего «Закона о плененных нациях. P. L. 86—90».** Настаиваете Вы в самом деле на РАСЧЛЕНЕНИИ России? Имеете Вы представление о значении и последствиях подобной операции для нашей страны и для народа? Отдаете Вы себе отчет в том, для кого выгодна подобная операция «разделяй и властвуй»? Поверьте мне, что я узнал об этом впервые из статьи авторитетного Салисбюри и был просто огорошен. Поверьте мне также, что, если я окончательно поверю этому иудею, то буду Вас презирать до глубины души за измену своей Родине, какая бы она ни была! Особенно преступно и со стороны Сахарова, и Вашей, зная о возрожденческих сдвигах в толще русского народа, мешать ему подобной непрощаемой изменой. Оттуда в Ваших произведениях Иваны Денисовичи, сюсюкающие целыми днями над френкелевской баландой и с энтузиазмом идущие на бессмысленную социалистическую работу. Оттуда же и все Ваши неполноценные герои и героини из «Ракового корпуса», сексуально-помешанные, сквернословящие и представляющие из себя типичный «навоз истории», о котором с таким убеждением говорила в свое время «избранная госпожа» Аксельрод. А мы тут, за рубежом, познакомились во время и после войны с совершенно другим типами наших соотечественников ОТТУДА. Миллионы их вольно или невольно появились на Западе, в воюющей Германии, мужчины и женщины. Эти люди появились тут со всей России и были в самом деле убедительнейшим доказательством того, что Ваши литературные типы русских людей, их язык и их нравы были сплошной выдумкой и, я бы откровенно сказал, поклепом на родной народ, который Вы представили именно таким, каким бы хо-

тел его видеть заносчивый и испорченный Запад и наши русские недоброжелатели. Я был лично знаком с немецким женским врачом в Гамбурге, который по должности освидетельствовал тысячи русских девушек, привезенных немцами из Советского Союза на работу, так называемых в ту пору ОСТ«овок» в возрасте от 14 до 25 лет. Этот врач нашел среди горожанок около 70 процентов, а среди провинциалок 90 процентов нетронутых и выразил свое откровенное мнение о РУССКИХ: **«Русские — здоровый и высоко морально стоящий народ, которому несомненно принадлежит будущее. Среди наших тут возрастом в двадцать и больше лет вряд ли найдется 5 процентов нетронутых». А Вы, — «мировой авторитет по русским делам», — раздеваете нашу бедную Зою донага перед всем грязным Западом и услужливо помогаете нашим врагам и ненавистникам клеветать на родной народ.** Во время войны и особенно после нее мне довелось очень близко познакомиться с нашими людьми из СССР, с тысячами из них, разных по племенной принадлежности и особенно дружных и порядочных в коллективной жизни в условиях лагерей. Могу сказать с особым ударением, что из множества лагерей, где жили беженцы самых разнообразных национальностей, русские были самыми спокойными, самыми опрятными и самыми пристойными в смысле поведения их обитателей. В них были перемешаны все народности нашей просторной страны, и мне не пришлось заметить ни одного намека на необходимость расчленения России. **Я отказываюсь понимать, как Вы, как мыслитель и христианин, поддались наущениям нечистой силы и проповедуете по белу свету необходимость заклания нашей великой страны.**

Вам, Александр Исаевич, наверняка известно о больших сдвигах в толще русского народа в СССР, начавшихся ТАМ уже давно, со времен войны. Вы не могли не заметить там истинно русского подполья, откуда вышли такие люди, как СОЦИАЛ-ХРИСТИАНЕ, объявившие борьбу за освобождение народа, как ПАТРИОТЫ, выпустившие в СССР свой манифест «Слово НАЦИИ», и многие другие, которые решительно обошли цензуру и с помощью своего широкого САМИЗДАТА зовут свой народ к национальному возрождению, к возврату к истинно христианской мысли и к единению против антихристианских покушений на свою судьбу, а не к расчленению и и новым братоубийственным междоусобицам. Почему в Ваших трудах ни слова о всех тех истинно русских идейных течениях, которые являются, по-моему, и предшественниками, и современниками ваших произведений? Почему Вы протянули Вашу руку в поисках героев Ваших книг в окровавленные времена тех, которые теперь так ненавидят наше наступающее воскресение? Над Вашими героями, обесчеловеченными и загнанными в могилу, уже маячит тень огромного креста-памятника над миллионной братской могилой, который будет воздвигнут свободными поколениями в будущем. Почему Вы не написали ровным счетом ничего о новых русских людях Вашей страны, о новых надеждах Вашего народа, которые он почерпнул в титанической борьбе против западного нашествия и показал в ней, что он вовсе не то, что о нем пишет писатель Солженицын, что он вовсе не думает о РАСЧЛЕНЕНИИ своей Родины, а бился, как ни один другой народ в мире, за единство своей страны, за родившуюся в этой борьбе НАДЕЖДУ и за наступающий рассвет? Мы знаем тут, за рубежом, что наш народ не шел на смерть за интересы Третьего Интернационала. Совершенно логично также думать, что народ, разбивший самую совершенную военную машину в мире, вовсе не тот, каким Вы представили его в Ваших книгах. Вы не поняли своего народа, не заметили в нем воскресения духа и нарождения новой Надежды после того, как интернациональный красный спрут отвалился от его измученного тела. Против нашествия западных орд шли не Иваны Денисовичи, мечтавшие только о лишней порции советской баланды, и, определенно, не Ваши хилые, больные и сексуально-помешанные парии советского порядка. Все это у Вас выглядит так искусственно-пропагандно и умышленно мизерно, что просто хочется отвернуться от своего собственного народа. На весь мир раззвонили эту Вашу серенькую небылицу наши враги, дабы унизить и оскорбить русский народ. **Наше русское несчастье — наше русское дело.** Никто на Западе не выразит нам сочувствие за Вашу «серость». Никто и пальцем не двинет тут, чтобы помочь Вашему Ивану Денисовичу. **Наоборот, полвека культурный запад только и делал, что укреплял советскую тюрьму, а теперь по инициативе мировых проходимцев готов принять участие в расчленении России по готовому уже «Закону о плененных нациях».**

Перед нами, русскими, стоят самые серьезные задачи: защищать нашу страну и народ от возможного комбинированного западно-восточного нашествия, а не выставлять свой народ юродивым и прямо приглашать наших врагов нападать на него. Мы должны помогать ему изживать те остатки иудейского нашествия и марксизма, которые нанесли ему за последние полвека тяжелые духовные и материальные потери. Мы обязаны показать ему ту спокойную дорогу к возрождению, на которой он не только сохранит свои и без того надорванные силы, но и восстановит их настолько, что Запад и Восток призадумаются, прежде чем напасть на него со всех сторон, расчленить его, разорвать

нашу страну на куски и ограбить ее окончательно. Не знаю, знакомы ли Вам мудрые мысли наших новых русских людей в Советском Союзе, которые думают, чувствуют и поступают совсем иначе, чем поступаете Вы, Александр Исаевич. Передо мною статья из самиздатовского журнала «ВЕЧЕ» под заголовком «Мысли-Прожекторы», в которой пишет некий сильный и благоразумный русский человек:

«Нам, русским, нужно иметь огромную выдержку. Нас раздражают и нас пытают, нас провоцируют, чтобы узнать наше слабое место и потом нас сразить. Нам нужно христианское терпение и в тишине, скромности и простоте делать свое дело. Наше дело побеждать! Сердиться, раздражаться, тем более озлобляться и мстить — это разменниваться на мелочи, запутываться в них и погибать».

А Вы, Александр Исаевич, наделали столько шума, и перед кем?! Перед теми, которые уже признали «ЗАКОН» о расчленении нашей Матушки-России и, быть может, уже завтра ринутся со всех сторон, чтобы рвать ее на куски и распинать нашу дорогую Великороссию еще раз на кресте. Если Вы делали это несознательно, из-за незнания истинного мирового положения вещей, то Вы обязаны исправить Ваши ошибки и взять свой народ в защиту разумно и по-настоящему, а не расчленять его вместе с нашими недругами и вызывать новые испытания и кровотечения родного народа. Передо мною другое сильное политическое мнение наших новых людей в СССР, выраженное ими самиздатовским путем в форме МАНИФЕСТА с заголовком «СЛОВО НАЦИИ». Содержание его слишком серьезно и мудро, чтобы представлять современных наших людей в советской России теми париями, которыми полны Ваши произведения. Это не Костоглотовы и не Иваны Денисовичи. Они заканчивают свой манифест так:

«Подведем итог: ...для нас не столько важна победа демократии над диктатурой, сколько идейная переориентировка диктатуры, своего рода идеологическая революция. Такого рода революция может совершаться и бескровно. Да здравствует победа христианской цивилизации над взбунтовавшимся против нее хаосом! Да здравствует великая ЕДИНАЯ и НЕДЕЛИМАЯ Россия! С нами Бог!»

А писатель Александр Исаевич Солженицын проповедует РАСЧЛЕНЕНИЕ ее. Что случилось с Вами, Александр Исаевич? Лжет еврей Салисбюри в своей статье, приписывая Вам подобные мысли о нашей Родине, или Вы в самом деле и всерьез склонны помогать нашим врагам расчленять ее по всем несуществующим швам?

С совершенным уважением,
Василий Иванович КРИВОРОТОВ.

Николай Тетенов

Кому служит Солженицын?*

Мировая печать настолько вознесла деятельность А. Солженицына, что даже невинный анализ его политических «предсказаний» мгновенно вызывает гнев среди его почитателей. Не в пример новым эмигрантам, которые открыто ненавидят Солженицына и роются в его прошлом, чтобы отыскать любые признаки юдофобии, — русские люди, напротив, все еще восторгаются лукавой премудростью Солженицына и курят ему фимиам, начиная от Синода Русской Зарубежной Церкви и кончая пораженческим журналом «Континент», который низкопоклонством отметил его 60-летний юбилей: «Человек, который стоит целой страны» (Тибор Меран, «Континент», № 19). Так, негодуя против одних вождей, русские эмигранты создали себе новое идолище.

Следует напомнить, что своим благополучием и мировой славой Солженицын обязан не русской эмиграции, а еврейской прессе. Иван Солоневич — блестящий журналист и талантливый литератор — пользовался успехом только в среде русской эмиграции, которого сионские мудрецы не пустили даже на порог мировой известности.

В чем причина, что одного узника ГУЛАГа замолчали, а другого вознесли до небес? Ссылка на «случайность» тут явно недостаточна. Чтобы подняться на головокружительную высоту, здесь не то что случай, тут и крылья не помогут. Чтобы понять секрет успеха Солженицына, нам следует обратиться к сообщению газеты «Новое Русское Слово» от 27 апреля 1976 года: «Солженицын приглашен

* Статья перепечатана из журнала «Русское Самосознание», издающегося в США на русском языке.

в Израиль». В заметке сообщалось: «Израильский парламентский комитет по приглашению Солженицына направил писателю официальное письмо, призывая его посетить Израиль. В направленном Солженицыну послании подчеркивается деятельность Солженицына в защиту Израиля и сионизма, а также борьба за права человека и русского (?!) народа».

Если «права человека», изобретенные масонством для проникновения в чужие страны, еще как-то можно притянуть за уши к русскому народу, то при чем тут защита государства Израиль и его расистской идеологии сионизма? Такая «похвала» русскому православному человеку должна быть хуже всякого оскорбления, позорнее, чем напоминание о сотрудничестве с нацистами.

В статье «Чем грозит Америке плохое понимание России» (а почему бы не наоборот?) А. Солженицын снова подчеркивает то, о чем он заявил 6 лет назад в «Письме к вождям Советского Союза»:

«По отношению ко всем окраинным и заокраинным народам, насильственно втянутым в нашу орбиту, только тогда чисто окажется наше раскаяние, если мы дадим им подлинную волю самим решать свою судьбу». («Русское Возрождение» № 10, 1980).

Что это за демократический фарс: где и когда ныне живущие нации решали историческую судьбу? В лучшем случае политические дела народ доверяет своим представителям, успех которых зависит от их честности и мудрости.

Как видно из заявления, Солженицына волнуют не интересы государства и не судьба русского населения, живущего на окраинах, а «чистота личного раскаяния».

Следуя рецепту диссидентов, Солженицын предлагает «России выйти из СССР», оставшись с «огородами», и обречь страну на медленную, но верную смерть. Что может позволить себе фантазия художника, того не смеет государственный деятель.

В одной из своих статей, справедливо осудив керенщину, промотавшую демократические свободы за короткий срок, Солженицын предлагает снова «допустить все религии без притеснений», «свободное книгопечатание, свободную литературу и искусство» (стр. 47), чтобы надолго утопить страну в крови и анархии.

Страна, которая на протяжении десятилетий жила ограничениями и запретами, ни в коем случае не может позволить обличителям-диссидентам втоптать себя в грязь, открыв все двери настежь. Подбрасывая народу опасные идеи, Солженицын должен учитывать их последствия, о которых предупреждал Ф. Тютчев:

«Ты бурь заснувших не буди:
под ними хаос шевелится».

Солженицын почему-то негодует на западные средства информации, ведущие пропаганду, направленную на Советский Союз. «Так бездарно используется могучее средство, — пишет он, — которое есть в руках Соединенных Штатов, для того, чтобы установить взаимопонимание и союз с угнетенным русским народом» (стр. 43).

Западные средства информации совсем не бездарны; они уже оболванили миллионы людей в мире, но ревность Солженицына требует довести этот процесс до предела.

Взаимопонимания с русским народом как раз надо искать русской эмиграции, оторвавшейся и порвавшей с ним духовную связь. Соединенные Штаты, как ведущая страна Запада, хорошо знают свое дело и уверенно идут по стопам Гитлера, культивируя закон PL 86—90, по которому русский народ объявлен народом-угнетателем.

Совсем недавно, в подтверждение жизненности этого закона, «Голос Америки», ссылаясь на брошюру покойного торговца порнографией А. Амальрика, снова предсказывал гибель России в ближайшие 3—4 года. Учитывая открытую антирусскую пропаганду западными средствами информации, Солженицыну следовало бы не спешить к ним с советами, чтобы не навлечь на себя упрека, подобного тому, который бросил Тарас Бульба предателю-сыну перед его смертью: «Ну что, помогли тебе твои ляхи!»

Упрекать в бездарности следует не американскую, а советскую пропаганду, которая настолько примитивна, что ей не верят даже самые невежественные люди. Секрет «бездарности» состоит в том, что средства идеологического воспитания в Советском Союзе все еще находятся в руках крипто-евреев (т. е. евреев, прикидывающихся русскими), занятых тем, чтобы сеять смуту и вызывать отвращение к порядку. Здесь изобретательность иудеев поистине неистощима: от организации колхозов (куда они загнали уцелевших после раскулачивания крестьян, предварительно обобрав их до нитки) и до создания тошнотворного культа вождей.

Довести гоев до полного отупения с тем, чтобы захватить власть над ними, — в этом и заключается цель мирового сионизма. Ужас растлевающего влияния сионистов в России сказался не только на стравливании и взаимном уничтожении людей, сколько на выкорчевывании духовных корней, без которых любая нация превращается в сброд — в иванов, не помнящих родства. Путем искусной демагогии врагам России удалось соблазнить многих из народа на разрушение собственных святынь — православных церквей и памятников, на уничтожение

ценных исторических книг, без которых нация ослепла, потеряв связь с великим прошлым, не зная как найти выход из духовного тупика. И вот, по мере того, как стала спадать пелена с глаз русского народа, иудейский мир забил тревогу во все колокола об антисемитизме, национал-коммунизме и даже фашизме в России.

Солженицын утверждает, что «коммунизм нельзя остановить никакими уловками детанта, никакими переговорами — его может остановить только внешняя сила или развал изнутри» (стр. 56).

Категоричность Солженицына убеждает нас, что если на «развал изнутри» (фраза-то взята прямо из «Сионских Протоколов») нет никакой надежды, то остается «внешняя сила». Но где эти храбрые легионы? Возьмите меня в барабанщики! Или опять понадеемся на дядю Сэма, как когда-то уповали на Гитлера? Но Гитлер планировал истребить только половину завоеванных им народов, тогда как Запад с «правами человека» уже сейчас с помощью наркотиков, сексуальных извращений, рекламы и поп-музыки превратил свои народы в безвольную массу потребителей, годную в историческом плане разве что для удобрения.

Обличая советскую власть и обходя молчанием захват мира сионистами, Солженицын, по существу, сражается на стороне врага. Вот только тогда чисто будет раскаяние Солженицына, когда он с мелких тем политучебы «не смешивать» «русский» со словом «советский» или «СССР — не Россия», переключится на разоблачение идейных врагов человечества, оставив стрельбу по воробьям простым людям.

Максималисты по природе, сионисты жестоко преследуют тех гоев, которых они не сумели себе подчинить. Только этим можно объяснить их критику Солженицына, который как будто бы и не заискивает перед ними, а кое-где даже старается их лягнуть. Но это только внешне. Внутренне он связан с ними нерасторжимыми узами, родством и благополучием. Что касается мудрецов Сиона, то они лишь посмеиваются в кулак над идеализмом рядовых евреев, не посвященных в глубокие тайны мировых интриг, и уверенно направляют Солженицына в своих разрушительных антихристианских целях, зная наперед, что он не посмеет перешагнуть известную черту.

Как опытный канатоходец, лавирует Солженицын между русскими и евреями, срывая жирные купоны за свою поистине артистическую деятельность политического двурушника.

Елена Котомкина

Обыкновенный цинизм?

Наше замечательное время осуществляет многие идеалы Октябрьской революции. Экспроприируется чужое имущество, чем славятся отделившиеся прибалтийские республики; устанавливается всеобщее равенство (перед законами рынка), при всесторонней поддержке газет и телевидения разрушается пережиток прошлого — семья, выбрасываются в мусорную корзину любовь к Отечеству и прочие «предрассудки», и, наконец, кухарки, похоже, допускаются к управлению государством.

Прочитав в «ЛГ» № 41 предложение обозревателя этой газеты Н. Логиновой открыть рубрику «Между нами, домохозяйками...», я решилась не отставать от предложенной инициативы. Тем более, что нахожусь я под сильнейшим впечатлением от статьи А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию».

«Мы на последнем докате,— прочитала я там,— ...приходится признать: весь XX век жестоко проигран нашей страной, достижения, о которых мы трубим, все — мнимые... Мы сидим на разорище... Наималейшие народности... благополучно жили в царской «тюрьме народов», а к вымиранию поволокли их мы, коммунистический Советский Союз... Поклониться Белоруссии и Украине мы должны за чернобыльское бедовище, учиненное карьеристами и дураками советской системы, — и исправлять его, чем можем».

Хотя Россия тоже пострадала от атомной аварии, ну да это, надо полагать, — мелочи, не стоящие упоминания; с другой же стороны и не такие уж дураки учинили чернобыльское бедовище, потому что скольким иностранным державам предоставили возможность провести бесценные научные исследования в условиях уникальной ситуации крупной атомной аварии (одна французская фирма даже сильно усовершенствовала свой

прибор, о чем нам радостно сообщили в несколько запоздалом чернобыльском телемарафоне), все же как не согласиться с великим писателем, который, подобно грозному ветхозаветному Савафу, — богу разящему и карающему — развернул длинный свиток наших страшных дел и бед, от чего засочилась кровью душа.

«Надо перестать попугайски повторять: «мы гордимся, что мы русские», «мы гордимся своей необъятной родиной», «мы гордимся...» — как камни падают на склоненную голову слова. Те, к кому обращается писатель, наверное, ядреные, гордые, заносчивые, они — любители «протягивать лапы к чужим жизням», строить крупномасштабные планы на будущее, — но и мне, доедающей свой последний килограмм сахару и штопающей мужу носки, мне тоже не по себе, ведь и я, что наверняка бы осудил писатель, русская. Чувство такое же, как в универсаме, где проверяют твою сумку: знаешь, что ничего не припрятала, а все-таки мурашки по коже.

Кажется, дальше не продохнуть, но тут-то и рушится большая скала, раздавив остатки побуждений и подлых, самолюбивых мыслишек: «Так устроен человек, что всю эту бессмыслицу и губление нам посильно сносить хоть и всю нашу жизнь насквозь, — а только бы кто не посягнул обидеть нашу нацию! Тут уже нас ничто не удержит в извечном смирении, тут мы с гневной смелостью хватаем камни, палки, ружья и кидаемся на соседей поджигать их дома и убивать...»

Чтобы хоть как-то отвлечься от невыносимого гнета собственных грехов, я судорожно раскрыла первую попавшуюся книгу — так иногда делаешь, если уж совсем невмоготу, даже пожуешь чего-нибудь: все легче... «Степа был хорошо известен в театральных кругах Москвы, и все знали, что человек этот — не подарочек. Но все-таки, что рассказывал администратор про него, даже для Степы было чересчур. Да, чересчур. Даже очень чересчур...»

«Все равно «Советский Социалистический» развалился, все равно! — неотвязно крутится между тем в моей голове обрывок шквалообразного солженицынского текста, — и выбора настоящего у нас нет, и размышлять-то не над чем...»

Какой-то слабый голосок умоляюще заныл вдруг в душе: ну, почему нет выбора, почему размышлять не над чем, а как же те люди, с которыми встречаюсь я каждый день в очередях и на улицах? Ведь они вполне нормальные, хорошие, близки мне заботами. Иногда поделятся своими трудностями и только подивишься какой-то их ладности, какому-то свету в их душах. А уж если в больницу, не дай бог, попадешь, или в одном вагоне с таким разговорчивым окажешься — десять раз себя пристыдишь за свои грехи. А человек такой на тебя подивится: «Что ты, дочка, — самоуничижение паче гордости. Еще всего в своей жизни навидаешься, а мне вас всех жалко. Дай-то Бог вам здоровья...» Что-то непохож такой человек на кидателя камней, поджигателя соседа. И пальтишко у него простенькое, но аккуратное, и улыбка искренняя, а уж если окажется в руках его гармошка — ну, там, встретится он вам в магазине музыкальных инструментов, куда вы зашли детскую флейту посмотреть, чтобы ребенок ваш городской легкие себе развивал — так он по гармошке пройдется неказистыми своими трудовыми руками, и сразу отляжет тяжесть с души, и даже, извините, какая-то непрошенная гордость комом в горле встанет.

Или вот вспомнились мне молоденькие солдаты, устранявшие последствия Чернобыля и там облучившиеся. Неужто же и они входят в требовательное солженицынское «МЫ», за которое «до поклона, растроганно и слезно» благодарит Черниченко в «ЛГ» № 40? И если не входят, тогда кто же такие «Они», остающиеся в результате простейшего вычитания? Вот вопрос вопросов.

«Пробуждающееся русское национальное самосознание во многой доле своей никак не может освободиться от пространнодержавного мышления, от имперского дурмана, переняло от коммунистов никогда не существовавший дутый «советский патриотизм» и гордится... «великой советской державой». Надо полагать, имеются в виду те бедолаги, которыми для приличия на несколько процентов разбавлена наша потрясающая команда Президента, Союзный и Российский парламенты? Так ведь их, если даже они и прорвутся к микрофону, пока отдыхает Собчак, Станкевич и Фильшин, можно в любой момент утопить, как торчащую кнопку. Не правда ли, очаровательна была добродушная бесцеремонность, с которой Лукьянов не давал договорить Василию Белову, а как молодцевато усадили на место неугомонного генерала Ахромеева, старомодно предостерегавшего о развале армии. А как ловко Силаев с Явлинским срезали генерала-полковника Макашова и полковника Кутукова на встрече с военными специалистами, они ведь задавали назойливые вопросы, абсолютно выпадающие из контекста разговора, были направлены на деструктив, как тонко подметила безукоризненно честная газета «Известия» № 264.

Помнится, лет восемь назад с такой же хозяйской беспардонностью на встрече с писателями в ЦДЛ наш главный покровитель идеи поворота северных рек — Израэль прервал нескладные сетования Владимира Крупина, волновавшегося по поводу возможного затопления могил наших предков, презрительно процедив: «Эт-то все эмоции».

Да что там вершины власти, ты просто пошли какого-нибудь пламенного патриота в Америку, и его до основания потрясет и перестроит тамошняя демократия, при которой президент с одинаковой ревностью заботится «о безопасности евреев и Израиля» (слова Рейгана на встрече с членами Еврейского конгресса США) и о благополучии аборигенов в резервациях.

Вот и выходит, что возведенный в статье крепкий, хорошо сработанный дом стоит на зыбкой почве и на глазах расползается, а в красном углу хоть и иконка, но даже иконку нечистая сила нынче безбоязненно берет в руки. Жаль, не хватило писателю его всегдашней властности, чтобы кроме масленичного чучела, в которое, благодаря нашему Президенту, превратился призрак коммунизма, указать на жесткую движущую пружину современной истории — сионизм, тайно перерождающий все, во что он, как раковая болезнь, ни вживится. Опять, казалось бы, мелочь, почему, наверное, и проглядел ее Солженицын, а на поверку — дорогого стоит!

...Много острот ходило у нас по поводу эпохи «застоя», но при этом забывалась одна, не побоюсь этого слова, положительная особенность: в состоянии покоя нечто всплывает и болтается наверху, что-то оседает на дне и такое разделение само закрепляется у всех в сознании, не требуя доказательств. Почему, видимо, и началось всенародное прозрение, попытка разобраться, кому на Руси жить хорошо.

Не мог не заметить этого и Солженицын, хоть и сделал он это очень стыдливо: «Сегодня и в самой старинной в мире демократии, швейцарской, раздается тревожное предупреждение (Ганс Штауб): что важные решения принимаются в анонимных и контролируемых местах, где-то за кулисами, под влиянием «групп давления», «лоббистов»... Наш государствовед Б. Н. Чичерин отмечал еще в XIX в., что из аристократий всех видов одна всплывает и при демократии: «денежная». Так сказать, «денежки есть — нет беды, денежки есть — нет опасности...» Поэма «Современники» Некрасова, будто вчера написанная, может быть потому мне интереснее, чем самый совершенный сегодняшний государственный проект, что она дает духовный иммунитет, как и произведения Достоевского, Тютчева, Ильина. Иммунитет, без которого никогда не обустроить Россию собственно для народа, без которого мы всегда, как щенки, будем кружиться на месте, гоняясь за своим хвостом. К сожалению, такого вот главного слова Солженицын не сказал, но ведь на всякого мудреца довольно простоты. Вместо этого он призвал «все умножающееся и уплотняющееся человечество» к самоограничению, что вполне по душе и «малому народу», давно определившему для человечества роль чернорабочего на великой стройке совершенного миропорядка.

...А пока постамент для карлика в который раз перевернут, факиры застоя опять сверху. Ведь на то они и факиры, чтобы сбалансировать на самой неустойчивой подставке; вокруг взбита словесная пена новых левых, нашего, так сказать, «будущего», и вся эта шумиха затеяна не зря, а чтобы мудрый змей — «малый народ» — успел сменить коммунистическую кожу на капиталистическую, попутно обустроив транснациональные «ходы и норы, норы и ходы».

Да, перестройка — это не застой: сейчас хоть реки поворачивай, никто не спохватится, а если и заметит, так его пришьют толстыми белыми нитками к «делу Осташвили». Этим портняжным искусством славятся многие журналисты, особенно из «Комсомольской правды», для них высокий профессионализм в швейном деле обязателен, ведь как-никак они обслуживают молодежь. Впрочем, не буду заноситься, допущу, что хорошо шить умеют не только в Советском Союзе, но и за рубежом. И не во всякий час достанет сил даже самому могучему богатырю устоять против свиста, топанья, улюлюканья, поднявшихся после выступления Солженицына на Тайване, в котором он посмел уравнять в правах с евреями другие народы.

«В страданиях мудреет человечество. Неведение ведет его к испытаниям и мукам; в мучениях душа очищается и прозревает; прозревшему взору дается источник мудрости — очевидность», — писал Ильин.

«Вопли «патриотического блока» по поводу клеветы, очернительства, оплевывания русской истории, травли русских, развала державы, заговора черных сил против России и т. п. только мешают процессу, без которого невозможно никакое национальное возрождение», с трудом скрывает «гадливость и брезгливость к русскому, к «коренному» народу» Латынина в «ЛГ» № 41. Эта «скорбная брезгливость» лишь ненадолго сменяется в ее статье ликующей нотой: «Что мы знаем о немецких юношах и девушках, движимых чувством национальной вины, устремлявшихся в израильские кибуцы, чтобы помочь людям, перед которыми они — лично — ни в чем не виноваты? Так немцы покончили с германофобией. Так и мы можем покончить с русофобией — перестав ее выискивать повсюду и предъявив суровый счет прежде всего самим себе».

Что же до меня, я много бы отдала, чтобы услышать от наших переобустройщиков их собственные, а не сфальсифицированные от лица русского народа покаянные исповеди. Услышать прежде, чем «небо упадет на землю и Дунай повернет свои воды вспять».

МИТИНГИ НА КУБАНИ

24—26 января по многим станицам и городам Краснодарского края прошли митинги, приуроченные к 72-й годовщине подписания диктатором и палачом народа Свердловым директивы «О расказачивании», массовом терроре против трудового казачества и крестьянства.

В Краснодаре, на многотысячном митинге, проведенном Казачьей Радой после панихиды в Свято-Троицкой церкви по убиенным во время «красного террора» казакам, принято обращение к краевым и городским Советам народных депутатов с требованием демонтировать памятник-бюст Свердлову в центре города и переименовать улицы им. Свердлова, Атарбекова и других палачей русского народа.

На постамент памятника был брошен моток колючей проволоки и вывешены плакаты: **«Иешуа-Соломон Мовшевич Свердлов», «Нет места памятникам убийцам казаков!», «Памяти 1.250.000 казаков всякого пола и возраста, павших от террора на Кубани, развязанного Свердловым», «Восстановить историческую правду о казачестве!».**

Участники митинга подчеркивали прямое продолжение свердловской линии на геноцид русского народа в сегодняшней продовольственной политике кабинета Ельцина-Хасбулатова-Фильшина и иже с ними. По этому поводу участники митинга приняли обращение на имя Президента СССР Горбачева М. С. и в Верховный Совет РСФСР.

Юрий Павлов

ГОРЬКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ НЕКОТОРЫХ СТАТЕЙ ОСНОВОПОЛОЖНИКА СОЦРЕАЛИЗМА

Заметки хороши тем, что их можно начинать без вступления, без лишних слов.

Горький, как ни один из выдающихся русских писателей, часто ошибался в оценках отечественной культуры, литературы. Никто не дал своему народу столько, мягко говоря, неверных характеристик, не вылил на него так много грязи, как буревестник революции. На этом фоне приятно поражают многочисленные высказывания в статье «Разрушение личности» (1909), одной из наиболее значительных и фундаментальных работ Горького-критика.

Известный художник справедливо указывает на взаимосвязь храма искусства и народа, народа-помощника, вдохновителя, почвы, без которой невозможно явление гения. Тем самым писатель как бы вступает в спор со своими многочисленными высказываниями разных лет, высказываниями о России как рабской земле, о русском народе как народе-рабе.

Горький отмечает общечеловеческое звучание отечественной литературы, более сильное и частое, чем в других храмах искусства. Мысль, понятно, не новая, но всегда актуальная. Сегодня, как и в начале века и во все времена иные, процветает тип культурных вождей, которые видят «русский прогресс единственно в самооплевывании»[1]. Сразу, чтобы не попасть в разряд охранителей, сталинистов и черносотенцев, замечу: я не отождествляю самооплевывание с самокритичностью, между ними «дистанция огромного размера».

Да, мысль горьковская не нова, но ее необходимо постоянно доказывать, что с успехом делает уже не одно десятилетие В. Кожинов. Вводя нашу «улицу» в мировой исторический и культурный контекст, известный критик показывает ее реальное лицо, ее своеобразие — «преимущество». «Преимущество», заключающееся не столько в том, что Иван Грозный на фоне своих современников (королей Франции, Англии, Испании) выглядел не грозным, или казаки в сравнении с французской буржуазией были, по словам Герцена, «агнцами кротости», сколько во всечеловечности — самобытной черте русской литературы, русского национального характера, в «творчестве всечеловеческого диалога»[2].

В статье «Разрушение личности» есть суждение М. Горького, которое, с моей точки зрения, во многом объясняет силу литературы XIX века и слабость, трагедию литературы советской: «Психология старого русского литератора была шире и выше политических учений, которые тогда принимала интеллигенция... Старый писатель там, где политическое учение могло ограничить его художественную силу, умел стать над политикой, а не подчинялся ей рабски, как мы видим это в наши дни».

Сегодня, когда мы пытаемся разобраться в том, что с нами происходило и происходит, пытаемся объективно взглянуть на реальную историю нашей словесности, приведенная мысль Горького особенно актуальна, хотя и понятно, что не он первый ее высказал.

Многие суждения М. Горького об общественной и культурной ситуации начала века применимы к характеристике дня сегодняшнего. Новый, с точки зрения художника, тип писателя — «общественного шута, забавника мещанства, служащего публике, а не родине», стал сегодня лицом с общим выражением. Воздержусь от называния имен, серьезный читатель без труда сделает это сам, в том числе и по признаку, определенному еще Горьким: «Он научился ловко писать, сам стал фокусником слова и обнаруживает большой талант саморекламы». Необходимо уточнить, что талант саморекламы — это не только талант А. Вознесенского, без сомнения и устали твердящего о своей гениальности, но и «наивный» талант А. Рыбакова, «скромно» заявившего со страниц «Огонька»[3] о своей популярности, превосходящей популярность В. Белова, В. Распутина. Сопрягать творчество А. Рыбакова с названными писателями, конечно, не воспрещается, но навряд ли это занятие продуктивное, ибо явления эти разного плана, как Кукольник и Пушкин, Ю. Саульский и Г. Свиридов, Б. Сарнов и В. Кожинов, «Огонек» и «Наш современник». К тому же популярность (на что ссылаются сегодня многие) — критерий, очень часто не проясняющий истинных ценностей,

[1] Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т.— Т. 26. Л., Наука, с. 31.

[2] См. Кожинов В. «И назовет меня всяк сущий в ней язык...» — Наш современник, 1981, № 11.

[3] См. Письмо А. Рыбакова.— Огонек, 1989, № 5.

популярность нередко — лишь девица легкого поведения.

В статье «Разрушение личности» М. Горький отметил те явления в области культуры и политики, которые затем прогрессировали в советской истории. Я назову только два из них. Первое — это господствующее на протяжении десятилетий «хулиганское стремление забросать память о прошлом грязью и хламом», в чем в разной степени преуспели ЛЕФ и РАПП, Луначарский и Жданов, Бухарин и Горький, Троцкий и Сталин и многие, многие другие деятели времен минувших и нынешних. Второе — «эпидемия порнографии». Если восемьдесят лет назад Горький сетовал на молчание честных людей, то сегодня здоровые силы общества — В. Белов, В. Распутин, М. Любомудров и многие другие — чутко отреагировали на поступление «испражнений безответственного мозга» (М. Горький), пустой, развращенной души. Правда, как и в начале века, сила на их стороне: телевидение, кино, средства массовой информации, многие журналы отданы на откуп тем, кто, как и во времена буревестника революции, видит я хочет видеть в женщинах «кобыл», наделенных «неутомимою жаждой исключительно половой жизни, различными извращениями в половой сфере, заставляют сниматься нагими...» Справедливости ради нужно сказать, что современные борцы с «хамством» далеко обошли своих предшественников. Женщины как мужчины и мужчины как женщины заполонили сцены, и их телодвижения называют теперь балетом, театром и т. д.; известный ученый муж, воспитатель молодого поколения, советует родителям с 7-го класса подыскивать партнеров своим детям; «прорабы духа» от театра, кино, литературы показали то, что их предшественникам, видимо, и не снилось...

В статье «Разрушение личности», как и в других работах, особенно «Две души», «Несвоевременные мысли», проявилось неверное понимание художником народа, крестьянства. Для Горького мужик представлен преимущественно только одним национальным типом Тюлина. Минина же писатель считает героем на час, Платона Каратаева и других «юродивых», «милых мужичков» относит он к персонажам нереальным, придуманным ради дворянского успокоения. Ошибочность этих суждений очевидна.

Горький, как многие его и наши современники, не понял и извратил Достоевского и Толстого. «Смирись, гордый человек» он воспринял как «терпи» (произошла подмена далеких по значению понятий) и вместе с «Не противься злу насилием» отнес к лозунгам, наиболее обидным для человека. Однако в «Несвоевременных мыслях» протест против «арифметики безумия», против «придушения демократии», многие другие высказывания свидетельствуют о позиционной близости М. Горького и Л. Толстого.

По отношению к русскому народу точка зрения художника в «Несвоевременных мыслях» во многом совпадает со взглядами, которые он критиковал ранее, утверждая, что «фефелой», «потревоженным зверем» и так далее народ никогда не был, и предстает он таким по воле «Гершельманов, Штакельбергов, Ранненкампфов и других культурных вождей». Гораздо больше меня поражают не эти в высшей степени несправедливые высказывания буревестника революции (у него были, как уже отмечалось, к тому предпосылки), а современные комментаторы «Несвоевременных мыслей», прошедшие мимо этих оценок или согласившиеся с ними.

А. Овчаренко, проявивший в данном вопросе большую солидарность с М. Горьким, чем И. Вайнберг (вот только одно суждение исследователя: «Сердце художника обливалось кровью от сознания того, что его народ в силу исторических причин не выработал органической любви к труду, умения доводить начатое дело до конца, что его национальная психика неустойчива»[1]), делает по меньшей мере странное заявление: «Народ в прозе и публицистике Горького предстает в более объективном освещении, чем даже у Толстого, Достоевского, Чехова»[2].

Согласиться с мнением известного специалиста по творчеству основателя социалистического реализма невозможно, как невозможно в рамках данных заметок аргументировать свою точку зрения, для этого нужно написать отдельную статью.

Другие суждения писателя, подобные следующему: «Однако главнейшим возбудителем драмы я считаю не «ленинцев», не немцев, не провокаторов и темных контрреволюционеров, а более злого, более сильного врага — тяжкую российскую глупость» созвучны многочисленным утверждениям современных авторов, которые все грехи семидесяти лет взвалили на плечи русского народа, сделав из него козла отпущения.

Концепция эта, принятая рядом авторов как аксиома, активно тиражируется сегодня «Огоньком», «Юностью» и другими изданиями. Т. Иванова, поставив перед собой задачу найти социальные корни сталинизма, тут же сходу решила ее. Правда, как это часто бывает со сверхэмоциональным обозревателем «Огонька», мысль ее буквально гасиет под напором чувств, логика суждений столь неуловима, что создается впечатление об ее отсутствии, вся же словесная лава низвергается для того, чтобы подогнать решение под заранее известный ответ. Т. Иванова «скромно» заявляет от имени русского народа, что он, порождая стукачей и катов, сотворил сталинизм, который в ином случае «был бы невозможен, немыслим»[3].

Во-первых, отождествление доносчиков и палачей со всем, как выражается критикесса, «великим многомиллионным наро-

1. Овчаренко А. О «Несвоевременных мыслях» М. Горького.— Литературная газета, 1988, № 37.

2. Там же.

3. Иванова Т. Вот приедет барин.— Огонек, 1988, № 16

дом» выполнено по хорошо знакомым рецептам. Во-вторых, как же Мао Цзедун и Пол Пот без русских обошлись, или там действовали наши агенты? В-третьих, не призывая идеализировать народ, приведу высказывание, имеющее непосредственное отношение к теме разговора, высказывание академика Д. Лихачева (для Т. Ивановой, «Огонька» и их единомышленников — авторитет непререкаемый): «Судить о народе мы должны по преимуществу, по тому лучшему, что он воплощал или даже только стремится воплотить в жизнь, а не по худшему. Именно такая позиция самая плодотворная, самая миролюбивая и самая гуманистическая» [1].

Несмотря на совпадение взглядов Горького и нынешних «прорабов перестройки», нельзя не признать, что автор «Несвоевременных мыслей» искренне и глубоко переживает за судьбу своего народа, его волнует, что «фантазеры из Смольного», готовые принести Россию в жертву мировой революции, относятся к ней как к материалу для опытов. Именно тревогой и любовью, думаю, продиктованы «Заметки из дневника. Воспоминания», которые писатель первоначально хотел назвать «Книгой о русских людях, какими они были». Об этом чувстве свидетельствуют и авторский комментарий к данному замыслу («Но я нашел, что это звучало бы слишком громко. И не вполне определенно чувствовал: хотелось ли мне, чтобы эти люди стали иными?»), и следующие строки из письма к Ромену Роллану: «Мучает меня эта загадка — человеческая русская душа. За 4 года революции она так страшно и широко развернулась, так ярко вспыхнула. Что же — сгорит и останется только пепел — или?»

Общеизвестно, что в 20-е годы, когда написана большая часть книги и созданы статьи, очерки, логически продолжившие ее, быть русским, как и вообще национальным художником, было опасно. Как правило, национальное отождествлялось с контрреволюционным, поэтому разговор о русских писателях и русской культуре — это очередной смелый шаг М. Горького. Правда, ситуация не намного изменилась и сегодня, когда при формальном обилии русских быть настоящим представителем этой нации — не по крови, а по духу — трудно и опасно. (Б. Сарнов, Ивановы, Н. Ильина, В. Коротич, Г. Бакланов, В. Лакшин и многие, многие другие сразу зачислят в стан врагов перестройки и шовинистов). Сегодня, как и в застой, и в 20-е годы «прогрессивнее» всего быть человеком в о о б щ е. Эту простую истину давно понял Е. Евтушенко, который устами героя из «Ягодных мест» вполне определенно сказал о своей позиции: «Пусть сольются во мне навек оба слова — еврей и русский — в слово радостное человек».

В очерках о знаменитых писателях М. Горький остается верен себе; глубокие и тонкие мысли о Толстом, Чехове, Есенине, Короленко, которые стали хрестоматийными, сочетаются с таким же глубоким непониманием России, ее народа. Это, естественно, влияет на восприятие личности и творчества названных и неназванных художников. Показателен отрывок из очерка «Лев Толстой»: «Вчера он сказал мне:

— Я больше вас мужик и лучше чувствую по-мужицки.

О, господи! Не надо ему хвастать этим, не надо!»

Помимо известных справедливых высказываний Горького о С. Есенине как органе природы, о ненужности поэту его окружения с Дункан во главе, многочисленные суждения писателя, содержащиеся в письмах, беседах, очерках, не способствуют пониманию личности и творчества великого художника: «Сам Есенин, со всем его хулиганством, превосходное художественное произведение, шутя и цинически созданное окаянной русской действительностью» [2]. «Он силен тем, что ничего не любит, ничем не дорожит. Он, как зулус, которому бы француженка сказала: ты — лучше всех мужчин на свете! Он ей поверил,— ему легко верить, он ничего не знает. Поверил и закричал на все и начал все лягать. Лягается он очень сильно, очень талантливо, а кроме того — что?» [3]

В статье «О пользе грамотности» (1928) Горький справедливо говорит о безграмотности авторов «Октября», редакторов этого журнала. Но далее, ведя речь о «молодой литературе», писатель высказывает суждения, родственные вульгарно-социологическим взглядам деятелей пролеткульта, РАППа, ЛЕФа. Литература, с точки зрения Горького, является коллективным делом рабочего класса, который наполняет «понятие «общечеловеческое» действительно общечеловеческим содержанием». Эта мысль — неудачная проекция известного положения марксизма — доводится в конце концов писателем до предела, до абсурда. Разделяя общечеловеческое на старое и новое, художник констатирует, что против старого общечеловеческого, против «множества мерзостей» (до таких крайне вульгарных представлений опускались лишь самые отчаянные «неистовые ревнители») должны бороться писатели и критики, правда, он уточняет, коммунисты.

Отсчетом истинно общечеловеческого лишь с Октября (заболевание, как известно, типичнейшее) Горький зачеркивает само понятие, а вечные духовно-нравственные ценности сбрасываются с корабля современности. Большинство предшественников известного художника по такой «селекции», начавшие с нигилизма на заре своей, действительно, туманной юности к концу 20-х годов одумались, прозрели, амнистировали и классику, и частично те ценности, которые она породила. Буревестник же революции

[1] Лихачев Д. Заметки о русском.— М., Советская Россия, 1984, с. 38.

[2] См. Архив А. М. Горького. Т. XI, с. 30.

[3] См. Литературное наследство. Т. 70, 1963, с. 568.

в этот период заболел футуристически-пролеткультовской ветрянкой.

Правда, в этой статье, как и в других публикациях, Горький призывает учиться у великих представителей отечественной литературы, но учеба эта ограничивается лишь грамотностью, языком. Остальное же — главное в классическом наследии — было для него несъедобной «идеологической заразой».

Горький справедливо говорит, что критики не должны учить писателей политграмоте. Однако известного мастера слова не устраивает не сама учеба, а учителя. Ими должны быть, по мнению Горького, «люди более осведомленные и талантливые, чем критики и рецензенты». Давно настала пора подвести итоги этой учебы: «осведомленные и талантливые» деятели партийно-литературного уровня нанесли ущерб нашей словесности столь серьезный, что он не может быть сравним ни с какими самыми мрачными годами в нашей дореволюционной истории. Необходимо признать наконец: художником не надо ни руководить, ни тем более обучать его политграмоте.

Известный художник остро ощущает опасность критики, похожей на смертельный приговор. И в то же время сам развешивает ярлыки — приговоры, произносит слова, вынесенные в заглавие статьи: «Если враг не сдается — его уничтожают» (1930), слова, ставшие трагическим символом времени.

Горький-критик нередко упрощенно, в духе века, понимает личность лишь как продукт социально-общественных отношений («О пролетарском писателе») и верит, что изменение этих отношений коренным образом влияет на человека. Поэтому писатель настойчиво ищет ростки нового и находит искомое там, где оно отсутствует, или имеется, но плодотворным его я назвать не могу. В этом отношении показателен доклад Горького на I съезде советских писателей 17 августа 1934 года.

Не думаю, что отказ от своей фамилии, какой бы она ни была, свидетельствует о росте человеческого достоинства, как ни говорит об этом факт вхождения в жизнь детей «созидательными и строгими судьями прошлого» и своих родителей. А. Платонов за четыре года до речи известного художника в «Котловане» на образе Насти прекрасно показал, что такие ростки нового ведут в пропасть, к гибели, в первую очередь, моральной, не только отдельного человека, но и всего порожденного этой бездушной, регламентированной, механической жизнью.

В докладе, который принято почему-то характеризовать как событие исключительно положительное, чуть ли не выдающееся, М. Горький продолжил свой спор с русской классикой. Не могу согласиться ни с оценкой героев «Мертвых душ», ни с упреками в адрес выдающихся мастеров нашей словесности, упреками, в которых явно виден все тот же социальный заказ переписать историю на новый лад, залить ее грязью и т. д. Помните, этим занялись и черти, захватив монастырь, в сказке В. Шукшина «До третьих петухов»...

Не был оригинальным М. Горький, когда говорил о превращении «векового собственника в коллективиста-колхозника» и констатировал «подлинное и полное освобождение крестьянства от «власти земли», из-под гнета собственности». В статье «О культурах» (1935 г.) писатель повторил эту, полюбившуюся не только ему, мысль: «Где пролетариат, следуя учению Маркса-Ленина и руководимый Иосифом Сталиным, освободил крестьянство от идиотской «власти земли», от покорного подчинения капризам природы...»

Да, долгое время «власть земли» рассматривалась как показатель отсталости, социальной неразвитости, двуликости (собственник и работник в одном лице) крестьянства. Сегодня, когда действительно не существует власти земли, без труда можно определить, что этим шагом, которым восторгался Горький, был низведен в конце концов не только работник, хозяин земли, но и уничтожен вековой нравственный культурный уклад народной жизни. В этом я вижу одну из величайших трагедий не только XX века, но и всей нашей истории, трагедию, даже более значительную, чем монголо-татарское иго или Великая Отечественная война.

Горький не любил отечественную традицию, которая в основе определяла чувство, сердце (Л. Н. Толстой писал: «...Я останавливал себя всегда, когда начинал писать из головы, и старался писать только из сердца» [1]). Буревестник революции говорил не раз о своих симпатиях к разумной Европе (в очерке «А. А. Блок», например), что в какой-то степени объясняет математический подход художника к литературе. Горький неоднократно повторял, на съезде в том числе, что в России на душу населения приходится гораздо меньше писателей, чем в Скандинавских странах, и мечтал о том времени, когда мы догоним их по этому показателю. В известном докладе он предложил регламентировать литературный процесс — «наметим 5 гениальных и 45 очень талантливых писателей», остальных же... в остаток?!

Этот подход Горький применял не только в литературе. В статье «Если враг не сдается — его уничтожают» художник в духе времени писал: «...По плану на 1929—1930 гг. ...колхозы должны были дать 20 миллионов гектаров, а мы имеем уже 36!» Эту способность за цифрой не видеть жизнь или просто прятаться от нее мгновенно определил и показал в своем «Котловане» А. Платонов. Герой его повести, подобно Горькому, да и нашим современникам, определяющим успехи по вложенным миллионам, миллиардам и т. п., успокаивает

[1] Толстой Л. Н. Из записных книжек, дневников, писем и черновых редакций.— В кн.: Толстой Л. Н. Литература, искусство. М., Современник, 1978, с. 207.

Пашкина, услужливо поднявшего бутерброд: «Не стоило нагибаться... На будущий год мы запланировали сельхозпродукции по округу на полмиллиарда».

В статьях и очерках 30-х годов знаменитый художник в духе времени отдал дань «гениальности», «мудрости» и т. д. И. Сталина. Но в отличие от многих писателей-современников, в отличие от сегодняшних «прорабов перестройки» с Коротичем во главе, М. Горький все же не вписался в систему. О чем свидетельствуют и записки Ромена Роллана, и замена сообщений о репрессированных на информацию о трудовых победах в правдинских номерах, предназначенных писателю, и загадочная смерть писателя, по поводу которой соглашаешься с версией — буревестника революции отравили. Это, как и многое другое, неизвестное и частично известное, неизданное и урезано изданное, дает основание предполагать, что узнавание и осмысление М. Горького — художника и человека, критика и публициста — во многом еще впереди.

Главный редактор В. А. Канашкин
Редакционная коллегия: Бондарчук С. Ф., Варавва И. Ф., Захарченко В. Г., Знаменский А.Д., Кузнецов Ю. П., Ластовкин Ю. В. (зам. гл. редактора), Влад. Г. Левченко, Соловьев Г. М. (ответственный секретарь).
Технический редактор Глова О. В.
Корректоры Рубцова В. А., Псеунок Н. Ш., Рудченко Н. А.

Сдано в набор 29.11.90 г. Подписано в печать 8.02.91 г. Формат бумаги 70x100/16. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 10,48. Тираж 60 000. Заказ 1048.
Адрес редакции: 350650, Краснодар, а/я 69, ул. Коммунаров, 59.
Телефоны: главный редактор 52-29-44, заместитель главного редактора, секретариат 59-22-60.

Типография издательства «Советская Кубань». 350680, Краснодар, ул. Шаумяна, 106.
Редакция принимает только первые экземпляры не публиковавшихся ранее рукописей, отпечатанных на машинке.

Рукописи объемом меньше печатного листа не возвращаются.
Рукописи, присылаемые членам редколлегии, к рассмотрению не принимаются.